

УСАДЬБЫ ПОДМОСКОВЬЯ

В. Глушкова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Вера Георгиевна Глушкова
Усадьбы Подмосковья. История.
Владельцы. Жители. Архитектура
Серия «Исторический путеводитель»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3953505

Глушкова В.Г. Усадьбы Подмосковья. История. Владельцы. Жители. Архитектура: Вече; Москва;

2015

ISBN 5-9533-1165-6

Аннотация

В книге представлен исторический, краеведческий и архитектурно-художественный материал почти о 170 бывших усадьбах Подмосковья.

История усадеб неразрывно связана с личностями и судьбами их владельцев, строителей, гостей, с событиями, произошедшими в этих усадьбах, в известной степени она отражает всю многострадальную и поучительную историю России.

Книга предназначена для самого широкого круга читателей.

Содержание

Предисловие	5
1. Северный сектор	8
Мытищинский район	9
Дмитровский район	38
Талдомский район	57
2. Северо-восточный сектор	59
Мытищинский район	60
Пушкинский район	66
Сергиево-Посадский район	81
Щелковский район	96
3. Восточный сектор	107
Балашихинский район	108
Конец ознакомительного фрагмента.	121

В.Г. Глушкова

Усадьбы Подмосковья. История. Владельцы. Жители. Архитектура

*Посвящается памяти моих бабушек Ксении Александровны
Воробьевой и Нины Александровны Глушковой – выпускниц Смольного
и Екатерининского институтов благородных девиц*

Рецензенты: д.г.н. профессор А.И. Алексеев, к.п.н. доцент О.А. Бахчиева

В книге использованы фотографии Дмитриева С.Н., Тренихина М.М., Казанцева В.П.

© Бурыгин С.М., автор идеи и проекта, 2015

© Глушкова В.Г., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Познание истории создания, развития подмосковных усадеб, знакомство с их менявшимися владельцами и их судьбами, а также событиями в усадьбах, архитектурно-художественными, планировочными и ландшафтными особенностями приковывают интерес думающего, любознательного человека. Писать для широкой аудитории о подмосковных усадьбах дело не простое, более того – трудное, но увлекательное. До сих пор нет обстоятельной книги или серии книг – научных, научно-популярных, просто популярных – с комплексным изложением информации обо всех основных подмосковных усадьбах. Есть книжки-каталоги архитектурных памятников Подмосковья, в том числе и сохранившихся в бывших усадьбах; но в них сугубо профессиональным языком описаны исключительно лаконично и сухо только архитектурно-планировочные и художественные особенности усадебных комплексов. Второй тип книг повествует о небольшом числе наиболее известных, красивых усадеб, включая рассказы об их истории и архитектурно-художественных ценностях. Третий тип книг дает информацию о конкретной усадьбе, ее истории, жизни хозяев, событиях в ней, это объемные и интересные книги; но они рассказывают об одних и тех же немногочисленных прославленных усадьбах, в них, как правило, есть музеи или музейные экспозиции. Четвертый вид публикаций – это ограниченного объема статьи об усадьбах, в самых разных изданиях – от атласов и книг до сборников статей, альманахов, журналов, газет.

Практически во всех общедоступных научно-популярных изданиях видим одно и то же: рассказывают в лучших случаях о 10–20 наиболее известных, как правило, больших и богатых усадьбах. Но в Подмосковье их было гораздо больше. Даже сейчас сохранилась уйма мест, где уцелели целые усадебные ансамбли, их части или остатки, а также зримые следы того, что они существовали, но порой только людская память хранит воспоминания о них.

Цель этой книги – рассказать поучительные истории создания, развития и своеобразия большого числа подмосковных усадеб (около 170), о жизни и судьбах их владельцев, строителей, жителей, чтобы читатели, получив информацию и обдумав ее, сделали собственные выводы и использовали в своей практике нынешнего и завтрашнего дня современной России. Книга рассчитана на думающих людей, способных осваивать и анализировать информацию во имя принятия в их жизни правильных выводов и грамотных решений, склонных к личным раздумьям и объективному критическому осмысливанию и объяснению событий, процессов. (К сожалению, современная система воспитания и образования больше учит зубрить и бездумно отвечать на проверочные тесты, чем приобщаться к аргументированному мышлению и плодотворным раздумьям, не формировать сознательную и деятельную позицию, а готовить молодое поколение к роли послушных и не способных мыслить пассивных исполнителей чужой воли и приказов.) Книгу нужно внимательно читать и «мотать на ус» опыт событий прошедших дней во имя успехов дней будущих.

Информация для этой книги собиралась несколько десятилетий. Финансовые реалии большинства жителей Москвы и Подмосковья заставили издательство и автора лимитировать объем книги, чтобы она была доступна для покупки всем желающим. Пришлось ограничить объем издания, изложить далеко не всю собранную и любопытную информацию. Критериями для выбора описаний усадеб были: интересные история, владельцы, гости, зодчие, строители усадеб, а также их архитектурно-художественные достоинства.

Как и в предыдущих наших книгах о Подмосковье, повествование в этой книге ведется по территориальному принципу. Начинаем с рассказа об усадьбах северного сектора и затем продолжаем повествование в очередности по движению воображаемой часовой стрелки по карте Московской области. В каждом секторе изложение информации об усадьбах ведется по

мере их удаления от Москвы, с указанием административных районов – мест расположения усадеб.

Жизнь опережает все публикации, требует постоянного обновления информации, вот почему читатели в отдельных случаях могут отметить различия в тексте и в реальности. Не сомневаюсь, что кто-то найдет наш рассказ неполным, кто-то отметит частные неточности. Читатели могут уточнить и улучшить содержание этой книги, все замечания мне интересны, полезны и дороги. Совсем хорошо, если кто-то сам не только в мыслях и желаниях, но и на деле продолжит кропотливую трудоемкую работу по сбору материалов для продолжения и улучшения рассказа о подмосковных усадьбах. Это будет для меня большой радостью, тогда в меру моих сил и знаний я постараюсь помочь подобным смельчакам. Очень надеюсь, что молодые, энергичные, позитивно настроенные люди внесут свой достойный вклад в изучение, разъяснение ценности, пропаганду значимости подмосковных усадеб в воспитательной работе и культурной жизни наших соотечественников.

Благодарю всех читателей книги, особенно тех, кто после выхода первого издания прислал мне свои добрые, нехитрые и искренние отзывы, добавления, советы; я их старалась учесть в этом издании. Особенно благодарю сотрудников издательства «Вече» С.Н. Дмитриева, Н.С. Дмитриеву, О.Н. Богачеву за помощь в доработке рукописи и второе издание этой книги.

* * *

Возникновение подмосковных дворянских усадеб относится к периоду царствования Ивана Грозного (1530–1584 гг., великий князь всея Руси с 1533 г., первый русский царь с 1547 г.). По желанию Ивана Грозного царское правительство за заслуги одаривало дворян и других его слуг землями в Московском и смежных с ним уездах. Во второй половине XVI в. в Подмосковье уже были многочисленные поместья бояр и дворян, которые были пожизненными государевыми слугами. Местом их постоянного жительства были московские дворы. Им отпуска давались редко. При этом они были краткосрочными, поэтому большинство бояр и дворян обстоятельно не обустраивали загородные владения для своего кратковременного пребывания. Но некоторые все-таки обстоятельно обустраивали свои подмосковные усадьбы, допуская, что они могут стать на долгий срок их местопребыванием в случае государственной опалы (но могли сослать и в дальние их имения). Подмосковные усадьбы, а раньше обычно говорили просто – подмосковные – для основной части владельцев были производителями продовольствия для их хозяев, которые редко и ненадолго приезжали в них, чтобы проверить работу приказчика, развлечься псовой и соколиной охотой или просто спокойно отдохнуть.

С 70-х гг. XVII в. приближенные царя начинают все чаще и чаще хорошо обустраивать подмосковные усадьбы, строить в них храмы, порой создавать различные садово-парковые «затеи». Первые попытки обустроить Подмосковье с учетом европейских представлений о красоте и удобстве в соответствии с новыми потребностями дворянского быта относятся к периоду царствования императрицы Елизаветы Петровны (1709–1761 гг., царствовала с 1741 г.). Но до нас не сохранилась ни одна подмосковная усадьба того периода в первоначальном виде. Остались в лучшем случае храмы, усадебные комплексы и перестроенные до неузнаваемости господские дома.

Очень мощным толчком для строительства, благоустройства, украшения усадеб стал Манифест императора Петра III (1728–1762 гг., царствовал с 1761 г.) «О вольности дворянской», опубликованный в 1762 г. Этот манифест дал дворянству как господствующему сословию очень широкие привилегии, освободил дворян от обязательной государственной службы. Дворяне к этому времени владели землями и крепостными в виде вознаграждения

за обязательную пожизненную службу государству. В 1762 г., когда дворянство было освобождено от обязательной пожизненной службы государству, дворяне сохранили свои права на владение землей и крепостными. Позже, в 1785 г., при императрице Екатерине II (1729–1796 гг., царствовала единолично с 1762 г.), эти права были укреплены и расширены. Сразу после выхода Манифеста Петра III (1762) многие дворяне вышли в отставку, вернулись в свои родовые усадьбы, стали их благоустраивать и украшать. Со второй половины XVIII в. и почти до середины XIX в. продолжался период расцвета дворянских усадеб, закат блеска дворянских гнезд начался в 60-х гг. XIX в.

После 1861 г. (отмена крепостного права, создание условий для развития капитализма в России) многие дворянские усадьбы с их традиционным укладом исчерпали себя. Дворяне-помещики лишились дармовой рабочей силы, стали остро ощущать нехватку финансовых средств для содержания усадеб. Постепенное разорение дворянства привело к упадку многих «дворянских гнезд». Дворяне были вынуждены с сожалением продавать свои родовые усадьбы. С конца XIX в. многие дворянские усадьбы были проданы богатым промышленникам и купцам, которые стали их использовать в бытовых, хозяйственно-коммерческих, а иногда и благотворительных целях.

После осенних событий 1917 г., национализации земли и крупной собственности, в том числе усадеб, веками накопленные в них ценности, прежде всего исторические и архитектурно-художественные, оказались в большой опасности. Сохранить их для будущих поколений, спасти в условиях Гражданской войны, разрухи, нищеты, низкой культуры огромной части населения страны было очень трудно. Музеефикация лучших усадеб в массовой практике сошла на нет, так как не было финансовых средств на содержание подобных музеев. Вывоз из усадеб основных ценностей в местные центры и в Москву планируя поместить их со временем в музеи, большого эффекта не дал, хотя часть художественных ценностей таким образом была сохранена, но и огромная их часть бесследно пропала. При этом вывоз вещей, художественных ценностей из усадеб навсегда лишил их овеществленного культурного содержания, за ними безвозвратно ушла из усадеб живая жизнь поколений, разрушилась усадебная культура. Размещение в усадебных постройках детских и рекреационных учреждений, их занятие под нужды крестьянских хозяйств неизбежно вели к умалению или разрушению их архитектурно-планировочной и художественной особенностей, а также интерьеров усадеб, лишало их индивидуальности.

В одних усадьбах разместили школы, больницы, детские дома, жилье, правительственные резиденции, государственные дачи высшей администрации и партийных лидеров, в других – открыли дома отдыха и санатории, а в некоторых – музеи.

В наши дни бывшие и преимущественно дворянские усадьбы служат россиянам как дома отдыха, санатории, музеи, правительственные резиденции, а некоторые уже успели купить расторопные организации или физические лица, среди последних – одни «новые русские». Но изловчившись, ухватив большие деньги, урвав себе место в деловом мире, получив нередко и властную поддержку, им никогда не достичь врожденного дворянского благородства и истинной культуры. Вот почему в новых частных усадебных владениях невозможно создать даже тусклый отблеск идиллии настоящей усадебной жизни. Еще меньше шансов создать современный вариант усадебной жизни в ее коттеджной режиссуре.

1. Северный сектор

Север Московской области выделяется обилием живописных мест, красотой водных акваторий, большим разнообразием ландшафтных богатств природы. Северный сектор включает следующие районы области: Мытищинский (его западную часть), Дмитровский, Талдомский. Этот сектор имеет 2 главные транспортно-хозяйственные оси: Савеловское направление железной дороги и канал им. Москвы (был построен в 1932–1937 гг.). Северный сектор Подмосковья и в прошлом отличался обилием живописных мест, красотой водоемов, большим разнообразием ландшафтов. Неудивительно, что издавна здесь была плотная сеть населенных пунктов, были построены многочисленные усадьбы, некоторые из них сохранились до наших дней, но чаще всего мы можем увидеть только части или остатки бывших усадеб.

Мытищинский район

Бывшая усадьба **Виноградово на Долгом пруде** теперь находится в черте города Москвы, а еще не так давно входила в городскую черту г. Долгопрудный Мытищинского района. Эта усадьба расположена в издавна заселенном месте, история **села Виноградова** составляет почти 4 века. Село, давшее название усадьбе, впервые упоминается в документах в 1623 г. Его владельцем в те далекие времена был предок А.С. Пушкина – Г.Г. Пушкин, которого поэт упомянул в трагедии «Борис Годунов» и в стихотворении «Моя родословная». Пушкиным Виноградово принадлежало с начала XVII в. до 1729 г.

Усадьба Виноградово как архитектурный ансамбль сложилась в 1770-х гг., когда ее хозяином был генерал-аншеф А.И. Глебов. Вспоминая этого владельца усадьбы, снова удивляешься причудам российской истории. Императрица Екатерина II называла А.И. Глебова плутом и мошенником. 8 лет он был под следствием за хищения, тем не менее его произвели в генерал-аншефы. Он был среди тех, кто судил Е.И. Пугачева и подписал ему смертный приговор. После Глебовых владельцами усадьбы были Бенкендорфы (1790–1885), затем М.Я. Бучумов (1885–1910) и Э.М. Банза (1911–1914), потом Р.В. Герман. А.И. Глебов и Бенкендорфы похоронены на кладбище при усадебной Владимирской церкви.

При Бенкендорфах – трезвых и рачительных владельцах – усадьба представляла собой развитое хозяйство, приносившее ощутимый доход.

Бенкендорфы – дворянский род немецкого происхождения, его родоначальник в XVI в. переселился в Лифляндию, с XVIII в. Бенкендорфы перешли на российскую службу. Наиболее известен Александр Христофорович Бенкендорф (1783–1844) – граф (1832), боевой генерал, герой войны 1812 г., разведчик и партизан, освободитель Голландии от наполеоновского господства, член Государственного совета и Кабинета министров, Георгиевский кавалер, друг императора Николая I и декабриста С.Г. Волконского, ходатай за А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, участник подавления восстания декабристов (1825), с 1826 г. шеф жандармов. Он пытался создать государственный механизм борьбы с коррупцией и казнокрадством, смог увести любовницу у Наполеона, пережил мучительный роман с баронессой А.М. Крюденер (ей посвящены стихотворения Ф.И. Тютчева «Я встретил вас» и «Я помню время золотое»).

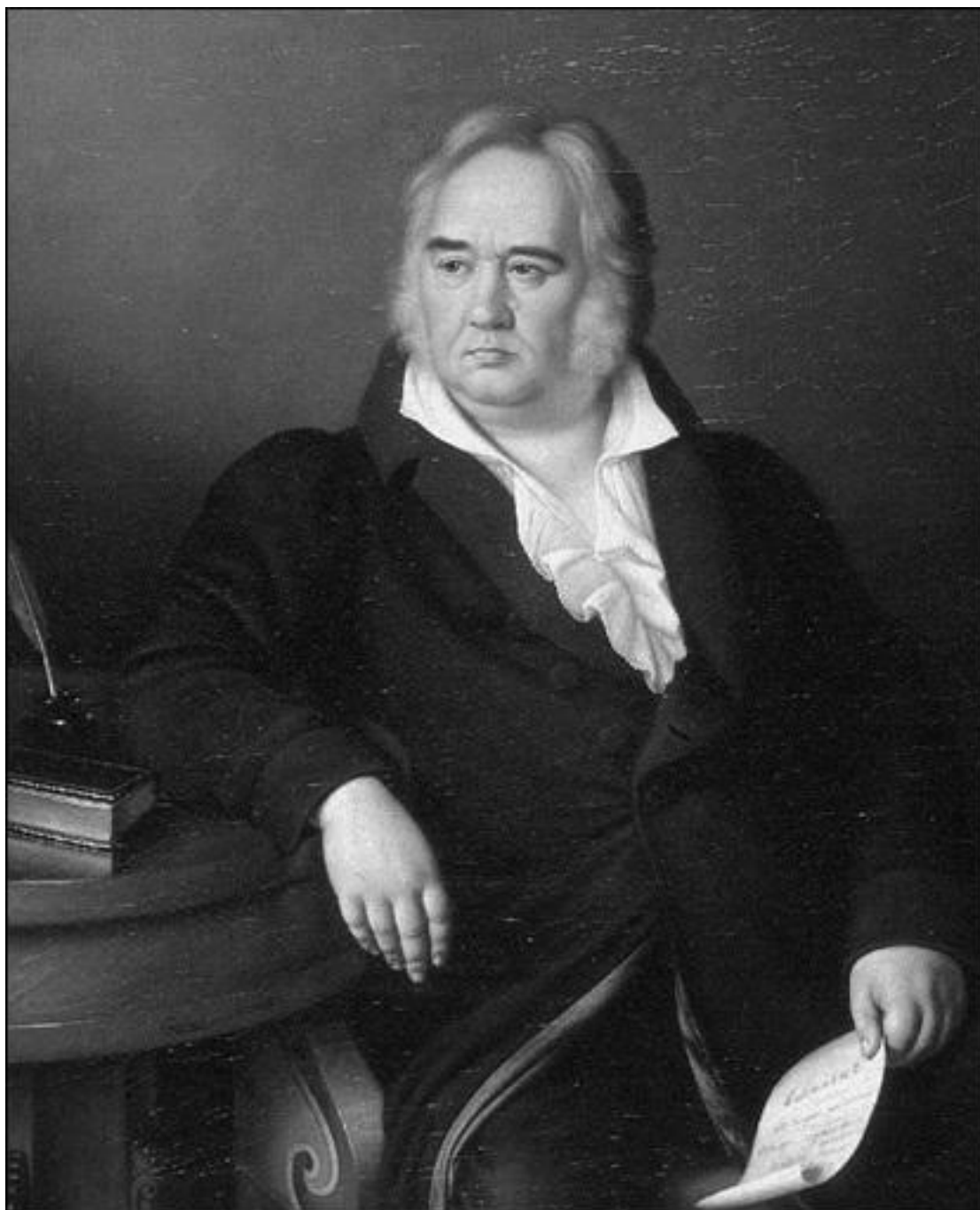
А.Х. Бенкендорф

В начале – середине XIX в. род Бенкендорфов был богатым и влиятельным. При Бенкендорфах усадьба Виноградово на Долгом пруду стала притягательным местом для многих. Сюда среди других гостей с удовольствием приезжали и подолгу жили поэт Г.Р. Державин, историк Н.М. Карамзин, баснописец И.А. Крылов и др.

Ивану Андреевичу Крылову (1769–1844) усадьба Виноградово дала мощный импульс его поэтическому дару баснописца. Он жил в этой усадьбе в 1803–1804 гг. и посвятил дочери владелицы именно этой усадьбы свои первые басни – «Дуб и трость» и «Разборчивая невеста». В те годы И.А. Крылову было 35 лет. Позади были детство, когда он едва не погиб во время пугачевщины – его отец защищал Яицкий городок от войска Е.И. Пугачева, служба подканцеляристом при почти нищенском существовании, служба в Казенной палате и в Горной экспедиции Кабинета ее величества в Петербурге, выход в отставку, участие в издании журналов «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий». Крылов написал комическую оперу «Кофейница», пробовал силы в жанре трагедии и комедии. С 30 лет

он увлекся карточной игрой, ставшей для него средством существования. И вот как раз в этот период жизни Крылов оказался в Москве и в Подмосковье, где написал свои первые басни, позже прославившие его. Так что Виноградово является чуть ли не колыбелью его таланта. В 1805 г. в Москве он познакомился с И.И. Дмитриевым и при его помощи напечатал в «Московском зрителе» три переводные басни, что стало началом его литературного триумфа в России. За 1809–1843 гг. он создал более 200 басен, отличающихся сатирической остротой, ярким и метким языком, в которых обличаются человеческие пороки. При этом он сам обладал некоторыми из них: страдал обжорством, был неряшливым, небрежным и ленивым во всех делах, кроме баснетворчества. Но Крылов был человеком и поразительной воли, редкого остроумия, уклончивой осторожности, беспредельного трудолюбия в баснесложении. В 1841 г. он был выбран академиком Петербургской академии наук. По силе выражения и красоте формы басни Крылова лучшие в русской литературе. Н.В. Гоголь назвал басни И.А. Крылова «... книгой мудрости самого народа».

В 60—70-х гг. XVIII в. в Виноградово у пруда построили одноэтажный деревянный дом в классическом стиле и разбили регулярный парк, возвели звонницу, часовню и церковный дом. При Банзе усадьба была реконструирована в стиле неоклассицизма и эклектики (вероятно, к работам был привлечен известный архитектор И.В. Жолтовский). В 1911–1912 гг. были построены новый усадебный дом Банзы и дом Германа, хозяйственные постройки, въездные ворота, мост. Хозяева стремились усилить доходный характер усадьбы. Во имя этого построили здания конного и скотного дворов, клуб-кинотеатр для наемных рабочих.

И.А. Крылов

Виноградово. Усадебный дом

В составе архитектурного ансамбля бывшей усадьбы Виноградово сохранились созданный по классической трехчастной схеме деревянный оштукатуренный дом Банзы (1911) с 2-этажным центральным корпусом, деревянный 2-этажный дом Германа (1912) в формах модерна, одноэтажный рубленый домик-контора в чертах неоампира, сильно перестроенный конный двор, скотный двор, клуб-кинотеатр (начало XX в., с зрительным залом на 40 чел.), парк (конца XVIII – XX вв.), Владимирская церковь (1770-е гг.) и ее колокольня. Сохранился также парк (XVIII–XX вв.) с регулярной и пейзажной частями и остатками террасных прудов.

Наибольший архитектурно-художественный интерес представляет Владимирская церковь (1772–1777). Это кирпичная оштукатуренная постройка с деталями из белого камня. Храм имеет ярусное построение, треугольное основание (его нижняя двухсветная часть вписана в треугольник со скругленными углами), вписанную в него купольную ротонду (образующую верхний двухсветный ярус с небольшой главкой на стройной трибуне). Стены внутри храма не расписаны, на белом фоне выделяется изящный голубой с золотом иконостас в стиле Людовика XVI с иконами XVIII–XIX вв. Иконостасы также имеются в двух приделах. Владимирская церковь является выдающимся произведением раннего классицизма.

Виноградово на Долгом пруде. Владимирская церковь (1772–1777)

В г. Долгопрудный сохранились едва заметные остатки когда-то ухоженной усадьбы **Котово-Спасское**. Менялись владельцы усадьбы, по их вкусам в ней строили обширные господские дома из дерева, но век их был недолог. Только каменная Спасская церковь, возведенная в XVII в. при князе И.В. Репнине, из века в век верно и надежно служила людям. В конце XVIII – начале XIX в. владельцем Спасского стал знатный князь Н.Б. Юсупов.

*Теперь мало кто помнит о князе **Николае Борисовиче Юсупове** (1750–1831), его прижизненной славе и баснословных богатствах, для его времени длинной (81 год) жизни. Юсупов был воспет великим А.С. Пушкиным в стихах «К вельможе». Все, что может дать судьба человеку, у Юсупова было, но он не всегда умел умно распоряжаться этим. Русские князья с XVI в. Юсуповы происходили из рода ногайских мурз, были очень крупными землевладельцами, масонами. Н.Б. Юсупов был одним из самых знаменитых и наиболее известных представителей этого знатного рода. Он был министром Департамента уделов (1800–1816), членом Государственного совета (с 1823 г.), Директором императорских театров (1791–1796), руководил Эрмитажем (1797), владельцем и строителем усадьбы Архангельское, был известен как меценат, владелец богатой картинной галереи и библиотеки.*

Юсупов был с детства записан в армию, в 16 лет начал действительную службу и нес ее 3 года, затем 9 лет путешествовал по Европе, где учился, расширял и повышал свой культурно-образовательный кругозор. Дидро, Бомарше, Вольтер были высокого мнения о нем. В 28 лет он вернулся в Россию с репутацией любителя и знатока искусств. В 32 года он стал русским посланником в Турции, затем выполнял дипломатические поручения в Венеции, Неаполе, Риме. Там он вел переговоры об управлении католической церковью в России, покупал по заданию императрицы Екатерины II произведения искусства, прежде всего – картины и статуи. Вернувшись в Россию, он управлял императорским театром, стеклянным и фарфоровым заводами. Юсупов нашел общий язык с императором Павлом I, получил командорство орденом Св. Иоанна Иерусалимского (т. е. был влиятельным масоном), стал действительным тайным советником, президентом Мануфактур-коллегии, с 1800 г. заведовал уделами. Затем он уехал за границу, после 1812 г. был назначен главнокомандующим Кремлевской экспедицией Московской Окружной палаты, с 1823 г. стал членом Государственного совета, позже исполнял обязанности Верховного маршала. Будучи воспитанным и образованным человеком, он был востребован при 4 первых лицах в России: императрице Екатерине II, императорах Павле I, Александре I, Николае I. Все отмечали его большой природный ум и блестящее образование.

Н.Б. Юсупов

Юсупов при его татарских корнях имел склонность к пышной, поистине азиатской роскоши, любил блеснуть своими богатствами и разящей, сказочной, по-восточному масштабной роскошью. При этом в жизни он был крайне расчетливым, трезвым, а нередко и просто скупым человеком. Он существенно умножил громадное отцовское наследство. К концу жизни у Юсупова было более 20 тыс. душ крепостных (мужчин), и он точно не помнил, где и сколько у него имений. До самых последних лет он оставался любителем искусств, всю жизнь собирал картины, а также книги.

Юсупов был очень богат и любознателен, при этом рано понял, что фактически все, что желает, он может купить: имения, крепостных, произведения искусства, внимание женщин. Имея чрезвычайно многое, он особенно и не стремился к чему-либо. С молодости став масоном, он лишил себя православной Благодати Господней, был увлечен иными стремлениями,

а не чистыми идеалами, подражать которым учит Православие. Он жил главным образом ради себя и своих удовольствий, слабость к женщинам была его преобладающей страстью. Юсупов был более чем равнодушен к актрисам. Балерина-красавица, на 32 года моложе его Е.И. Колосова (1782–1869) была одной из его самых любимых пассий, хотя она была замужем за музыкантом М. Колосовым и имела дочь. Юсупов покровительствовал Колосовой, от него она имела сына, который после смерти отца воспитывался в одном из немецких пансионов. Юсупов страдал от чувства зависти. Он рассорился со своим другом графом Н.П. Шереметевым, также масоном и любителем театра и актрис, поскольку шереметевский театр в Останкине был самым совершенным и изящным в России того времени, в нем играли самые красивые и талантливые актрисы. Объекты внимания Юсупова менялись, он сам не помнил всех женщин, сердца которых покорил. Юсупов особо не стремился иметь семью и наследников. Он в 42 года женился на вдове своего родственника Т.В. Потемкиной, на 18 лет моложе его, урожденной Энгельгардт – племяннице князя Г.А. Потемкина (см. с. 407–408). Но брачным союзом с ней не дорожил, хотя у них родился сын Борис. По-прежнему Юсупов расточал свое внимание разным женщинам, жил раздельно с женой, вскоре разошелся с ней без оформления развода. Его друзья и приятели постепенно уходили из жизни, со многими земными радостями из-за возраста ему пришлось расстаться. Он не мог смириться со скорым окончанием его грешной земной жизни и неизбежным неприобретением вечных благ на небе. Особой душевной близости у него с сыном Борисом не было, тем более с внуком Николаем (1827–1891 гг., на нем прямая линия их рода пресеклась). Подчинив свою жизнь в большей мере удовлетворению только своих интересов, страстей, желаний, он не научился серьезно думать и стабильно заботиться о других. Эгоистическое начало, приверженность масонским правилам лишили его простого человеческого счастья, превратили (особенно на старости лет) часы бодрствования в ожидание вечных мучений, прерываемых краткими периодами развлечений и забвений в балах, кутежах и пирах. С возрастом Юсупов сполна осознал, что внешняя мишура светских побед, блеск вельможной жизни, карьерные успехи, богатства и сопутствующие им грехи заслонили в его жизни главное – стремление к духовному совершенствованию и истинно христианскому служению Богу, людям, привели к непредсказуемости его судьбы. Он стал чаще приезжать в свою относительно скромную усадьбу Спасское, осознал, что большинство его соотечественников живут в нужде и с большими проблемами, стал подолгу молиться в Спасской церкви, стремился делиться с единственным сыном Борисом истинными богатствами православной жизненной мудрости. Он пожалел, что в его жизни удовольствия отняли слишком много сил и времени, на благие богоугодные дела он даже средств выделял мало. Страх перед неизбежностью мучительной смерти (грешники всегда умирают в страшных муках, при жутких страданиях), ожидание кары за земные грехи, боязнь пресечения его рода, участвовавшие физические недомогания и душевные травмы усилили слабость его духа и хрупкость здоровья, ускорили конец его земной жизни. В глубокой старости, брошенный в душевном плане всеми (ведь он сам мало о ком думал и заботился, все мысли были – о его личном удовольствии), физически немощный он умер в мучительных страданиях в Москве и был похоронен по его завещанию в его подмосковном владении Спасское (в часовне-усыпальнице у северного придела Спасской церкви).

Юсупов понял, что знатность и богатства сполна не дают счастье и радость человеку, если он озадачен главным образом достижением собственных радостей, уверен в продажности земных благ, не умеет заботиться, помогать другим, тем более – стоящим ниже на социальной лестнице, а также более старым и немощным, неимущим, и не сохраняет верность идеалам Православия. Главным сожалением Юсупова до смерти оставалось воспоминание о его чрезмерно беззаботной, в большой мере безнравственной жизни, а также осознание

отсутствия надежных продолжателей рода (остался только один законный сын, воспитанный матерью, а не им, духовной близости с ним не было).

Все поколения Юсуповых знали о семейном предании, которое гласило, что над их родом тяготеет кара за то, что их предки изменили мусульманству и приняли Православие, погрязли в многочисленных грехах. Главная суть этого проклятия заключалась в том, что в каждом поколении Юсуповых из всех родившихся сыновей-наследников только один проживет более 26 лет, а остальные – умрут естественной смертью, будут убиты или погибнут от природных несчастий, а потом – по прямой линии мужской род пресечется совсем, и это проклятие очень долго подтверждалось, но род не пресекался. Род князей Юсуповых пресекся в 1891 г., титул князей Юсуповых перешел к графам Сумароковым-Эльстон. Феликс Феликсович Юсупов (Сумароков-Эльстон, род. в 1856 г.) был генерал-лейтенантом (1915), начальником Московского военного округа в 1915 г., в 1917 г. – эмигрировал. Другой, младший, Феликс Феликсович Юсупов (Сумароков-Эльстон, 1887–1967), женатый на племяннице императора Николая II – княжне Ирине Александровне, стал организатором и активным участником убийства Г.Е. Распутина (Григорий Ефимович Новых, 1864 г. или 1872–1916 гг.), в 1917 г. эмигрировал.

Когда Юсуповы создали свою роскошную усадьбу Архангельское (см. с. 397), они почти забыли о своей скромной усадьбе Котово-Спасское. Оно было ими заброшено.

В 4 км от железнодорожной станции Катуар, недалеко от пристани «Степаньково» на Пяловском водохранилище, находится старая и хорошо сохранившаяся бывшая подмосковная **усадьба Марфино**. Современное название усадьба получила в конце XVII в., когда принадлежала воспитателю Петра I, князю Б.А. Голицыну (1654–1714), в честь его жены Марфы. При нем была построена и сохранилась до наших дней церковь Рождества Богородицы (1701–1707), созданная крепостным архитектором В.И. Белозеровым; она является выдающимся памятником архитектуры начала XVIII в. Судьба талантливого зодчего оказалась трагической.

Марфино. Усадебный дом

Марфино. Грифоны на пристани

Марфино. Готическая арка

Князь Голицын заметил недюжинные дарования Белозерова к черчению и рисованию и послал за границу для обучения разным наукам, где он их осваивал 5 лет. Знания и опыт, приобретенные в Париже, Белозеров хотел использовать у себя на Родине. Князь приказал ему построить в Марфине вместо деревянной церкви каменную. Утвердив созданный архитектором проект, князь уехал. Проверив расчеты, Белозеров решил изнутри укрепить тяже-

лый купол церкви пилонами и получил на то разрешение барыни. Когда князь узнал, что без его личного разрешения несколько изменили проект, он велел высечь Белозерова розгами за самовольство. Ошеломленного мастера отвели под руки на конюшню, где после первых ударов в страшном душевном потрясении он умер от разрыва сердца (1707). Позже новые хозяева этой усадьбы – ими стали с 1728 г. графы Салтыковы – оформили могилу Белозерова, распорядились поставить на ней надгробный камень и высечь надпись.

При новом владельце усадьбы – главнокомандующем в Москве (1764–1771), московском генерал-губернаторе, победителе, казалось, непобедимого Фридриха II под Кунерсдорфом, фельдмаршале П.С. Салтыкове был создан фактически дворцовый ансамбль, в котором устраивались блестящие празднества с роскошными пирами и грандиозные охоты. В Марфине особо славилась псовая охота, П.С. Салтыков был страстным охотником (в штате усадьбы состояло 60 псарей во главе с ловчим). Здесь при нем и его сыне И.П. Салтыкове ставились любительские спектакли, в которых принимали участие В.Л. Пушкин (сам поэт и дядя великого русского поэта), Н.М. Карамзин (он даже написал водевиль «Только для Марфино»), баснописец И.И. Дмитриев, княгиня Н.Ю. Гагарина, хозяин усадьбы, его дети и др. Домашний театр Марфино славился, на его постановки стремились попасть знатные москвичи. Во многие нелучшие моменты жизни П.С. Салтыков для восстановления душевных и физических сил ехал именно в Марфино. Так произошло в 1771 г., когда в Москве началась эпидемия чумы и произошел «чумной бунт». После того как императрица Екатерина II отправила его в отставку, Салтыков поселился в Марфино, где жил до своей смерти.

Петр Семенович Салтыков (1698–1772), сын генерал-аншефа С.А. Салтыкова, с юности был зачислен в Преображенский полк, в 16 лет царь Петр I отправил его за границу учиться морскому делу. В 36 лет он получил графский титул. С 36 почти до 63 лет – целых 26 лет он служил Отечеству как военачальник-практик.

П.С. Салтыков

Он участвовал в Польском походе, был в действующей армии в Финляндии, был начальником украинских полков, в 1759–1760 гг. был главнокомандующим русской армией, находившейся в Пруссии во время Семилетней войны. Его высокие человеческие качества и профессиональные знания заставляли правителей России (Петр I, Екатерина I, Петр II, Анна Иоанновна, Иван Антонович и при нем регент Э.И. Бирон и правительница-мать вели-

кая княгиня Анна Леопольдовна, Елизавета Петровна, Петр III, Екатерина II) просить его служить России. Подчиненные, прежде всего солдаты, очень любили Салтыкова за храбрость и неустрашимость в период военных операций. Во время битв он проявлял необыкновенное хладнокровие, в отношениях с подчиненными держался с достоинством, но просто, любил пошутить в разговорах. Солдатам (главным образом русским людям) он полубился и тем, что был кровным русским, а в то время на высоких должностях слишком часто оказывались совсем не представители титульной нации, а немцы, французы и им подобные. Именно под руководством Салтыкова русские войска нанесли поражение прусской армии при Кунерсдорфе (а раньше были и другие победы, в том числе при Пальциге), но именно эта победа принесла ему славу победителя Фридриха II и чин фельдмаршала. Салтыков был храбрым боевым военачальником, но не умел, а скорее всего не желал участвовать в придворных интригах, не отличался дипломатической изворотливостью, был не способен на компромиссы, не льстил и не угождал императрице Екатерине II и ее фаворитам. 35-летняя Екатерина II относилась к нему сдержанно, назначила 66-летнего Салтыкова московским генерал-губернатором. Вырванный из привычной ему армейской среды Салтыков в Москве чувствовал себя в роли военного администратора неуютно. Начавшиеся в 1771 г. в Москве чума и волнения в народе, в условиях отсутствия войска, заставили Салтыкова уехать в Марфино, чтобы там собраться с мыслями и решить, что делать. А в Москве в это время разразился бунт, убили просвещенного архиепископа Амвросия. Салтыков тут же вернулся в Москву для наведения порядка, но Екатерина II успела уволить его в отставку. Салтыков очень переживал, что не успел предотвратить бунт, что вовремя не начал бороться с чумой, невольно способствовал убийству уважаемого им архиепископа. Салтыков, оказавшись в отставке, поселился с 73 лет в Марфине и безвыездно жил в нем, пребывая постоянно в депрессии, терзаемый угрызениями совести о случившемся. Всю свою сознательную жизнь Салтыков верно служил своему Отечеству, России, не искал личной выгоды, не заискивал перед властью имущими, неизменно оставался честным, добрым, доступным человеком, активно содействовал продвижению и достойной жизни порядочных русских людей. Когда он умер, российские и московские администраторы как будто забыли о всех его добрых делах во благо России – о воинских победах и 7-летнем генерал-губернаторстве в Москве – и даже не оказали умершему должные воинские почести. В семье Салтыкова выросли и стали достойными людьми все 4 детей. Все владельцы Марфина сохраняли память об этом достойном русском человеке.

Марфино. Церковь во имя Рождества Богородицы

Внучка знаменитого фельдмаршала – графиня А.И. Салтыкова – в 1805 г. вышла замуж за Г.В. Орлова (сына одного из 5 знаменитых братьев, любимцев императрицы Екатерины II),

в качестве ее приданого Марфино перешло к графам Орловым. Но новый владелец усадьбы Г.В. Орлов вскоре проигрался и продал ее своему отцу – В.Г. Орлову, который со временем подарил эту усадьбу своей любимой замужней дочери С.В. Паниной. Владением графов Паниных усадьба оставалась до 1917 г.

Марфино. Петровская церковь (1770-е гг.)

Марфино. Двухъярусная беседка конца XVIII в.

В 1812 г. французы сожгли и разрушили великолепную усадьбу Марфино. В 1820-х гг., при владельце усадьбы генерал-поручике, директоре Академии наук В.Г. Орлове, под руководством его крепостного архитектора Ф. Тугарова главный дом и флигели были восстановлены в прежнем виде. В 1837–1839 гг., при графах Паниных, произвели капитальную реконструкцию усадьбы. При графине С.В. Паниной к работам в усадьбе был привлечен архитектор М.Д. Быковский (1841–1906) – ученик Д.И. Жилярди. Быковский создал единственный в своем роде ансамбль в формах псевдоготики николаевского времени, которым мы сейчас можем любоваться. Сохранились усадебный дом и два флигеля, в комплексе име-

ющие облик таинственного средневекового замка (флигели в 1940 г. разобрали из-за ветхости, а затем в точности восстановили), въездные ворота в формах псевдоготики (1837–1839), два жилых здания для псарей (псарни в стиле классицизма, вторая половина XVIII в.), конный двор (XVIII в.), каретный сарай (в стиле классицизма XVIII в.), церковь Рождества Богородицы (1701–1707 гг., арх. В.И. Белозеров), Петропавловская церковь в стиле классицизма (1770-е гг.), парк с регулярной и пейзажной частями, с двумя живописными прудами. В парке сохранились две беседки – одна полуротонда (раньше – музыкальный павильон), другая двухъярусная, двухарочный кирпичный мост (1770-е гг., 1837–1839 гг.) в стиле поздней псевдоготики, красивые лестницы, фонтан, у пруда белокаменная пристань с уникальными парными фигурами великолепных грифонов (фантастическое животное с туловищем льва, орлиными крыльями и головой орла или льва). И.И. Левитан запечатлел окрестности Марфина на картине «Вечер».

Особый интерес представляют в усадьбе ее храмы. Исключительную архитектурно-художественную ценность, не говоря уже о главной духовной ценности, представляет церковь во имя Рождества Богородицы. Это кирпичное с белокаменными деталями, центрическое, крестчатое в плане здание, увенчанное высоким световым барабаном, который покоится на четырех пилонках. Фасады обработаны пилястрами коринфского ордера с резными белокаменными капителями. Выступы-притворы завершены фронтонами. В интерьере сохранилась орнаментальная роспись сводов и арок 1840-х гг. Петровская церковь (1770-е гг.) – это центрический ротондальный храм, принадлежащий к редкому для конца XVIII в. типу церкви «под звоном». Над внутренней колоннадой двухсветной ротонды возвышается восьмигранный, перекрытый куполом барабан, служивший колокольной. Декор фасадов этого храма в основном выполнен из белого камня. Интерьер храма сохранил обработку в стиле классицизма.

В наши дни в Марфине находится Центральный военно-клинический госпиталь, поэтому трудно попасть на территорию бывшей усадьбы и познакомиться с ее сохранившимися достопримечательностями.

На берегу Пяловского водохранилища расположено село **Витенево** с возведенной в нем в 1990-е гг. красивой небольшой деревянной церковью. С 1861 до 1877 г. здесь, в своей скромной усадьбе Витенево, в летние месяцы жил и работал **Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин**. В те годы он был вначале сотрудником, а затем фактически редактором некрасовского «Современника». Историю своего владения Витеневом он рассказал в сатирическом произведении «Убежище Монрепо». М.Е. Салтыков-Щедрин любил свою усадьбу в Витенево и сожалел, что жизненные обстоятельства заставили его продать ее. В Витеневе Салтыков-Щедрин писал «Историю одного города», «Письма из провинции», предпоследнюю главу «Господ Головлевых», сатирический цикл «Помпадур и помпадурши», хронику «Наша общественная жизнь», «Благонамеренные речи», «Экскурсии в область умеренности и аккуратности» и другие произведения. Писатель очень любил природу средней полосы России. «Перенесите меня в Швейцарию, в Индию, в Бразилию, окружите какую хотите роскошную природой, накиньте на эту природу какое угодно прозрачное и синее небо, я все-таки везде найду милые мне серенькие тоны моей родины, потому что я всюду и всегда ношу их в моем сердце, потому что душа моя хранит их, как лучшее свое достояние», – так описал он свои ощущения словами одного из героев «Губернских очерков». Хотя Салтыков-Щедрин происходил из помещичьей семьи, он жил на средства, которые зарабатывал на государственной службе или литературным трудом. Он одно время увлекался сельским хозяйством и даже деятельно пытался наладить его в Витеневе, но в этом не преуспел. В конце концов он смирился и стал смотреть на Витенево только как на место отдыха в летние месяцы. В Витеневе в гостях у писателя бывали Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, А.Н. Плещеев. Покупка Витенева и связанные с этим расходы (деньги требовалось внести сразу)

омрачили жизнь писателя. Салтыков-Щедрин обратился к матери, от которой и получил требуемую сумму под заемное письмо; однако из-за натянутых отношений между ними мать предъявила письмо к оплате раньше оговоренного срока, и в результате судебного процесса писатель весной 1877 г. вынужден был продать Витенево. Главный дом усадьбы Салтыкова-Щедрина не сохранился; он находился в парке, который теперь оказался на другом берегу канала. В советский период в Витеневе долгие годы жил известный физикохимик академик И.А. Каблуков (1857–1942).

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (настоящая фамилия Салтыков, 1826–1889) – русский писатель-сатирик, публицист, демократ, в своем творчестве сочетал публицистичность и художественность, воссоздавал гротескно-сатирический образ русской бюрократии. И сейчас чиновники разных территориальных уровней слишком часто остаются, как и в XIX в., алчными, ленивыми, равнодушными к нуждам рядовых россиян, сводят решение дел к бумажной волоките и пустословию. Произведения Салтыкова-Щедрина актуальны и в наши дни (см. «Губернские очерки», «Помпадурсы и помпадурши», «Сказки», «Пошехонская старина» и др.). В «Истории одного города» он, пародируя официальную историографию, создал галерею гротескно-сатирических образов градоправителей и других чиновников, плодоносную для раздумий и в наши дни. В романе «Господа Головлевы» он изобразил духовную и физическую деградацию дворянства. В книге очерков «За рубежом» он высмеял нравы буржуазной Европы.

Михаил Евграфович учился в Дворянском институте в Москве (1836–1838), а затем 6 лет в Царскосельском (с 1844 г. – Александровском) лицее. Хотя его тянуло к творческой жизни, финансовые соображения заставляли его быть на государственной службе. С 1844 г. он служил в Петербурге в канцелярии военного министерства, а в 1855 г. – в Министерстве внутренних дел, в 1858 г. был вице-губернатором в Рязани, а с 1860 по 1862 г. – вице-губернатором Твери, затем был на службе в 1864–1868 гг., после чего в возрасте 42 лет и в чине действительного статского советника вышел в отставку.

А.П. Ермолов

За свои критические произведения в 1840-х гг. он был сослан на 8 лет в Вятку (1848–1855). Но после этого он все равно продолжил писательский труд под псевдонимом Н. Щедрин и был на государственной службе. После «Губернских очерков» о нем заговорили как о наследнике Н.В. Гоголя. Он сотрудничал с Н.А. Некрасовым, входил в редакцию журнала «Современник». Из-за материальных соображений он периодически был на государственной службе, а в отставке полностью отдал себя творчеству. С 42 до 63 лет, т. е. более 20 лет, он наслаждался творчеством; талантом русского писателя служил своей Родине, своему народу. Писательский труд был для него животворящей силой. Его творчество оказало существенное влияние на развитие русской литературы.

На южном берегу Пестовского водохранилища, в 38 км от Северного речного вокзала, находятся **пристань Пестово** и дом отдыха «**Пестово**». Раньше это был дом отдыха МХАТа, в 1939–1940 гг. в нем отдыхали В.И. Немирович-Данченко, К.С. Станиславский, И.М. Моск-

вин, В.И. Качалов (Шверубович) и многие другие известные артисты. Дом отдыха расположен в бывшей **усадьбе генерала А.П. Ермолова** (1777–1861), участника войны с Францией в 1805–1807 гг., героя войны 1812 г., завоевателя (1816–1827) и наместника Кавказа, с 1821 г. – главноуправляющего Грузией, в 1827 г. за покровительство декабристам уволенного в отставку. Сохранились отчасти переделанные центральный дом усадьбы и флигель.

Алексей Петрович Ермолов (1777–1861) был, без сомнений, интересной, хотя отчасти и сложной личностью. Он всегда стремился расширять свой кругозор, повышать свой профессиональный уровень, успевал заметить и оценить разные радости в жизни, умел видеть и извлекать пользу в любых жизненных ситуациях, никогда не унывал и не бездельничал, а работал. При этом самым главным в его жизни всегда было, конечно, служению Отечеству. Жизнь А.П. Ермолова – это достойный пример поведения благородного, гордого по духу русского человека, который считает своим первейшим долгом именно доблестное служение Отчизне, а не угождение власть имущим и их окружению во имя личного карьерного продвижения, получения материальных благ, обогащения, государственных наград и льгот. Жизнь Ермолова – убедительный пример того, что умный человек и в сложной ситуации найдет для себя достойное занятие и будет жить насыщенной полезными делами жизнью, приносящей удовлетворение и уважение сограждан.

Ермолов происходил из старинного, но небогатого рода. Его дальним предком был мурза Араслан Ермола, уехавший из Золотой Орды и служивший великому князю Московскому Василию Ивановичу. Целенаправленно Ермолов стремился быть военным. В юные годы он добился перевода из гвардии в действующую армию. Совсем молодым человеком он участвовал в Польском и Персидском походах. За доблестное участие в штурме Праги в 17 лет был награжден орденом. Затем для расширения своего воинского опыта в качестве волонтера участвовал в Генуэзской республике в сражениях между французами и австрийскими войсками. В 19 лет он вернулся в Россию, участвовал в штурме Дербента, за что снова был награжден орденом. В 20 лет он был произведен в чин подполковника и назначен командиром роты артиллерийского батальона.

В 21 год его обвинили в участии в заговоре против императора Павла I, арестовали, заключили в Петропавловскую крепость, потом его сослали на вечное поселение в город Макарьев на Унже, затем его перевели в Кострому. Но даже в этот тяжелый для него период Ермолов не терял время даром, он расширял свои познания в исторических и военных науках, выучил латинский язык, много читал. После смерти Павла I Ермолов был назначен командиром конно-артиллерийской роты. Его прямым начальником стал генерал А.А. Аракчеев, человек небольшого интеллекта и знаний, но сумевший добиться разными путями полного доверия императора Александра I. Рядом с умным, образованным, энергичным и гордым Ермоловым убожество Аракчеева было особенно очевидным, вот почему он начал откровенно травить своего подчиненного, конфликт следовал за конфликтом. Ермолов подал рапорт об отставке, но Аракчеев его не принял. Настал 1812 г. и началась война с Наполеоном. К тому времени Ермолов был уже авторитетным человеком в военных кругах. (Командуя ротой конной артиллерии, он отличился при Аустерлице и Прейсиш-Эйлау в 1807 г., в 1808 г. стал генерал-майором, в 1810 г. командовал артиллерийской бригадой, а затем и гвардейской пехотной дивизией.) Ермолов, несмотря на противостояния Аракчеева, был назначен в 1812 г. начальником штаба 1-й армии. Многие решения ему пришлось принимать единолично: на свой страх и риск, без санкций начальства, без коллективных решений – и он ни разу не ошибся. Так, именно Ермолов при Малом Ярославце приказал Дохтурову спешить к этому городу и тем преградить Наполеону путь в неопустошенные области. Ермолов стал одним из главных героев войны 1812 г.

В 1813 г. (в 36 лет) Ермолов стал генерал-лейтенантом, в 1816 г. его назначили командиром Отдельного Грузинского (позднее – Кавказского) корпуса и полномочным послом в

Персии. В 1818 г. (в 41 год) он был произведен в генералы от инфантерии, а в 1821 г. стал главнокомандующим Грузией. Ермолов был сторонником последовательной и решительной политики по отношению к кавказским горцам. Зная социальную психологию мусульман, он заставил понятными им способами подчиняться и выполнять решения властей. В угоду политическим интересам России он навел порядок на Кавказе, вызвав при этом уважение и к себе, и к воинской силе России. При этом он добивался у высшей власти средств для должного проведения военной и хозяйственной политики на Кавказе. Ермолов рядом военных экспедиций убавил у непокорных горцев желание казаться неустрашимыми и непобедимыми, для их обуздания построил ряд крепостей, в том числе Грозный, упорядочил Военно-Грузинскую дорогу, покровительствовал торговле, промышленности, виноделию, шелководству, благоустроил Тифлис (Тбилиси), дал мощный толчок развитию Кавказских Минеральных Вод.

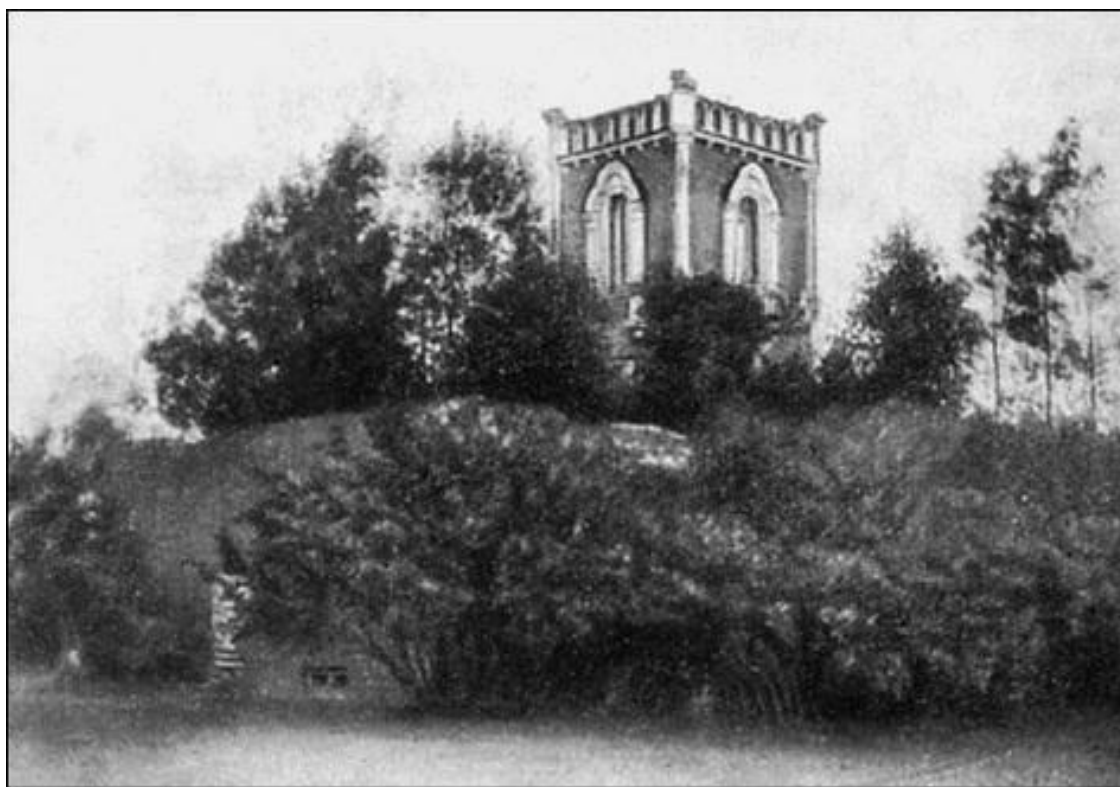
Будучи истинным патриотом России, Ермолов не допускал даже мыслей, чьих-либо дел и намерений, умалявших авторитет России, принижающих достоинство россиян. Ермолов призывал в 1814 г. в Париже императора Александра I и его брата Николая понять усталость солдат и офицеров от нескольких лет войны, осознать недопустимость унижения россиян в побежденной ими стране. В 1817 г., когда русское посольство во главе с Ермоловым отбыло в Персию, персидские дипломаты потребовали, чтобы он предстал перед наследником шахского престола в его резиденции без сапог, одев красные чулки и оставив во дворе свою русскую свиту, на что Ермолов ответил, что является посланцем великой державы и подобное позволить себе не имеет права, при всем его уважении к сыну персидского шаха. Ермолов не допускал даже мыслей о добровольной передаче Россией кому-либо из ее соседей своих территорий, приобретенных ранее в процессе войн с ними или полученных в виде компенсации за что-либо. Так, когда Александр I, не придавая особого внимания земельным приобретениям России по Гюлистанскому мирному договору с Персией от 1813 г., был готов частично вернуть эти земли Персии, Ермолов сделал все от него зависящее, чтобы не допустить этого.

В любом возрасте и при любом состоянии своего здоровья Ермолов был готов защищать интересы своей Родины. Летом 1825 г., когда произошло очередное восстание в Чечне (оно было как никогда – кровавым), тяжело больной Ермолов (ему 48 лет) возглавил новый поход против горцев, против объединенных отрядов чеченцев и лезгин. Он и нездоровым сумел заставить организаторов беспорядков утихомириться, уважать интересы России, подчиниться решениям центральной власти. Войска под командованием Ермолова прошли почти всю Чечню, разбили объединенные войска чеченцев и лезгин, решительно карали немирные аулы, заставили горцев унять их воинственный пыл. Во время Крымской войны, в ее разгар, в 7 российских губерниях Ермолова выбрали начальником ополчения. В Московской губернии его выбрали начальником ополчения в 1855 г. (ему 78 лет), и он согласился принять эту должность. В Москве и Подмосковье Ермолов всегда пользовался особым почетом и уважением.

Хотя почти все силы и время Ермолова уходило на воинское служение России, он тем не менее успевал многому радоваться в жизни, в том числе смог оценить прелести красивых женщин Кавказа. От трех черкешенок у него были 4 сына (получивших от императора Александра I права его законных детей) и дочь, вышедшая замуж за горца и оставшаяся мусульманкой.

Новый император Николай I считал себя большим знатоком в военных и гражданских делах, но на фоне ярких военных и хозяйственных успехов Ермолова и его славы царь чувствовал себя не вполне уютно. Николай I сузил возможности для реализации всех разноплановых талантов Ермолова, ограничил его деятельное участие в решении государственных дел. Кроме того, он помнил, что Ермолов как минимум сочувствовал декабристам. В таких

условиях Ермолов был вынужден подать прошение об отставке с военной службы в 1827 г. (ему 50 лет). Он был назначен членом Государственного совета, но при императоре Николае I этот совет реально мало что решал. Вот почему в 1839 г. Ермолов подал прошение об увольнении его якобы из-за болезни. После увольнения он скромно жил; больших средств он себе не нажил. Но он не очень жалел об этом: его совесть по большому счету была чиста. С 62 лет Ермолов жил или в Москве, или в его подмосковной усадьбе Пестово, или в имении его родителей в Орле. Он писал мемуары, много читал, переплетал книги, размышлял с оставшимися в живых друзьями о прожитой жизни. Его мемуары – «Записки» – вышли из печати только после его смерти; в них он рассказал о его жизни, современниках, исторических событиях, старался доказать, что умение выбирать грамотных, принципиальных, честных помощников редко встречается в правителях, слишком часто недооценивающих способности своих подданных и должным образом не знающих Российскую историю.

Никольско-Прозоровское. Псевдоготическая башня

Ермолов дожил до глубокой старости, умер в Москве в возрасте 84 лет (очень много по тем временам, средняя продолжительность жизни в России тогда была немногим более 30 лет).

В 3 км от пристани «Лесное» (или «Румянцево»), на берегу Пестовского водохранилища и в 10 км от железнодорожной станции Катуар, находится санаторий «Никола-Прозоровское». Здесь в конце XVIII в. сложилась как архитектурный ансамбль **усадьба Никольско-Прозоровское**. Она принадлежала генерал-фельдмаршалу А.А. Prozоровскому. Князя Prozоровские владели этими землями в XVI–XVIII вв.

Князь Александр Александрович Prozоровский (1732–1809) был представителем одного из самых древних и знатных родов России, был потомком ярославских князей. Prozоровский прожил долгую для своего времени (77 лет) и славную жизнь. Большую часть своей сознательной жизни он отдал воинскому служению Родине, успешно участвовал и результативно руководил военными операциями. С 22 лет и почти до 78 лет Prozоровский был в

действующей русской армии и считал именно служение в русской армии наиболее достойным занятием для мужчины. Он внес свой ощутимый вклад в победу России в Семилетней войне (1756–1763), Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. В большой мере благодаря именно его военному опыту и мудрости в 1770 г., после почти 3-месячной осады русскими войсками и труднейших боев под стенами крепости Очаков, турки и крымские татары признали свое поражение. В 1771 г. А.А. Прозоровский направился в Крым на завоевание татарских ханств, столь часто нападавших и наносивших сильный урон южным рубежам России. Нужно было преодолеть Перекопский перешеек и покорить Крым. Часть кавалерии и пехоты под командованием Прозоровского направилась в обход правого фланга татар, вброд по Сивашскому заливу (Прозоровский и его бойцы первыми свершили то, что впоследствии еще дважды делалось в период военных действий в России). Пройдя по отмели Сиваш, русские войска вышли на Крымский берег. Против них выступила 30-тысячная татарская конница. Бой – по сути, жестокая рубка – происходил на ограниченном участке суши у самой воды, отступить было просто некуда. Русские войска одержали победу, Перекоп капитулировал. Через 7 лет под руководством Прозоровского русские войска снова успешно отстаивали интересы России в Крыму. В 1778 г. он возглавил в Крыму русские войска, затем был во главе Орловского и Курского наместничеств, в 1790 г. был назначен главнокомандующим в Москву (уделял большое внимание ее благоустройству), кроме того, ему подчинились войска, расквартированные в Белоруссии и Смоленской губернии. После произведения его императором Александром I в генерал-фельдмаршалы он был назначен в начавшейся новой Русско-турецкой войне командующим Молдавской армией, на этом посту он и скончался.

А.А. Прозоровский

После князей Прозоровских усадьба принадлежала князьям Трубецким, затем Рабенеку и Сычеву (1892). До наших дней из усадебных построек сохранились совсем немногие, в том числе кирпичный оштукатуренный 2-этажный дом и два флигеля XIX в. (жилые здания были выстроены Трубецкими в середине XIX в.). Эти здания возведены в стилизованных формах растреллиевского барокко, главный усадебный дом похож на Зимний дворец в миниатюре. Главный корпус пришел в полный упадок в 1930-х гг., в 1950-х гг. его восстановили с заменой планировки, так что центральный усадебный дом – не оригинал, а восстановленное здание. В советский период в бывшей усадьбе организовали школу ликбеза, дом отдыха, в 1930-х гг. ее передали сельскохозяйственной академии, потом в ней снова открыли дом отдыха. Здесь снимали кинофильм «Лес» по пьесе А.Н. Островского. Наибольший художественный интерес представляет усадебная кирпичная оштукатуренная с белокаменными

деталими Никольская церковь (1792), возведенная в стиле классицизма. Крестчатый в плане храм завершен куполом с люкарнами и небольшим световым барабаном, фасады обработаны тосканскими портиками и фронтонами. 3-ярусная колокольня около этой церкви не сохранилась. Сохранился усадебный парк с 2 прудами. Из парковых сооружений наибольший интерес представляет грот XVIII в.; это в формах классицизма 2-этажное кирпичное здание оригинальной треугольной формы со скошенными углами.

А.В. Суворов

Недалеко от пристани «Рождественка» на Пестовском водохранилище и в 6 км от платформы Трудовая находится село **Рождествено-Суворово**, в XVIII – XIX вв. здесь была **усадьба Рождествено**. Здесь еще раньше, на рубеже XVII–XVIII вв., в вотчине князей Барятинских была сооружена и сохранилась до наших дней кирпичная церковь Рождества Богородицы с трапезной и 2-ярусной шатровой колокольной, декоративное убранство которой выполнено в стиле московского барокко. Усадьбу Рождествено-Суворово приобрел в 1773 г. генерал-аншеф В.И. Суворов – отец великого русского полководца А.В. Суворова, который сам владел усадьбой более 25 лет и неоднократно бывал здесь. В 1775 г. под Рождественской церковью в склепе похоронили отца полководца. По распоряжению А.В. Суворова с наружной стороны церкви ему был поставлен надгробный памятник в виде каменного саркофага. Он сохранился до наших дней. Роду Суворовых эта усадьба принадлежала с 1773 по 1853 г. Усадебный дом сгорел во время Отечественной войны 1812 г. В советский период на его месте на холме построили сельскую школу.

Александр Васильевич Суворов (1730–1800) был необычным владельцем поместий и крепостных (к концу жизни их у него было более 9080 душ крепостных). В своих имениях он заботился о благосостоянии крестьян («иначе не пойдут с них доходы»); пострадавшим и неимущим выдавал небольшие пособия и содействовал помощи им от «мира» – общины; не допускал безбрачия крестьян (невест велел привозить из других вотчин или покупал, если не хватало своих), приказывал заботиться о детях, принимал меры для снижения детской смертности, за детолюбие и многоплодие выдавал небольшие награды, не разрешал использовать труд детей и подростков. Рекрутов в армию из своих имений поставлять не разрешал, предпочитал купить их на стороне, а деньги распоряжался собирать с крестьян. Приходил на крестьянские праздники, водил хороводы и играл в горелки или бабки с крестьянскими девушками и детьми, пел в церковном хоре, скрупулезно соблюдал все православные нормы и правила.

Суворов, граф Рымникский, князь Италийский, генераллиссимус, выдающийся полководец, теоретик военного искусства, не проигравший ни одного сражения, покрывший себя неувядающей воинской славой и заслуживший всенародную любовь, в личной жизни оказался человеком несчастливым, подозрительным, излишне злопамятным, не способным понять жену, не скупиться на ее маленькие женские радости (наряды, сладости и др.), так и не познавшим сполна счастья любви (святость семейных уз он не мог себе позволить нарушить, поскольку брак их не расторгли). Женился он только по воле его отца и в возрасте 43 лет, невесте было 23 года. Пара была необычная: он – маленького росточка, морщинистый с редкими волосами и неправильным носом, она – статная, полная, румяная красавица.

А.А. Суворов

Суворов – всегда добрый, незлопамятный и милосердный – не доверял жене, не верил в ее порядочность, обвинял в изменах и чуть ли не первым разносил эти небылицы. Дважды, в 1779 и в 1787 гг., он подавал прошение о разводе в Славянскую духовную консисторию, но расследования не дали результатов, ни одна инстанция не вынесла Варваре Ивановне Суворовой (1750–1806 гг., урожденная княжна Прозоровская) обвинения, и сама императрица Екатерина II (беспоощадная к обманщикам в подобных ситуациях) взяла ее под защиту, как и Церковь. В 1779 г., прямо перед рождественскими торжествами, муж отобрал у нее четырехлетнюю дочь Наташу (1775–1884), отправил ее из Москвы в Петербург (позже она воспитывалась в Смольном институте) и сам отказался жить с женой под одной крышей. Правда, с 1780 г. они вновь жили вместе, но это была мука для обоих. Однажды Суворов заставил княгиню-жену одеться в крестьянский сарафан и отвел ее в церковь покаяться (сам он был одет в солдатский мундир). В 1787 г. Суворов не признал своим родившегося сына Аркадия и безжалостно оставил жену с младенцем. При этом он велел вывезти все имущество из родового дома Суворовых на Большой Никитской в Москве, где они остались. В.И. Суво-

рова пережила мужа на 6 лет. После его смерти ее, несмотря на то что они долго жили раздельно, почитали как его законную вдову (хотя в завещании Суворов даже не упомянул ее). В последние годы Суворова постоянно ездила на богомолье в Новоиерусалимский монастырь, где ее и похоронили в 1806 г.

Сына Аркадия (1787–1811) Суворов признал только через 14 с лишним лет после рождения и то лишь благодаря уму и изобретательности старшей любимой дочери – Натальи. А.А. Суворов был красивый, статный, общительный, способный офицер, обладавший военным талантом. Он дослужился до чина генерал-лейтенанта и командовал дивизией. При этом он вел беспорядочный образ жизни, кутил, играл в карты, был дважды женат, умудрился практически промотать состояние, оставленное ему отцом. И тем не менее Аркадий Суворов был душой общества и любимым командиром. В 1811 г., в возрасте 23 лет, он трагически погиб, пытаясь спасти своего упавшего в воду кучера. По иронии судьбы А.А. Суворов утонул в реке Рымник, где его великий отец в 1789 г. одержал одну из своих самых ярких побед (за которую получил титул графа Рымникского и герб в 1789 г.), разбив турецкую армию, в 4 раза превосходящую по численности его войско.

В 2000 г. название этого поселения попало на страницы газет чуть ли не всех стран мира. Именно в Рождествено похоронили известного хирурга академика С.Н. Федорова (1927–2000). Он погиб в Москве в вертолетной катастрофе. В 1973 г. Федоров впервые в мире разработал операцию по лечению глаукомы на ранней стадии, в 1980 г. организовал Институт микрохирургии глаза, стал его Генеральным директором. В середине 1980-х гг. С.Н. Федоров занялся политикой, стал очень крупным бизнесменом. В Рождествено Федоров отреставрировал церковь на свои средства и завещал похоронить себя именно здесь, что было выполнено. Храм во имя Рождества Богородицы в Рождествено-Суворова – это кирпичное здание, состоящее из бесстолпного двухсветного четверика храма, перекрытого сомкнутым сводом, трехчастной апсиды, трапезной и 2-ярусной шатровой колокольни. Основной объем завершается рядом закомар, 4-скатной кровлей и 5 миниатюрными кирпичными главками на граненых ярусных барабанах. В объемной композиции и разработке фасадов использованы традиции русского зодчества XVII в.; формы декоративного убранства храма выполнены в стиле московского барокко.

Дмитровский район

В 2 км от железнодорожной станции Турист лежит древнее село **Шуколово**, известное по писцовым книгам с XVII в. С 1627 г. оно принадлежало боярину Даниилу Шокурову. На средства стольника И.Ф. Шокурова была построена сохранившаяся до наших дней кирпичная Успенская церковь (1701) с трехъярусной колокольней (1762).

С.Г. Волконский

В середине XIX в. владельцем села был Л.В. Молчанов – зять декабриста С.Г. Волконского, здесь была скромная **молчановская усадьба**. Его тесть – видный декабрист **С.Г. Волконский** – в 1825 г., после неудавшегося восстания офицеров («декабристов»), был приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторги на Нерчинских рудниках. Вслед за ним туда поехала его молодая жена М.Н. Волконская, ею восхищался А.С. Пушкин, ее воспел Н.А. Некрасов в поэме «Русские женщины». С.Г. Волконский в 1856 г. вернулся из сибирской ссылки и в 1857–1859 гг. подолгу гостил, фактически тихо и спокойно жил у дочери и зятя в селе Шуколове. Здесь также жил в 1861–1862 гг. друг их семьи **А.В. Поджио**. Его также

вначале приговорили к смертной казни, потом заменили ее на вечную каторгу, прерванную амнистией. Поджио поселился в Шуколове и управлял имением Молчанова.

Это село и бывшая усадьба Молчанова дают повод вспомнить об известной семье Волконских, подумать о неистребимом чувстве долга, ответственности русских женщин и их часто неоцененных сполна поступках и жертвах во благо семьи, мужей с последующим сожалением и горечью от несбывшихся мечтаний и надежд.

Сергей Григорьевич Волконский (1788–1865) – видный декабрист, князь, генерал-майор, масон – был участником Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, был членом «Союза благоденствия» и «Южного общества». После восстания декабристов 1825 г. он был осужден на вечную каторгу, с 1826 г. содержался и работал в Нерчинских рудниках в Восточной Сибири, в 1835–1856 гг. жил на поселении в Иркутской губернии. В 1861 г. за границей сблизился с русскими демократами А.И. Герценом и Н.П. Огаревым. Умер он в 77 лет. В огромном числе книг, статей, кинофильмов рассказывается о трудной, но и якобы прекрасной его семейной жизни, полной любви, взаимопонимания, глубочайшего уважения супругов.

На самом деле за этими строчками кроется большая драма двух внешне очень красивых людей – князя С.Г. Волконского и его жены княгини **Марии Николаевны Волконской (Раевская)**, 1806–1863), а также полная бед и невзгод жизнь их детей, Николая (1826–1828), Софии (1830), Михаила (1832–1909), Елены (1835–1916). Все они стали жертвами масонских заблуждений, увлечений, замыслов декабристов, приведших их семьи к большим неприятностям.

Князь Волконский был сыном оренбургского генерал-губернатора, за участие во многих боевых операциях был многократно награжден, стал уважаемым генералом. Обеспеченная жизнь и особенно путешествия по Европе умалили его стремления к воинской службе и Православию, он стал масоном. Холодный, себялюбивый, мнивший себя чуть ли не интеллектуальным стержнем тайного «Южного общества», мечтавший о свободе и равенстве россиян после государственного переворота по его рецепту, Волконский мало думал о своей жене, будущих детях, их судьбе в случае неудачи задуманного им дела. Решившись жениться, он не рассказал будущим родственникам всю правду о себе, своих тайных замыслах. Волконский, происходивший из очень богатой семьи, в 37 лет женился на 19-летней княжне Марии Раевской, которая этого брака не желала, но подчинилась воле 70-летнего любимого отца, героя войны 1812 г. После свадьбы Волконский к жене относился как к ребенку, не считал ее равным себе человеком. Духовный дискомфорт между ними образовался сразу после свадьбы. Мария сполна ощутила это, поэтому была вынуждена на некоторое время уехать из дома мужа лечиться в Одессу. М.Н. Волконская не знала о делах мужа, не понимала его отношения к ней, не могла любить такого человека. Но, в отличие от него, она жила по правилам Православия; вот почему она в 22 года решила ехать к 39-летнему мужу в ссылку в Сибирь. Она считала себя обязанной сполна разделить судьбу ее венчанного супруга, но человека скупого на чувства, эгоистичного, с тяжелым характером, старше ее на 18 лет.

М.Н. Волконская

Ее мать – княгиня С.А. Раевская (внучка М.В. Ломоносова) – просила зятя не разрешать Марии ехать к нему в Сибирь, ведь она только что тогда родила сына, и оба они были физически очень слабыми. Но князь Сергей думал только о себе и умолял жену последовать за ним в ссылку, чтобы облегчить его участь, о здоровье ее и сына он мало беспокоился. Княгиня Мария принесла свою жертву без любви к мужу, а только из чувства долга. Она была готова жить для него, а он думал больше о себе, своих тяготах неудавшегося спасителя народа. Как и в столице, жизнь Марии в Сибири рядом с мужем радости и мужней любви не принесла. Результатом было раздвоение ее натуры между долгом и языком женского сердца, столько лет жаждавшего внимания и любви. Она надеялась хотя бы на внимание, сочувствие, сострадание, а муж предлагал ей только разделять и облегчать его тяжелую участь. В Сибири

она сполна осознала, что земная ее жизнь почти прошла, а мечтаемых тепла, любви, взаимопонимания с мужем так она и не ощутила. Общие дети были, а подлинных и стабильных чувств все-таки не было. В этом кроется ответ и исток ее двойной жизни: на людях и в душе. Но были другие декабристы, кто понимал ее духовное величие, щедрость, благородство и хотел дать ей ощущение счастья. Она понимала, что жизнь проходит, и многое она может не ощутить, не узнать. В Сибири жизнь Марии превратилась в драму, тем более что умерли оставленный у родителей ее первенец Николай и родившаяся в Сибири дочь Софья. Свидетель семейных трудностей Волконских, сын декабриста Якушкина, так писал об этом: «Этот брак по причине полной несовместимости характеров приведет к драме... Много слухов ходило о Марии Волконской и ее жизни в Сибири. Говорили даже, что ее сын и дочь не были детьми Волконского». Утверждали, что отцами ее следующих детей, Михаила и Елены, были декабристы – красавцы А.В. Поджио и И.И. Пущин. Подобные слухи о делах в семье декабристов приходили в Санкт-Петербург только о М.Н. Волконской. Дыма без огня, как известно, не бывает, были, вероятно, и аргументы, которые заставили мать Марии из-за этих разговоров фактически лишить ее наследства. Но муж Волконской признал всех детей своими, что охладило страсти, но разговоры остались. Известно, что Поджио со временем (1848) окончательно переселился к Волконским и с ними не расставался, управлял делами их (или своего) зятя. М.Н. Волконская устроила дела детей, правда, с помощью влиятельной родни мужа.

Дочь Елену в 16 лет удалось выдать замуж за дворянина, мелкого чиновника Л.В. Молчанова. Она получила дворянство, но брак был неудачным. Молчанова отдали под суд за растрату казенных денег, он тяжело заболел, его разбил паралич, он лишился рассудка и умер. Так что помощь Поджио молодым была к месту. Но два других брака Елены были счастливыми (после смерти второго мужа она снова вышла замуж). Удалось способствовать и карьере сына, он удачно женился на внучке Бенкендорфа. М.Н. Волконская 28 лет провела в Сибири, из-за болезни ей разрешили выехать на лечение оттуда в 1855 г., в 1856 г. разрешили уехать и ее мужу. После его возвращения она уехала лечиться за границу. Их взаимное уважение с годами упрочилось, но полной духовной близости не произошло. С.Г. Волконский снова получил права потомственного дворянства, но без титула, который потом был возвращен его детям. С возрастом Волконский пожалел о масонских делах и мыслях его молодости, пытался в Православии найти утешение и поддержку, тем более что в 1863 г. в возрасте 58 лет умерла его жена, сам он умер через 2 года в возрасте 77 лет. Супруги Волконские были похоронены рядом в имении дочери в Черниговской губернии. Волконский слишком поздно понял, какое сокровище большую часть своей жизни он не видел, должным образом не ценил.

В усадьбе Шуколово долгое время жил и помогал взрослым детям Волконских подполковник декабрист **Александр Викторович Поджио** (1798–1873). В 1825 г. неженатому А.В. Поджио было 27 лет, он был сослан в Сибирь, где у него с С.Г. Волконским сложились особые отношения. Он боготворил М.Н. Волконскую и преклонялся перед С.Г. Волконским. Когда освобожденный от каторжных работ в 1835 г. в память его умершей матери С.Г. Волконский переехал в 1836 г. в селение Урик (около г. Иркутска), то на лето он переезжал в Усть-Куду, где жил Поджио. Волконский учил его заниматься сельским хозяйством, ведь сам он превратился в практичного хозяина и хотел видеть таким же более молодого Поджио. С 1844 г. семье Волконского из-за болезни его жены разрешили жить в Иркутске, тогда они стали с Поджио общаться еще больше. М.Н. Волконская нашла в Поджио верного и нежного друга, что она особенно остро ощутила в период ее болезни. Во многих делах и мыслях Поджио лучше понимал Волконскую, чем ее муж, что объяснялось многими причинами, в том числе и возрастными (муж был старше Волконской на 18 лет, Поджио – на 8).

А.В. Поджио

Сохранившийся усадебный кирпичный храм во имя Успения Божией Матери представляет собой постройку типа «восьмерик на четверике» с небольшой бесстолпной трапезной и развитой апсидой. В его архитектуре видна связь с зодчеством XVII в. Столпообразная 3-ярусная колокольня не имеет четко выраженных стилизованных черт. В храме сохранились пол из метлахской плитки и кованые решетки в окнах.

В 14 км от станции Турист расположена деревня **Ваньково**, раньше здесь была **усадьба В.М. Васнецова**. В 1901 г. художник приобрел небольшую усадьбу с деревянным двухэтажным домом, парком с аллеями. Он любил деревенскую жизнь, вспоминал свое родное село Рябово в Вятской губернии и свою новую подмосковную усадьбу также назвал «Ново-Рябово». Однако новое название не прижилось. Васнецов жил в усадьбе Ваньково только в летние месяцы. В своем скромном усадебном доме В.М. Васнецов написал ряд своих известных полотен, в том числе «Битва Ивана-царевича с морским волком», «Битва русских с половцами» и др. В 1952 г. усадебный дом из этой бывшей усадьбы В.М. Васнецова пере-

везли в село **Шадрино (Дмитровский район)**. Теперь там можно увидеть и осмотреть деревянный одноэтажный с мезонином дом, поставленный на кирпичном цоколе. Два крыльца дома обращены во двор, имеются анфилада комнат и внутренний коридор, парадные комнаты расположены вдоль фасада (в прошлом обращенного в парк). При сборке этого дома в Шадрине не восстановили веранду, печи, отделку помещений.

В.М. Васнецов

Ольгово. Усадебный дом со стороны пруда

Виктор Михайлович Васнецов (1848–1926) – яркий русский живописец, передвижник, автор жанровых картин, лирических и эпических полотен на темы русской истории, народных былин и сказок, выступал и как театральный художник, а также живописец-монументалист. Наиболее известные его полотна «После побоища», «Аленушка», «Богатыри» и др. Он родился в Вятке в семье священника, окончил местные духовное училище и семинарию, затем был принят в Академию художеств в Петербурге, в 1876 г. творческие интересы привели его в Париж, но он вернулся на Родину и уехал в Москву. Ему были нужны именно Москва и Подмосковье – исконно и неизменно русские по духу и доброму настрою части России. Его поддержали С.Т. Мамонтов и П.М. Третьяков. Пришел успех. Именно творчество давало ему силу и интерес к жизни.

В 12 км от г. Яхрома, в селе **Ольгово** (Льгово – до 1820-х гг.), находится бывшая **усадьба Ольгово**, принадлежавшая воеводе города Дмитрова Ф.В. Чаплину (первая четверть XVIII в.), затем – П.А. Соймоновой и Апраксиным (1740–1917). Ольгово имеет давнюю историю. В XVI в. оно было дворцовой вотчиной, а стольнику Ф.В. Чаплину оно было пожаловано за оборону г. Дмитрова от войск польского королевича Владислава Сигизмундовича, которого русские бояре в Смутное время осмелились избрать русским царем. В роду Чаплиных владение находилось более ста лет. Дочь А.И. и М.Г. Чаплиных – П.А. Соймонова – стала к середине XVIII в. владелицей Ольгова, затем она во втором браке стала женой фельдмаршала С.Ф. Апраксина. При Апраксинах в Ольгове начали возведение огромного дворцово-паркового ансамбля. Усадебные строения, сохранившиеся в Ольгове до нашего времени, были возведены в середине XVIII в. при С.Ф. Апраксине – хорошем хозяине и по тем временам гуманном владельце крепостных, но порой склонного к интригам человеке. Судьба этого владельца усадьбы предостерегает от нарушения естественного хода событий, участия в политических интригах, борьбы за «место под солнцем» любыми методами и способами, а также от склонности к чрезмерной роскоши.

Ольгово. Гостиная

С.Ф. Апраксин

Степан Федорович Апраксин (1702–1758), генерал-фельдмаршал, остался в русской истории прежде всего как главнокомандующий русской армией в начале Семилетней войны (1756–1763), при этом он был отстранен от должности за нерешительные действия в 1757 г.

С.Ф. Апраксин хотел выполнять свои воинские обязанности с заметной выгодой лично для себя. Он имел талант находить сильных друзей для своего благополучия, поддержки, защиты; сумел стать другом А.П. Бестужева-Рюмина (после этого его продвижение по службе еще более ускорилось). Александр Петрович Бестужев-Рюмин (1693–1766), граф, видный государственный деятель и дипломат, генерал-фельдмаршал, был очень влиятельным человеком в России (см. с. 381–382). В 1740–1741 гг. он был кабинет-министром, в

1744–1758 гг. – канцлером, с 1762 г. – первоприсутствующим в Сенате. Глядя в будущее, Апраксин поддерживал добрые отношения с великой княгиней Екатериной Алексеевной (будущей императрицей Екатериной II). Современники вспоминали его как человека благодетельного и доброго, но пронырливого, способного на необдуманные сполна траты и поиск денег, любителя роскоши. Его честолюбивые стремления привели к тому, что он оказался в сети политических и придворных отношений. При дворе враждовали несколько группировок, стремившихся получить внимание и доверие императрицы Елизаветы Петровны. Апраксина в начале Семилетней войны обвинили в ее неудачах, указали на его нерешительность воевать и принимать судьбоносные решения, подвергли аресту, допросам, суду. Влиятельные друзья не оставили его и уже был виден конец его унижений, но во время допроса он внезапно скончался. Так ушел из жизни в 56 лет человек образованный, но способный ради возможных в будущем успехов участвовать в интригах и скользких политических играх. А подобные дела добром обычно не кончаются. При сыне С.Ф. Апраксина – Степане, женатом на княжне Елене Владимировне Голицыной (дочери знаменитой княгини Н.П. Голицыной – прототипа старой княгини в романе А.С. Пушкина «Пиковая дама»), усадьба Ольгово достигла своего расцвета.

Красавец и богач **Сергей Степанович Апраксин** (1756–1827) был очень влюбчив и непостоянен в своих сердечных привязанностях, способен на пьяные разгулы с цыганами и крепостными наложницами. При этом он любил изящные искусства, имел великолепный домашний театр, устраивал роскошные вечера и балы. Женившись в 37 лет на безмерно любившей его 26-летней княжне Е.В. Голицыной, он не изменил свои привычки, по-прежнему без счета тратил деньги на свои удовольствия.

А.П. Бестужев-Рюмин

С.С. Апраксин

Все практические дела в их семье была вынуждена вести его молодая жена, которая оказалась (как и ее мать) хорошим организатором и финансистом, а также мудрой супругой и матерью их троих детей. Именно Е.В. Апраксина успешно управляла делами в их усадьбе Ольгово, где она организовала даже ковровое производство. Несмотря на постоянные измены мужа, она не устраивала ему сцены ревности и брани, не утомляла упреками, а старалась быть в ровном настроении, хорошо выглядеть, год от года все лучше и лучше вела их имущественные, финансовые и бытовые дела. Усадьба Ольгово хорошела и процветала в первую очередь благодаря ей, полностью освободившей мужа от хозяйственных дел. С.С. Апраксин до старости оставался рабом своих меняющихся страстей (которые его умная жена умела не замечать), по достоинству ценил и уважал свою мудрую и снисходительную супругу. Он в Ольгове в саду в честь жены приказал возвести беседку в виде древнего храма, где в середине на высоком пьедестале возвышалась мраморная статуя его супруги.

Состоятельные отец и сын Апраксины желали иметь в Ольгове роскошный дворцово-парковый ансамбль. С.Ф. Апраксин пригласил в 1786 г. в Ольгово итальянского архитектора Франческо Кампорежи, который расширил усадебный 2-этажный дом, превратив его в шикарный дворец, заменил регулярный французский парк на пейзажный английский, площадью более 40 га, имевший большое число «затей» – беседок, гротов, обелисков, статуй и др. и несколько прудов. В одном из флигелей усадьбы был устроен крепостной театр. Хозяйская сметка владельцев усадьбы проявилась и в том, что здесь Кампорежи руководил строительством также псарни и бумажной фабрики (не сохранилась).

Ольгово. Уголок гостиной

Усадьба Ольгово была одной из самых богатейших в Подмосковье. Она славилась красотой дворца и парка, своим крепостным театром. Сюда с удовольствием приезжали в гости сановитые москвичи, в том числе поэт, князь П.А. Вяземский, поэт В.Л. Пушкин (дядя А.С. Пушкина), который и сам участвовал в ставившихся здесь спектаклях, а позже – князь Л.Н. Толстой и др.

Еще одной отличительной чертой Ольгова было то, что был создан своего рода музей русского быта, его называли «бытовой повестью двух столетий». Владельцы усадьбы берегли и сохраняли вышедшие из употребления вещи, предметы бытового уклада.

Усадьбу Ольгово после 1917 г. национализировали. Почти до 1927 г. она сохранялась в относительном порядке. После 1917 г. в ней несколько лет работал музей, но в 1926 г. его закрыли, что стало началом разграбления богатств усадьбы. Но небольшую часть исторических и художественных ценностей отправили в г. Дмитров в музей, но и там часть из них украли, в том числе фамильные портреты членов рода Апраксиных. Одно время в бывшей усадьбе устроили санаторий, потом усадебные постройки передали совхозу.

До наших дней от бывшей усадьбы Ольгово сохранились кирпичный 2-этажный дом в стиле раннего классицизма (XVIII в., вторая половина 1790-х гг. – капитальная реконструкция арх. Ф. Кампорези), флигели, жилые корпуса, круглая 2-ярусная кирпичная башня ворот (образец псевдоготики, вторая башня утрачена), хозяйственный комплекс, Введенская церковь (1751) с 3-ярусной колокольней (1828), ряд других построек, парные обелиски при въезде в усадьбу, а также большой парк (около 40 га) с прудами. В главном усадебном доме представляет наибольший интерес парадный зал. Зал был отделан деревом, искусно раскрашенным под мрамор. Со стороны парка дом имеет деревянный с крутым фронтоном шестиколонный ионический портик на цоколе с арками. Кирпичная Введенская церковь на дороге к селу – это храм типа «восьмерик на четверике» с боковыми приделами, папертью и колокольней в 3 яруса. Церковь построили в 1751 г. по заказу П.А. Соймоновой. Этот храм сохранился в художественной редакции XIX в. (пережил перестройку). Сохранилось еще одно любопытное кирпичное одноэтажное усадебное здание рубежа XVIII – XIX вв., расширенное в 1894 г. в связи с его передачей Апраксиными учебному заведению; здесь открыли церковно-приходскую школу. Усадебный парк с прудами в разных уровнях является ценным образцом садово-паркового искусства рубежа XVIII – XIX вв. Из ранее многочисленных парковых сооружений сохранились только грот и сильно перестроенный павильон у Белого пруда.

В 9 км от г. Дмитрова находится село **Даниловское**, а раньше была усадьба с тем же именем. Здесь в конце 1760-х – начале 1770-х гг. князь И.Ф. Голицын построил **усадьбу Даниловское**. Ее архитектурный комплекс принадлежит к немногим в Подмосковье памятникам усадебного искусства в стиле барокко. Сохранились двухэтажный кирпичный усадебный дом, два (из четырех) кирпичных флигеля, Никольская церковь с декоративным убранством в стиле елизаветинского барокко (1768–1771), парк. В архитектурно-художественном плане особенно интересна Никольская церковь. Это ярусное центрическое здание с лепестковым планом. Фасады храма нарядны и пластичны; они обработаны пилястрами с резными каменными капителями, фигурными наличниками и нишами (в которых раньше стояли каменные статуи евангелистов). Колокольня сохранилась только в пределах первого яруса.

Владельцы и гости усадьбы Даниловское, как правило, были яркими и неординарными личностями. В первой половине XVII в. здесь была вотчина князя И.И. Шуйского, затем село принадлежало князю П.И. Прозоровскому, потом – князьям Голицыным. И.Ф. Голицын был адъютантом императора Петра III, после дворцового переворота он отказался принести присягу Екатерине II и удалился в село Даниловское. При нем построили Никольскую церковь,

усадебный дом, разбили парк, вырыли пруды. После смерти князя в 1799 г. усадьба перешла к Н.П. Поливанову – участнику суворовских походов. Уйдя в отставку, он поселился здесь и почти все время проводил за своим любимым занятием – псовой охотой. В 1830—1850-х гг. эта усадьба принадлежала С.А. Римскому-Корсакову, а с 1911 г. – Товариществу Покровской мануфактуры.

Некоторые знают это место как Даниловскую слободу, где в скромной усадьбе Поливановых у своей тетки провел детские годы декабрист, подпоручик **М.П. Бестужев-Рюмин** (1801–1826) – один из активных членов «Южного общества», один из руководителей Васильковской управы и восстания Черниговского полка. Вместе с полковником С.И. Муравьевым-Апостолом (1795–1826) они написали лжекатехизис – своего рода революционный «Катехизис», в котором, выбирая отдельные слова и фразы из Священного Писания, пытались доказать необходимость свержения самодержавия. С.И. Муравьев-Апостол был участником Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, одним из основателей «Союза спасения» и «Союза благоденствия», одним из директоров «Южного общества», главой Васильковской управы, именно он был организатором и руководителем Черниговского полка. Он был на 6 лет старше Бестужева-Рюмина, активнее, опытнее, он и вложил в его голову крамольные мысли и планы, поставил под возможный удар менее опытного человека. Они оба надеялись распространить революционные идеи в армии и в народе. Но восстание Черниговского пехотного полка не поддержали другие воинские части и крепостные крестьяне. Царские войска подавили восстание. Бестужева и Муравьева-Апостола привезли в Петербург, где их повесили вместе с тремя другими руководителями восстания декабристов. 31-летний Муравьев-Апостол встретил приговор с мужественным спокойствием. Увидев 25-летнего Бестужева перед казнью, он просил у него прощения за то, что погубил его, затем перед виселицей помолился и произнес: «Боже, спаси Россию и царя!»

К северо-востоку от г. Дмитрова лежит село **Пересветово**, известное до наших дней церковью иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость». Теперь мало кто помнит, что раньше рядом с селом была усадьба богатого князя С.М. Голицына. Именно на его средства в начале 1820-х гг. построили этот храм.

Князь **Сергей Михайлович Голицын** (1774–1859) был очень богатым и уважаемым человеком. Он был действительным тайным советником, членом Государственного совета. Но, обладая огромными богатствами, С.М. Голицын имел непривлекательную внешность, недостаточные знания, определенную узость кругозора, однако он был верным и послушным подданным царя. Когда император Павел I захотел устроить судьбу небогатой, но чрезвычайно красивой княжны Евдокии Ивановны Измайловой (1780–1850), то приказал ей выйти замуж за князя С.М. Голицына, который не возражал против этого решения императора. Так 25-летний князь женился на девушке редкой красоты, но не любившей его. Скоро стало ясно, что девушка с видимой скромностью обладала твердым характером и свободолюбием. Молодые уехали за границу в надежде получить радость хотя бы от новых впечатлений. Больше года они путешествовали по Европе, много жили в Дрездене. Тем временем императором стал Александр I, князь Голицын поспешил в Россию засвидетельствовать ему свое почтение, а его жена под каким-то предлогом осталась в Дрездене. Затем она послала мужу письмо, в котором объявила, что больше жить совместно с ним не собирается, так как брак ее с ним был вынужденным по воле Павла I. Но раздельное проживание не означало развода, поэтому Голицын был обязан решать вопросы финансового обеспечения ее жизни. Он решил, что она погуляет, повеселится, а затем вернется к богатому и надежному мужу. В мыслях и желаниях о счастливом разрешении его личных проблем он молил Бога помочь ему, строил в своих имениях храмы.

С.М. Голицын

Княгиня Е.И. Голицына за границей влюблялась, меняла свои привязанности, просила у мужа развод, но он его ей не дал. Приехав в Петербург, Голицына стала еще более известной не только из-за своей совершенной красоты, но и из-за эксцентричности, серьезного интереса к математике и оригинального образа жизни. Днем она спала, а ночью бодрствовала и веселилась с друзьями. Цыганка предрекла ей смерть ночью, страх смерти заставлял ее бодрствовать в ночное время. Лучшие интеллектуалы восхищались ею, были увлечены ей Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин и многие другие. Слава «*princesse Nocturne*», «*princesse Mupuit*» (ночная княгиня, полночная княгиня, фр.) шла по всей России. К тому же она написала и издала оригинальное сочинение по математике. Светские успехи и увлечение математикой заставили ее совсем забыть о ее муже, о котором все говорили как о несчастном человеке, ведь его жена избегала подруг, предпочитала друзей – мужчин. Дискомфортное положение С.М. Голицына еще более усугубилось. Он пытался искать облегчения в развлечениях – не вышло, у него появилась подруга и родились дети – но счастья не было в скрываемой связи, тогда он стал стараться усиленно заниматься богоугодными делами, которые

он оценивал как своего рода аванс за ожидаемое личное счастье. В этот период по его желанию и была построена церковь в Пересветове.

Когда Голицыной перевалило за 40 лет и ее красота, оптимизм, круг поклонников стали иссякать, тогда она решила воссоединиться с мужем. Это был момент, когда их семья могла восстановиться. Но С.М. Голицын уже имел внебрачных детей, хотел иметь более молодую и более привлекательную жену. Решимость ему придавало сознание того, что после смерти его матери и получения большого наследства он стал чуть ли не сказочно богатым человеком (хотя и до этого был очень богат). К этому времени ему уже шел пятый десяток лет, и формально он был женат более двух десятилетий. В 56 лет он окончательно сделал вывод, что его земная жизнь идет к концу, решил развестись с женой и жениться на небогатой, но миловидной и пользовавшейся успехом в свете 22-летней А.О. Россет (1809–1882, позже Смирнова). Но его 50-летняя жена ему развод не дала, отомстила за его подобный отказ ей ранее. Все это заставило С.М. Голицына чаще обращаться к Богу за духовной поддержкой, больше творить добрые дела и ждать помощи Божией. Таковы обстоятельства строительства и благоустройства храма в Пересветове.

Уже скоро 2 века как возведена церковь иконы иконы Всех Скорбящих Радость в Пересветове. Ее возвели в 1820-е гг., а колокольню надстроили в 1889 г. Это кирпичный с белокаменными деталями оштукатуренный храм стиля ампира. Бесстолпный одноапсидный четверик храма завершен массивной световой ротондой, опирающейся на угловые пилоны и подпружные арки. Боковые фасады храма и основание колокольни украшают пилястровые тосканские портики, тело ротонды тонко моделируют парные пилястры ионического ордера и развитый антаблемент. От убранства интерьеров 1880-х гг. на стенах ротонды остались следы орнаментальных росписей.

Судьба этого храма и утраченной усадьбы С.М. Голицына учит уметь терпеть неприятные обстоятельства, помнить о подвиге православного разумного смирения, изживать из себя эгоизм, не думать только о личном благе и комфорте, ибо, чтобы быть счастливым, нужно научиться помогать другим, входить в их ситуацию, учитывать их интересы и желания, уметь прощать. И совсем нелепо творить благие дела как аванс в ожидании благодарности свыше за них.

В 15 км от железнодорожной станции Орудьево находится бывшая **усадьба Алексеевское**, связанная с памятью философа, мыслителя, публициста, дворянского просветителя, родоначальника русской религиозной философии, одного из лучших друзей А.С. Пушкина – П.Я. Чаадаева.

Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856) жил здесь в детстве и в конце 1820-х гг., так как эта усадьба принадлежала его тетке, княжне А.М. Щербатовой, взявшей его в 4 года на воспитание после смерти обоих родителей. Чаадаев получил прекрасное образование (домашнее и в Московском университете), в 1812 г. стал военным, участвовал в Бородинской битве и в ряде других сражений, потом состоял адъютантом у генерала Н.В. Васильчикова, его ожидала блестящая карьера.

П.Я. Чаадаев

Он был остроумным, гордым, очень красивым молодым человеком, со своеобразным мышлением. Его любимым развлечением были прогулки по московским улицам, где главным магнитом для него были книжные лавки; на всю жизнь у него сохранилась страсть к самообразованию. Однако участие в боевых операциях, будни армейской жизни, бунт в Семеновском полку (он взялся передавать известие об этом царю Александру I), осмысление событий, происходивших в России, сильно изменили характер Чаадаева. В 1820 г., в 26 лет, он подал в отставку, хотя жить ему было почти не на что. Наследства у него не осталось, имение он продал, чтобы не иметь крепостных и не быть эксплуататором, а полученные деньги скоро кончились. В 1823 г. Чаадаев уехал за границу с расстроенными нервами, для поправления здоровья, думал – навсегда, но через 3 года, то есть в 1826 г., решил возвратиться. На границе его арестовали, так как было известно о его дружеских связях с декабристами, в том числе руководителями «Северного общества», и возможном членстве в «Союзе благоденствия» и в «Северном обществе». Но Чаадаев утверждал, что он никогда ни к какому тайному обществу не принадлежал. Всегда выступал против насильственных методов ведения борьбы. После освобождения его отдали под строгий надзор московского военного губернатора. Полицейский надзор негативно повлиял на его здоровье. В 1826–1836 гг. Чаадаев пережил глубочайший внутренний кризис. Жил он в этот период то в Москве, то в усадьбе Алексеевское. В этот период сложилось его философское видение прошлого и будущего Рос-

сии, которое он изложил в «Философских письмах». Причины застоя в России он объяснял общественными условиями в стране. В отличие от декабристов Чаадаев полагал, что путь к стабильному прогрессу в России не в политическом перевороте, а в распространении просвещения, в создании условий для формирования и мужания нравственно здоровых, действительно в массе своей грамотных и образованных россиян. Этот трактат из восьми писем был опубликован в 1836 г. в журнале «Телескоп», что навлекло серьезные неприятности на его издателя. Журнал закрыли, а Чаадаева по приказанию царя Николая I насильственно подвергли медицинскому освидетельствованию и официально признали сумасшедшим. Однако в 1837 г. пришла резолюция Николая I: «Освободить от медицинского надзора под условием не сместь ничего писать». Тем не менее в 1837–1838 гг. Чаадаев написал «Апологию сумасшедшего», вышедшую уже после его смерти в 1862 г. в Париже. В ней он предсказал, что Россия «сможет решить большую часть проблем социального порядка». Далее он утверждал: «...Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло... я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия».

К 1830-м гг. он стал завсегдатаем Английского клуба, был почетным гостем салонов и гостиных, раз в неделю принимал у себя. Его воспринимали как нравственного учителя. Он публично называл проблемы, пробуждал споры, форсировал рождение мыслей. Здоровье его ухудшилось, с 1831 г. Чаадаев никуда не выезжал из Москвы, где умер в 1856 г. в возрасте 62 лет. Его похоронили в Донском монастыре, согласно его завещанию, рядом с могилой Е.С. Норовой (1799–1835), с которой у него был единственный в его жизни роман, обрывавшийся с ее смертью. Чаадаев не хотел посвящать чужих людей в свою частную жизнь. Незадолго до смерти он сжег всю свою переписку, в том числе и с А.С. Пушкиным.

Рядом с бывшей усадьбой Алексеевское находится деревня **Надеждино**. Здесь была **усадьба отца декабриста В.С. Норова – С.А. Норова**, куда его сын был выслан в 1838 г. В.С. Норов был участником войны 1812 г., оставил ценные рисунки и записки о военных походах 1812–1813 гг. С 1818 г. он был членом тайного общества декабристов. На следствии В.С. Норов отказался давать показания, отбыл несколько лет в заключении в Петропавловской крепости, в Свеаборге и Бобруйске; в 1835 г. был сослан на Кавказ солдатом. Из-за болезни ног в 1838 г. его выслали в Надеждино под надзор отца – монархиста и жестокого крепостника. В Надеждине сохранились остатки старой усадьбы.

Талдомский район

В 32 км от г. Талдома находится селение – **Спас-Угол** – бывшее родовое имение Салтыковых, предков писателя-сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина. В окрестностях Талдома многие селения связаны с именем этого великого русского сатирика, который либо жил в них, либо описал в своих произведениях. Так, в «Господах Головлевых» и «Пошехонской старине» Салтыков-Щедрин описал селения Спас-Угол, Ермолино, Бревново, Малиновец, Семино, Николо-Кропотки и озеро Золотая Вешка. **Село Спас-Угол** – старинная родовая вотчина, затем – богатая помещичья **усадьба Салтыковых**, где родился и провел детские годы **М.Е. Салтыков-Щедрин** (1826–1889 гг.; см. с. 31–32). К 6 годам он бойко говорил по-французски и по-немецки, чуть позже сельский священник научил его читать и писать по-русски. Здесь у Салтыкова-Щедрина появился первый настоящий учитель – крепостной живописец Павел Дмитриевич. Писатель всегда вспоминал его с особой благодарностью и теплотой. С 1836 г. М.Е. Салтыков-Щедрин уже не жил в этой усадьбе, но приезжал сюда регулярно. Последний раз он был в усадьбе Спас-Угол в 1874 г. на похоронах матери. До наших дней усадебный дом не сохранился, зато сохранились Преображенская церковь, построенная в 1795 г., а также трапезная и колокольня, возведенные в первой половине XIX в. Духовным центром усадьбы была Преображенская церковь – кирпичный храм традиционного типа «восьмерик на четверике», трапезная и 4-ярусная колокольня возведены в стиле позднего классицизма. Возле этой церкви, у ее алтаря, похоронены мать и другие близкие родственники М.Е. Салтыкова-Щедрина.

У села Спас-Угол очень древняя история, впервые оно упоминается в писцовой книге 1627 г. Разные происходили в нем события, подчас совсем необычные. Так, в августе 1887 г. вблизи села приземлился воздушный шар, на котором Д.И. Менделеев совершал полет из Клина, чтобы наблюдать с высоты солнечное затмение.

Рядом с селом Спас-Угол находится село **Ермолино**, где была **усадьба матери М.Е. Салтыкова-Щедрина**, приобретенная ею в 1836 г., а позже принадлежавшая брату писателя – И.Е. Салтыкову. М.Е. Салтыков-Щедрин приезжал в Ермолино в 1853–1879 гг. В его произведении «Пошехонская старина» Ермолино выведено под названием «Бубново». Сейчас здесь сохранились только некоторые служебные постройки и старинный парк.

2. Северо-восточный сектор

Северо-восточный сектор Подмосковья включает Мытищинский, его восточную часть, Пушкинский, Щелковский и Сергиево-Посадский районы. В наши дни главными и почти параллельными транспортными осями этой территории являются Ярославское направление железной дороги и Ярославское шоссе. Эта часть Московской области издавна характеризуется высокой плотностью населения, густой сетью населенных пунктов; в прошлом здесь было значительное число усадеб. Освоению и усиленному развитию этой части Подмосковья способствовали основание, развитие и жизнь Троице-Сергиева монастыря, ставшего с XIV–XV вв. влиятельным религиозным центром. Троицкий монастырь был основан главным духовным авторитетом Древней Руси – Сергием Радонежским в 1337 г., в 1744 г. он получил высший монастырский титул – Лавра (название некоторых наиболее крупных, влиятельных мужских монастырей Русской православной церкви).

Мытищинский район

Почти сразу за Москвой находится г. **Мытищи**, в пределах современных границ которого сохранились остатки нескольких бывших усадеб. В давние времена, когда р. Яуза была полноводной и судоходной, здесь собирали с плывущих и проезжающих мыт – торговую пошлину. Яузский водный путь был заброшен в XIV в., тогда прекратился и сбор мыта. Место, где собирали когда-то мыт, стало называться Яузским Мытищем.

В г. Мытищи сохранились следы бывшей **усадьбы Липки** фабрикантов Алексеевых. Главный дом был построен в начале XX в. по проекту известного русского зодчего И.В. Жолтовского (1867–1959) в неоклассическом стиле. Центральный двусветный массив с мезонином, обработанный ионической колоннадой, соединен двумя галереями с флигелями. От колоннады к пруду спускается широкая лестница. Кроме главного дома, сохранилось здание конюшни и старый парк с беседками, прудом и арочным мостом.

В г. Мытищи его историческая местность **Перловская** напоминает о бывшей усадьбе чаеторговцев Перловых. Но старожилы не любят об этом вспоминать. Они чаще утверждают, что поселок был назван Перловской потому, что в древности в р. Яузе было много раковин с речным жемчугом – перлами. На самом деле Перловка – памятник российскому предпринимательству. В 1787 г. московский купец 2-й гильдии Алексей Перлов открыл в Торговых рядах лавку по продаже чая; к концу XIX в. чайная торговля «В. Перлов и сыновья» стала крупнейшей в России. Перловы также вели широкую и результативную общественную деятельность. В связи со столетием фирмы ее главе Василию Перлову было пожаловано дворянство. На его гербе был девиз «Честь во труде». Тогда Перловы, мечтавшие о подмосковной усадьбе, купили подмосковное имение, которое стало называться «Перловкой». Со временем рядом построили дачный поселок, деревянную церковь во имя Донской иконы Божией Матери, театр, начальное училище. В начале XX в. дачные сезоны в Перловке пользовались широкой известностью, здесь выступали и отдыхали известные артисты (Ф.И. Шаляпин, Л.В. Собинов, А.В. Нежданова, А.Б. Гольденвейзер и др.).

В г. Мытищи ее другая историческая местность, **Тайнинское** (в районе железнодорожной станции с тем же названием), напоминает о древнем селе Тайнинском. Здесь была своего рода небольшая царская усадьба. Тайнинское и его окрестности входили издавна в родовую царскую вотчину. В XVI–XVII вв. цари часто приезжали в Тайнинское для охоты или останавливались на отдых по пути на богомолье. Цари любили и ценили удобства жизни. В вотчинах, которые они часто посещали, или на пути их особенно частых поездок строили дворцы, которые стали называть путевыми. Когда в царской вотчине, в дворцовом селе возводили путевой дворец, неизбежно строили и другие хозяйственные постройки, разбивали сад. В подобном царском селе создавалась небольшая царская усадьба, так произошло и в Тайнинском. Дворец в селе Тайнинском стали называть путевым. В 1552–1574 гг. здесь неоднократно бывал царь Иван Грозный (1530–1584 гг., великий князь с 1533 г., царь с 1547 г.), любивший эти места. В 1552 г., после взятия Казани, Иван Грозный по дороге в Москву остановился и ночевал в Тайнинском, где его встречали бояре и брат – князь Юрий Васильевич. Позднее, когда обнаружилась измена князя Курбского и замыслы Сигизмунда III, Иван Грозный с царицей и двумя сыновьями уехал именно в Тайнинское в сопровождении полка вооруженных всадников и избранных приближенных; следом шли обозы с поклажей. А в 1574 г. здесь Ивану Грозному был представлен посол крымского хана – Ян-Болбий. В годы опричнины Иван Грозный превратил Тайнинское в место безобразных оргий и казней. Здесь по его приказу построили дом, который он назвал «Содомовой палатой». В нем царь пировал в окружении ближайших опричников – Малюты Скуратова, Басманова, Василия Грязного.

Здесь во время пиров выносились смертные приговоры, опричники истязали несчастных людей.

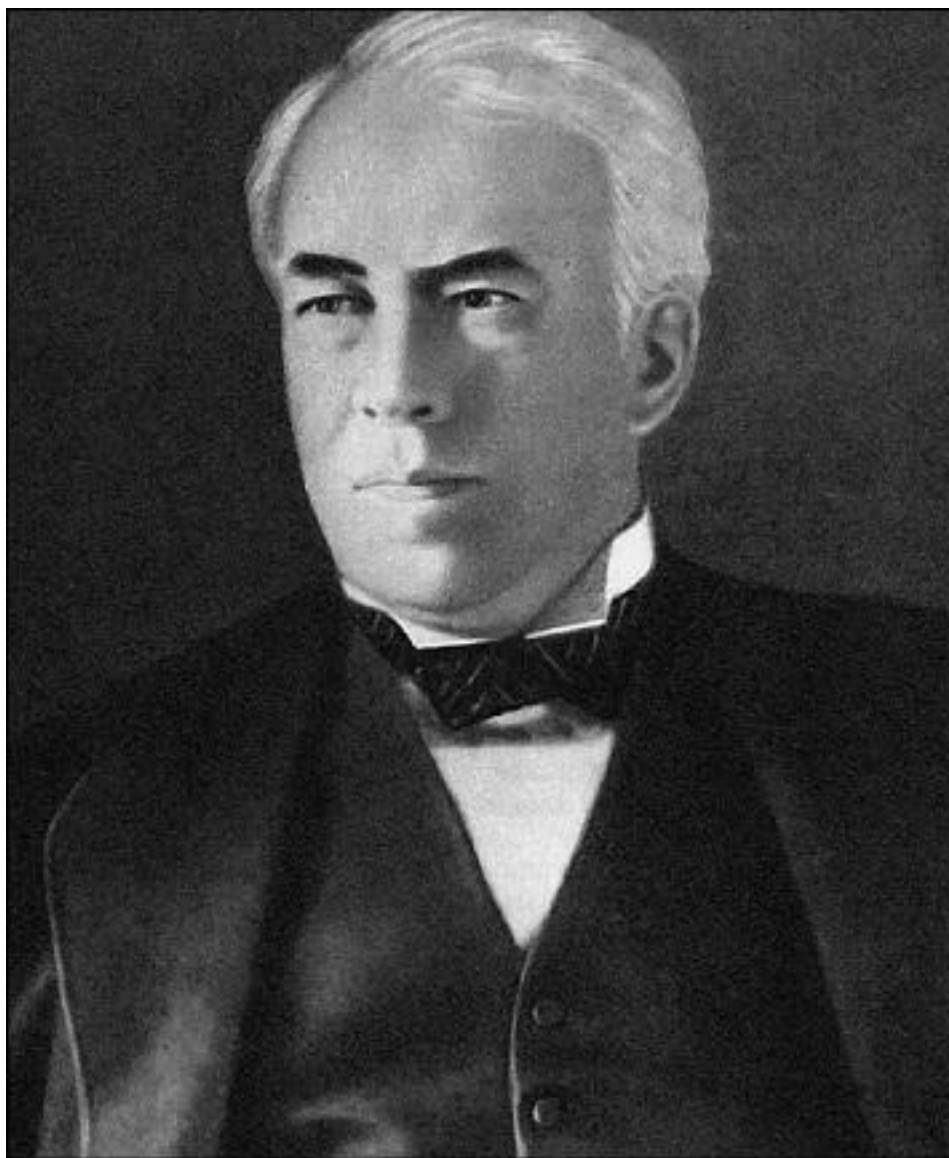
Царь Алексей Михайлович

Любил это место и царь Борис Федорович Годунов (1552–1605 гг., царь с 1598 г.), нередко он пирувал в Тайнинском дворце со своими приближенными. Бывал здесь и Лжедмитрий I (Ю.Б. Отрепьев, 1580–1606 гг., царь с 1605 г.). В Тайнинском Лжедмитрий I заставил в 1605 г. привезенную из монастыря бывшую царицу Марию Нагую, в монашестве Марфу, признать его своим сыном (спасая свою жизнь, она это сделала, но сразу после его убийства от этого своего признания она отрекалась). Здесь Лжедмитрий I развлекался и пирувал с придворными. Желая показать свою удаль, он убил медведя, спущенного с цепи.

В 1608 г. село надолго занял Лжедмитрий II («Тушинский вор», еврей из казаков, убит в 1610 г.), перенесший сюда свой стан из Тушино (Тушинский лагерь, существовал в 1608–1609 гг.). Однако сложности с доставкой в Тайнинское съестных припасов вынудили его вернуться назад в Тушино. В августе 1612 г. через это село прошло в Москву, занятую польскими интервентами, народное ополчение под предводительством князя Д.М. Пожарского и К.М. Минина (в октябре столица была освобождена от врагов).

При царе Алексее Михайловиче, который любил отдыхать и охотиться в этих местах (1629–1676 гг., царь с 1645 г.), в Тайнинском построили терем – новый деревянный путевой дворец (сгорел в 1727 г.). Окрестности села приглянулись царю для проведения соколиной охоты. По указу его сына – царя Федора Алексеевича (1661–1682 гг., царь с 1676 г.) – в селе достроили кирпичную Благовещенскую церковь (1675–1677), строительство которой начали при его отце на месте деревянной.

Расцвет Тайнинского продолжался с периода правления царя Алексея Михайловича, включая времена императрицы Елизаветы Петровны (1709–1761 гг., царствовала с 1741 г.), при которой разобрали старый деревянный дворец и построили новый дворцовый ансамбль (1749), в том числе деревянный Путевой дворец (сгорел в 1832 г., остатки его были разрушены), соорудили оранжерею, высадили большой фруктовый сад, расширили подсобное хозяйство. Императрица Елизавета, большая любительница соколиной охоты, распорядилась возвести более удобный, чем прежде, Путевой дворец (даже пыталась лично участвовать в его проектировании) и устроить парк с прудами. Она купалась в местных прудах с сельскими девушками, одаривала их лентами, веселилась и развлекалась. Со второй половины XVIII в. резиденция в Тайнинском стала утрачивать функции Путевого дворца и приходила в упадок. В 2006 г. начались работы по восстановлению Путевого дворца, в котором со временем разместят музей и православную гимназию. Тайнинское имеет прямое отношение к строительству Мытищинского водопровода (1781–1804). При строительстве этого водопровода в XVIII в. в Тайнинском дворце (после его ремонта) разместили руководство строительства.

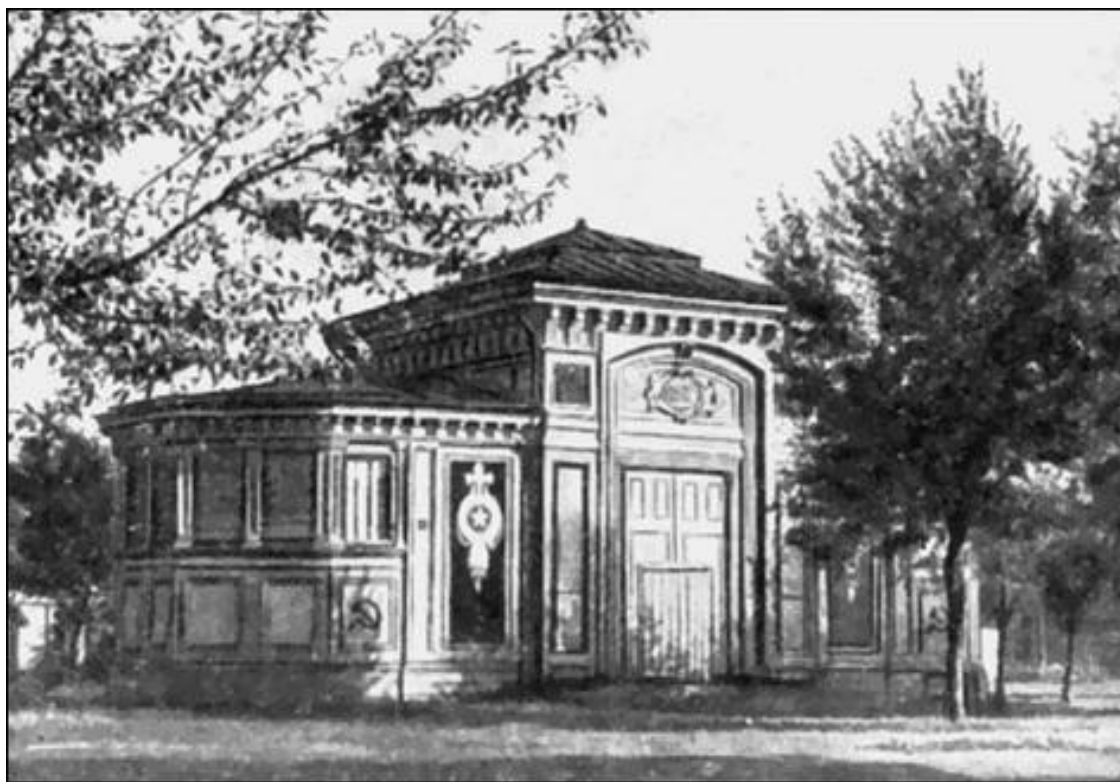

К.С. Станиславский

Большинство людей, побывавших в этих местах, восхищаются древней каменной Благовещенской церковью (XVII в.). Это двусветный 5-главый бесстолпный четверик с тремя апсидами и двусветной трапезной с хорами, храм первоначально завершался ярусами кокошников, а кирпичные главы покрывала поливная черепица. Особенно ярко остается в памяти уникальный фасад трапезной. Расходящиеся в стороны, крытые «ползучими» сводами и арками парные лестницы чередуются с лестничными площадками-рундуками, увенчанными шатрами на столбах. В центре расположена полая, представленная как бы в разрезе «бочка», выполненная в кирпиче на железном каркасе (она напоминает декоративные формы, часто применявшиеся тогда в деревянной архитектуре). Этот изумительный по красоте храм построен в стиле нарышкинского барокко, богато украшен кокошниками, ажурными наличниками и деталями из резного кирпича. В 1911 г. в село Тайнинское приезжал и любовался этой церковью известный французский художник А. Матисс (1869–1954).

В наши дни поблизости от железнодорожной станции Тарасовская, а в конце XIX в. в деревне Тарасовка находилась **усадьба Любимовка**, принадлежавшая отцу К.С. Станиславского – либерально настроенному фабриканту С.А. Алексею. Здесь К.С. Станиславский провел детство, здесь в четыре года впервые выступил на сцене в любительском спек-

такле «Четыре времени года», где изображал Зиму. Отец поддерживал увлечение детей и молодежи театром. В 1877 г. около центрального дома он построил двухэтажный флигель для любительского театра. К.С. Станиславский писал, что именно на сцене этого театра в 1877 г., в день именин матери, состоялся его первый дебютный спектакль; тогда были показаны водевили «Чашка чая» и «Старый математик, или появление кометы в уездном городе». С Любимовкой связан важный эпизод истории МХАТа. 21 июня 1897 г. в ней завершилась начатая в Москве, в ресторане «Славянский базар», беседа В.И. Немировича-Данченко (1853–1943) и К.С. Станиславского. Здесь было принято историческое решение о создании нового театра. К.С. Станиславский вспоминал о своем пребывании в Любимовке на разных этапах жизни в книге «Моя жизнь в искусстве». В разные годы в Любимовке гостили известные артисты и писатели. Так, в 1902 г. во флигеле этой усадьбы все лето жили А.П. Чехов и О.Л. Книппер; здесь А.П. Чехов начал работать над пьесой «Вишневый сад». Неоднократно гостил в Любимовке выдающийся русский певец Л.В. Собинов. Близ усадьбы Любимовка находилась дача знаменитого русского певца Ф.И. Шаляпина, частого гостя в этой усадьбе.

Любимовка. Театр К.С. Станиславского

И.Ф. Арманд

Константин Сергеевич Станиславский (настоящая фамилия Алексеев, 1863–1938) происходил из семьи крупных русских промышленников, бывших в родстве с Третьяковыми и Мамонтовыми, но его не интересовало предпринимательство. В 1881 г. он окончил Лазаревский институт, стал в 1888 г. одним из основателей «Общества искусства и литературы», где возглавлял драматический кружок. Он с 1877 г. проверял свои театральные способности на любительской сцене, где признание зрителей получил «Алексеевский кружок». Создав вместе с В.И. Немировичем-Данченко в 1898 г. Московский Художественный театр, они разработали новую манеру исполнения театральных пьес, открыли новые средства сценической выразительности, добились единства всех элементов спектакля. С 1918 г. Станиславский возглавлял Оперную студию Большого театра (в 1926 г. была преобразована в Оперную студию-театр им. К.С. Станиславского, в 1928 г. – в театр). Станиславский вошел в российскую историю как реформатор и теоретик театра, актер, режиссер, педагог. Он был с 1917 г. почетным академиком Петербургской академии наук и с 1936 г. – народным артистом СССР.

Пушкинский район

В 30 км от Москвы находится г. Пушкино, в пределах современных границ и окрестностей которого раньше находилось несколько усадеб.

В *Пушкине* и его окрестностях, в том числе в усадьбах и на дачах, развернулись события многих неординарных сердечных романов. Так, пребывание в Пушкине стала важным этапом в жизни **Инессы Федоровны Арманд** (1874–1920) – видной деятельницы международного женского движения, возлюбленной (1910–1920 гг., пик бурного любовного романа – 1912 г.) В.И. Ульянова-Ленина (1870–1924), активной сторонницы утверждения в России советского строя, в котором к концу жизни она отчасти разочаровалась. Незадолго до кончины (умерла И.Ф. Арманд в 46 лет от холеры, которой она заразилась, отдыхая в Нальчике) она написала в дневнике: «Теперь я ко всему равнодушна. А главное – почти со всеми скучаю. Горячее чувство осталось только к детям и к В.И. [В.И. Ленин. – В.Г.]. Во всех других отношениях сердце как будто бы вымерло. Как будто бы отдав все силы, свою страсть В.И. и делу работы, в нем истощились источники любви, сочувствия к людям, которыми оно раньше было так богато. У меня больше нет, за исключением В.И. и детей моих, каких-либо личных отношений с людьми, а только деловые... Я – живой труп, и это ужасно».

И.Ф. Арманд с детьми

Однако в конце XIX в., когда И.Ф. Арманд жила в усадьбе Армандов в Пушкине, все было по-другому. Девочками-подростками она и ее сестра Рене попали из Парижа в дом к богатому промышленнику, обрусевшему французу Евгению Евгеньевичу Арманду, где их тетушка была гувернанткой, преподавала французский язык и музыку. В Инессу и Рене были влюблены братья Александр, Владимир и Борис. Два первых по очереди стали мужьями Инессы, а Борис – мужем Рене. Глава клана Е.Е. Арманд владел доходными домами в Москве, лесами, имениями, поместьями, фабриками (шерстоткацкой и красильно-отде-

лочной) в Пушкине и его окрестностях. Мануфактур-советник и потомственный почетный гражданин Е.Е. Арманд возглавлял Торговый дом «Евгений Арманд с сыновьями», владел и другим очень значимым недвижимым и движимым имуществом. У Армандов был дом в центре Москвы, был и **дом-усадьба в Пушкине**. Дом Армандов был большой, по-русски хлебосольный и по-французски вольнодумный. Арманды жили просто и без особого шика, занимались общественно-благотворительной деятельностью, почти всегда шли на уступки рабочим на своих фабриках в Пушкине, общались с рабочими и пользовались их уважением. Арманды заботились о своих рабочих, в Пушкине открыли библиотеку, при их фабрике создали небольшую больницу.

В 1893 г. 19-летняя Инесса (дочь певца-француза Теодора Стефана и его гражданской жены Натали, урожденной Вильд – полуфранцуженки, полуангличанки, актрисы, затем учительницы пения) обвенчалась в Никольской церкви села Пушкино с потомственным гражданином, московской первой гильдии купеческим сыном Александром Евгеньевичем Армандом. Он имел покладистый характер, в меру передовые, свободололюбивые взгляды, но был верным представителем своего класса, уважал царскую власть, незыблемо верил в надежность капиталистических отношений. Инесса видела резкий контраст между их усадебным домом в Пушкине и казармами рабочих. В каморках фабричных рабочих она видела нужду, горе, разгул, поняла тяжкую участь женщины-пролетарки. Осознала она и свою принадлежность к классу эксплуататоров трудящихся. В 1897 г. на фабрике Армандов был создан марксистский кружок, в работе которого Инесса принимала участие. Она увлеклась революционными идеями, разочаровалась в царской власти и возможностях капитализма. Ее муж верил в капитализм и возможности его совершенствования, а его брат и ее деверь – Владимир, на 8 лет моложе ее, больной туберкулезом, не был в этом убежден. В.Е. Арманд в 1902 г. стал гражданским мужем Инессы. Можно представить, как постепенно складывалась эта ситуация, и каким непростым был клубок их отношений многие годы. Но все эти люди очень любили друг друга, при этом братья в первую очередь думали о счастье Инессы и благополучии детей.

У Инессы за 1894–1903 гг. родились 4 детей от первого мужа (с которым она никогда не была разведена), а затем от его брата, ее второго гражданского мужа еще сын (всего 3 мальчика и 2 девочки, а в 1914 г. (когда ей было уже 40 лет) – еще дочь Анна. Ряд авторов (В.Г. Ткаченко, К.В. Ткаченко, В. Краскова, Л.Н. Васильева, И.Ф. Попов и некоторые другие) прямо или косвенно указывают, что Анна была ее общим ребенком с Лениным (особенно убедительно это доказывают В.Г. и К.В. Ткаченко). Со временем все значительное имущество Армандов, находящееся за границей, было переписано на Анну, воспитывавшуюся в дорогом закрытом зарубежном пансионе. Первый муж И.Ф. Арманд – А.Е. Арманд – всю свою жизнь любил Инессу, воспитывал всех ее 5 детей от Армандов, при царе выкупал ее из тюрьмы, куда она попадала за революционную деятельность, а когда она была в ссылках изо всех сил старался выполнять все ее желания. А.Е. Арманд дожил до старости, умер в 1943 г. под Москвой. Второй муж И.Ф. Арманд, В.Е. Арманд, приехал к ней в ссылку в Мезень в 1907 г., через 2 года умер. В 1909 г. Инесса познакомилась с Лениным. Всю жизнь она жила за границей, была богатой наследницей Армандов, однажды инкогнито в конце 1950-х гг. приезжала в Москву. Никто из Армандов не эмигрировал за рубеж после событий осени 1917 г. Ленин отдал распоряжение, чтобы Армандов не трогали, когда шли аресты и расстрелы собственников. Никто из Армандов не пострадал даже в 1930–1940-е гг.

В 8 км от железнодорожной станции **Правда** расположено село **Ельдигино** с Троицкой церковью, построенной в 1735 г. в **усадьбе Ельдигино**, принадлежавшей князю, сенатору А.Б. Куракину (1697–1749). В 33 года этот состоятельный человек, тогда уже тайный советник и министр, только что вернувшийся из Парижа, где он состоял полномочным послом, женился на Александре Ивановне Паниной (1711–1786), сестре знаменитых графов Никиты

и Петра Паниных. У них родились 1 сын и 8 дочерей. В их большом и богатом доме в Москве княгиня А.И. Куракина устроила домовую церковь во имя Святой Троицы, где всю жизнь, если позволяло здоровье и обстоятельства, отстаивала обедню. Именно она настояла на строительстве храма во имя Святой Троицы и в их подмосковной усадьбе Ельдирино, строительство которого завершилось через 5 лет после их свадьбы. Троицкий храм в Ельдигине принадлежит к типу центрических сооружений, в основе его композиции лежит равноконечный крест. 4 центральных пилона поддерживают 8-гранный световой барабан, увенчанный сомкнутым сводом и стройным фонариком в основании главы. Фасады храма обработаны парными пилястрами и плоскими наличниками. Сохранились главный иконостас, современный времени строительства этой церкви, масляная живопись конца XIX в. Храмную колокольню построили в 1842 г. Кроме Троицкого храма, от бывшей усадьбы князей Куракиных сохранился также усадебный парк с системой террасных прудов.

Во второй половине XIX в. владельцами усадьбы были промышленники-мануфактуристы с купеческим прошлым – Арманды. Их женившийся старший сын Александр Евгеньевич с молодой и очень привлекательной 19-летней женой Инессой Федоровной (Теодоровной) поселились в их подмосковной **усадьбе Ельдирино** и нечасто приезжали в родительский дом-усадьбу в Пушкине.

В Ельдигине, вблизи Троицкой церкви, сохранился дом, в котором с 1894 по 1903 г. жили А.Е. и И.Ф. Арманды. В этом двухэтажном доме в советский период открыли школу. Для И.Ф. Арманд годы жизни в Ельдигине – первые годы после ее замужества – были, вероятно, очень счастливыми. Здесь у молодых супругов Армандов родились и росли 4 детей – 2 сына и 2 дочки. И.Ф. и А.Е. Арманды организовали школу в Ельдигине для крестьянских детей, и И.Ф. Арманд преподавала в ней. Здесь, в большой мере под влиянием репетитора ее сыновей Е.Е. Каммера, она выбрала революционную идеологию, стала оказывать значимое содействие революционерам, сама стала постепенно приобщаться к революционной деятельности. А.Е. Арманд имел прогрессивные взгляды, одно время был увлечен земской деятельностью, был гласным губернского собрания, членом Московского лесохозяйственного комитета, заседал в «Особом городском присутствии по разбору и призрению нищих» (благотворительная организация), но о революциях и преобразованиях не думал. Жена же его и младший брат Владимир верили в необходимость революционных действий, неудивительно, что общие интересы сблизили их и они полюбили друг друга. 28-летняя И.Ф. Арманд ушла от мужа, в новом гражданском браке у нее родился сын. С первым мужем Инесса Федоровна сохранила дружеские отношения, он воспитывал ее 5 детей. В совместной жизни с Владимиром у них были тюрьма, ссылки, эмиграция, в 1909 г. В.Е. Арманд умер от туберкулеза в Швейцарии. В этом же году И.Ф. Арманд познакомилась с В.И. Ульяновым-Лениным, начался их роман. Ленин больше думал о своей исторической миссии, сохранении исторического авторитета и безукоризненной репутации. Беременность И.Ф. Арманд и рождение их дочери в 1914 г. скрыли, его письма к ней он потребовал вернуть ему, они расстались. Ленин решил, что надежнее ему остаться с верным другом и официальной женой Н.К. Крупской (1869–1939). И.Ф. Арманд имела возможность сравнить все ее романы, но самые счастливые ее годы прошли именно в Ельдигине. Где бы ни была И.Ф. Арманд, она всегда с особым теплом вспоминала годы, проведенные в усадьбе Ельдирино.

К юго-востоку от железнодорожной станции Правда находится старинное село **Братовщина** с Благовещенской церковью (1852). С XVII – самое начало XVIII вв. здесь была одна из любимых дворцовых усадеб царей династии Романовых. Любовь Романовых к Братовщине началась с 1613 г., когда московское духовенство и высшие бояре именно здесь встречали новоизбранного царя Михаила Федоровича Романова (1596–1645 гг., царь с 1613 г.) – первого царя из династии Романовых. Здесь молодому царю впервые были оказаны на высоком уровне царские почести. Эта встреча столь сильно запала в душу Миха-

илу Федоровичу, что по его велению в Братовщине построили путевой дворец, возле него выкопали пруды (до наших дней не сохранились). Он любил здесь останавливаться, следуя в Троицкий монастырь на богомолье. Эту традицию продолжили и другие первые цари из династии Романовых. В те времена церковь и дворец были деревянными. В 1775 г. мимо этих мест проезжала императрица Екатерина II. Она восхищалась видом, открывавшимся на реку и луга, приказала построить здесь новый каменный дворец и каменную церковь. Вскоре заложили фундамент, завезли строительные материалы. Но поскольку Екатерина II быстро остыла к этому замыслу, сооружение новых строений, едва начавшись, было остановлено. В 1825 г. деревянную Благовещенскую церковь сменила каменная. Возле этой первоначально деревянной церкви был похоронен представитель знатной старинной фамилии – князь М.А. Голицын – шут императрицы Анны Иоанновны, к шутейной свадьбе которого с крещеной придворной калмычкой А.И. Бужениновой был построен в Санкт-Петербурге зимой 1739/40 г. на р. Неве знаменитый Ледяной дом. Кривляка-шут Голицын, будучи клеветником Э.И. Бирона, грубыми шутками потешал императрицу и ее фаворита, потакал их вкусам и грубым потехам. Время стерло с лица земли почти все в Братовщине, что напоминало бы о ее былом величии. Только память людей и книги хранят события истории в этом бывшем царском владении.

В 3 км от железнодорожной станции **Зеленоградская** расположено **село Нагорново**, где находилась старинная вотчина князей Щербатовых. Здесь, в родовой щербатовской **усадьбе Нагорново**, один из первых русских историков, публицист, политический деятель князь М.М. Щербатов написал «Историю Российскую от древнейших времен» (вышла в свет в 1770–1790 гг.) и интереснейший памфлет «О повреждении нравов в России». В последнем издании он дал смелую картину режима императрицы Екатерины II.

Князь Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790) – тайный советник, сенатор, был разносторонне образованным человеком, экономистом, политиком, историком, писателем, философом, моралистом. Всю жизнь он исключительно много читал и слыл энциклопедистом. Его личная библиотека включала 15 тыс. томов. Он не только стремился получать знания, но и спешил передавать их людям. Он много писал, среди его трудов – работы «О пользе законов», по географии, о мерах против голода, о земледелии, о торговле, о смертной казни и др. Щербатова особо интересовал вопрос об идеальном государственном устройстве, при этом он отрицал все его формы правления: монархию (где при дворах господствует лесть), народовластие (с интригами разных партий), республику («редко не достигающую до мучительства»). Сам он был сторонником аристократической олигархии. Его историко-литературные изыскания помогли ему найти и издать несколько ценных письменных памятников, среди них «Царственная книга», «Летопись о многих мятежах», «Журнал Петра Великого» (по поручению императрицы Екатерины II он разобрал бумаги Петра I) и др. Историко-публицистическими способностями Щербатова обладал и его внук (сын его дочери Натальи) П.Я. Чаадаев, также русский мыслитель и публицист.

В 30-х гг. XIX в. усадьбу Нагорново купил агробиолог, философ, физик М.Г. Павлов (1793–1840) – профессор Московского университета (с 1820 г.), издатель журналов «Атеней» (1828–1830) и «Русский земледелец» (1838–1839), директор-основатель Земледельческой школы в Москве. Эта школа зимой работала в Москве (на Большой Дмитровке), а с апреля по октябрь ее практические занятия проходили в Нагорнове. Школа работала в большой мере благодаря энергии и энтузиазму Павлова, поэтому после его смерти она закрылась. Павлов был одним из первых ученых, разрабатывавших вопросы рационального ведения сельского хозяйства, по сути, он является одним из основоположников научных основ сельскохозяйственной деятельности. До наших дней в бывшей усадьбе Нагорново сохранились двухэтажный кирпичный дом в стиле классицизма с деревянными галереями-колоннадами, объединяющими его с двумя парными одноэтажными флигелями, а также заросший парк.

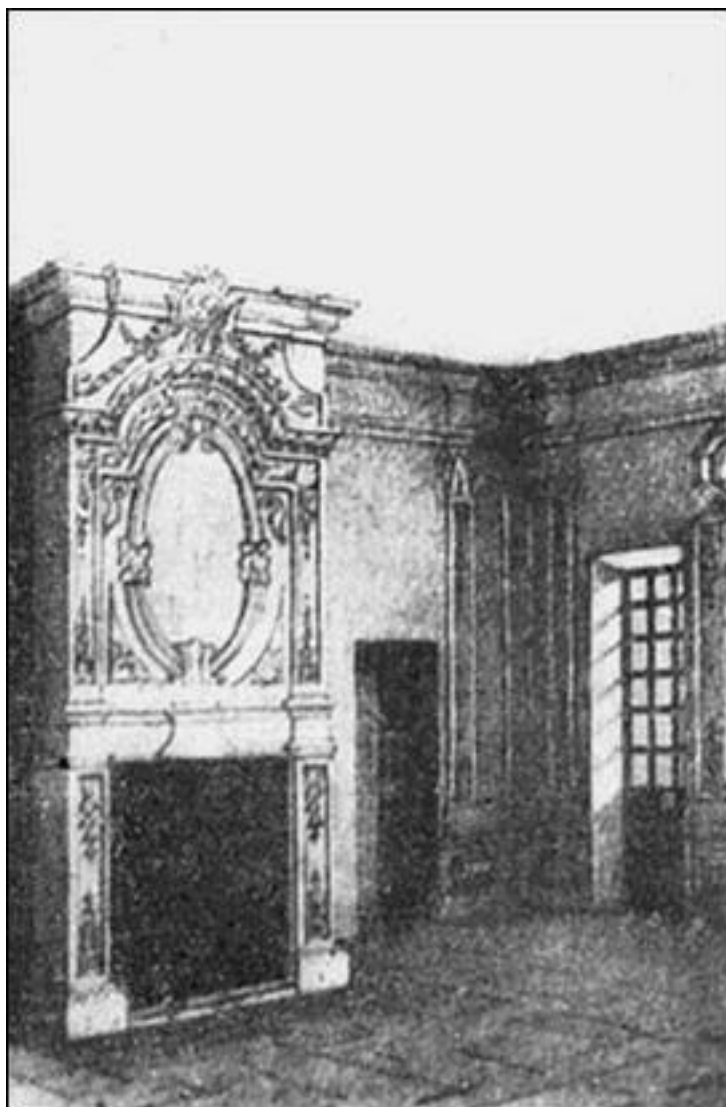

Князь М.М. Щербатов

Софрино. Усадебный дом

В районе железнодорожной станции и поселка **Софрино** в старину была большая и богатая **усадьба Сафарино (Софьино)** с приписанными к ней селом и деревнями. В самом начале своей истории это место и усадьба назывались Сафарино (по имени первого владельца села в XVI в. Ивана Сафарина), что подтверждается и патриаршей грамотой конца XVII в. В 70-х гг. XVII в. Сафарино числилось «государевым дворцовым селом», к 90-м гг. того же века оно стало подмосковной вотчиной боярина Ф.П. Салтыкова, дочь которого Прасковья вышла замуж за царя Ивана Алексеевича – старшего брата царя Петра I. Затем владельцем этих земель стал канцлер М.Г. Головкин (1705–1775), у него их конфисковали в казну в 1742 г. В середине XVIII в. Сафарино было приписано к собственным вотчинам императрицы Елизаветы Петровны. Тут был построен еще раньше дворец, в котором на пути в Троицкий монастырь останавливались члены царской семьи. Особенно часто приезжали в разное время в Сафарине правительница – царица Софья, царь Петр I, царица Прасковья Федоровна, ее дочь – императрица Анна Иоанновна и дочь Петра I – императрица Елизавета. В этой царской усадьбе был построен каменный дворец в два яруса. В XVIII в. дворец был очень богато меблирован. Со двора в дворцовые палаты вело каменное крыльцо с деревянными перилами под крытым навесом. К дворцу примыкал большой сад с плодовыми деревьями, цветником, парниками, прудом. Переходом дворец соединялся с каменной церковью (1691), построенной в «нарышкинском» стиле. Вокруг храма тогда была высокая ходовая паперть на арках.

Софрино. Зал с камином в усадебном доме. С литографии середины XIX в.

Мураново. Усадебный дом

В конце XVIII в. владельцами этого имения стали графы Ягужинские, которые перестроили дворец. После смерти генерал-поручика графа С.П. Ягужинского (1731–1806) его вдова в 1833 г. отпустила на волю крепостных крестьян сел Сафарино, Клинниково, Бурдаково. Село и усадьбу Сафарино стали называть Софрино или Софьино, по созвучию от имени царевны Софьи, в конце концов прижилось именно название Софрино.

С 40-х гг. XIX в. усадьба Софрино пришла в упадок. Старинный дом-дворец без ремонта разрушался, сад был запущен, много деревьев в нем было вырублено. Во второй половине XVIII в. ветхий софринский дворец, дававший представление о немногочисленных дворцовых усадьбах времен императриц Екатерины I и Елизаветы, был разобран.

В наши дни в этих местах почти ничего не напоминает о былом величии дворцовой усадьбы. Но сохранилась Смоленская церковь, выстроенная по желанию боярина Ф.П. Салтыкова в качестве домового храма в 1691 г. Это кирпичная богато украшенная резным белокаменным декором ярусная церковь «под звоном», с 3-частной апсидой и притвором; она до сих пор представляет собой яркий образец стиля московского барокко. Церковь поставлена на высоком подклете, первоначально она была окружена открытым гульбищем на аркадах. На месте примыкавших к церкви каменных боярских палат XVII в. в 1866 г. построили колокольню и трапезную. Южный придел церкви возвели в 1912 г. Этот храм относится к числу выдающихся произведений зодчества конца XVII в.

За поселком Софрино находится **усадьба Мураново**, представляющая тип небогатой подмосковной усадьбы первой половины XIX в. Ее основное здание – двухэтажный деревянный дом с пристройкой и башней – был очень удобным для жизни семьи с детьми. Построен он был по чертежам и под наблюдением поэта Е.А. Баратынского в 1841 г. для его семьи. Интересна история Муранова, стиль жизни, традиции и судьбы ее менявшихся владельцев. Из межевых книг XVIII в. известно, что одними из первых владельцев «сельца» Мураново были князья Оболенские, затем хозяева менялись. В 1816–1836 гг. владельцем усадьбы был генерал-майор Л.Н. Энгельгардт, участник Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Он дружил и с героем-партизаном Отечественной войны 1812 г., поэтом Д.В. Давыдовым, который неоднократно приезжал в Мураново. Л.Н. Энгельгардт является автором интересных

мемуаров, которые он написал в Муранове, где провел последние годы жизни. После его смерти усадьбой стали владеть его дочери. Старшая из них – Анастасия Львовна – была замужем за поэтом Е.А. Баратынским (он в 1836 г. стал владельцем усадьбы), другая дочь – Софья Львовна – за председателем «Общества любителей русской словесности» при Московском университете Николаем Васильевичем Путятой. Сад в Мураново распланировали и вырастили Л.Н. Энгельгардт и Е.А. Баратынский с привлечением специалистов. Баратынский очень любил Мураново и воспел красоту его природы в своих стихах. Но он прожил здесь только одну зиму; в 1844 г. он с семьей уехал за границу и вскоре скончался в Италии в возрасте 44 лет. После смерти Баратынского владельцем усадьбы стал Н.В. Путята. К нему в Мураново приезжали С.Т. Аксаков и его сыновья, В.Ф. Одоевский, А.Н. Майков, Е.П. Ростопчина, С.А. Соболевский и др. Приезжал сюда и Н.В. Гоголь, комнату, где он останавливался, называли «гоголевская». На единственной дочери Н.В. Путяты – Ольге – был женат младший сын поэта Ф.И. Тютчева Иван Федорович; сам поэт часто приезжал в Мураново и подолгу гостил здесь. Последней владелицей усадьбы стала О.Н. Тютчева (урожденная Путята, умерла в 1920 г.). И.Ф. Тютчев (ее муж и сын поэта) собрал в Муранове рукописи и другие вещи своего отца. В Мураново он привез обстановку кабинета и спальни Тютчева из Петербурга. В глубине усадебного парка, у стен небольшой усадебной церкви (перестроенной в конце XIX в. из амбара), сохранились могила сына и внука поэта – И.Ф. и Н.И. Тютчевых. В 1918 г. О.Н. Тютчева передала Мураново государству. В 1920 г. в Муранове был открыт литературный музей. С момента основания музея его директором был внук этого поэта (умер в 1949 г.). Летом 2006 г. в музее-усадьбе от шаровой молнии случился большой пожар, восстановление усадьбы длилось несколько лет.

Евгений Абрамович Баратынский (Баратынский, 1800–1844) – один из лучших русских поэтов первой половины XIX в. Его лирическая поэзия по своему художественному качеству стоит рядом с лирикой А.С. Пушкина, В.И. Жуковского, Ф.И. Тютчева, М.Ю. Лермонтова. К концу своей жизни он пришел к осознанию противоречия между историческим, научно-техническим прогрессом и духовно-эстетической природой человека.

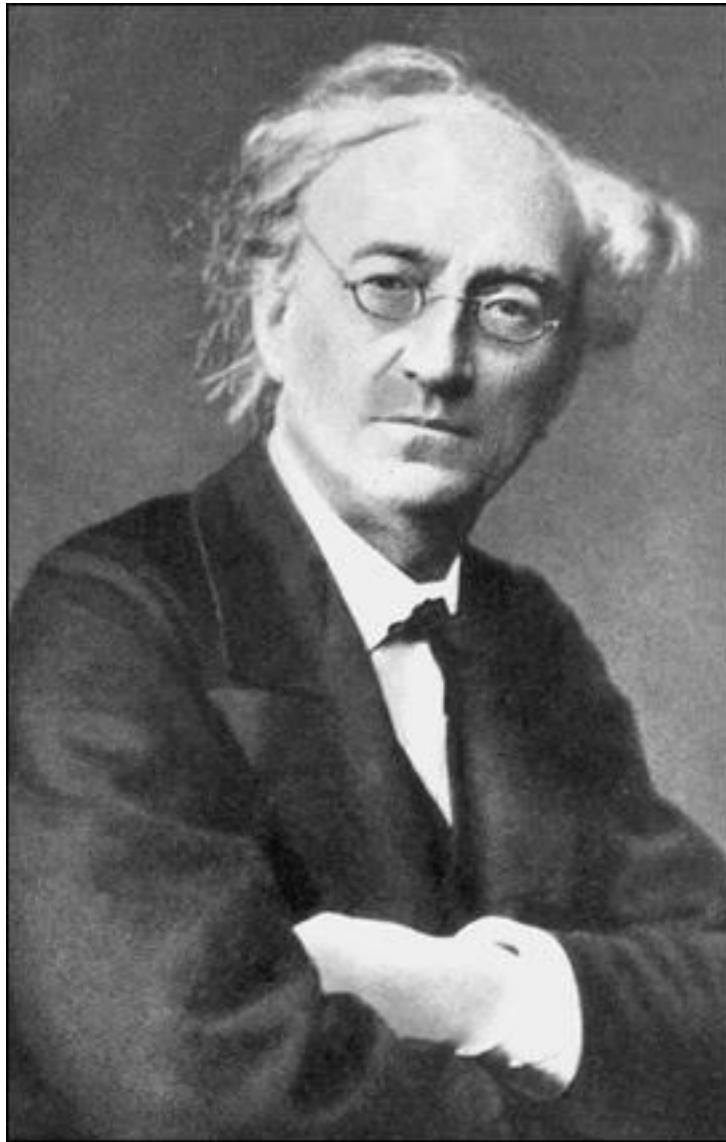
Е.А. Баратынский

Баратынский жил в эпоху, когда в России все отчетливее проступали черты буржуазного уклада, всюду проникал и упрочивался торгашеский дух, мысли о получении доходов любой ценой теснили стремления и помыслы людей к нравственно-духовному совершенствованию. Баратынский осознавал, что растущее стремление к обогащению, деньгам лишают слишком часто людей главного – человечности, доброты, духовности. Он не мог переломить эту тенденцию, старался найти успокоение души в религии, видел утешение в домашнем уюте, в семейной жизни, в бытовых делах своего дома. Баратынский уже тогда разгадал неизбежную разрушающую духовность сущность нарождавшихся буржуазно-экономических отношений, выразил в своих стихах неверие в возможность счастья человека в

будущем, когда практицизм и доходная суэта сменяют истинно ценные помыслы и дела во имя добра, чести и всеобщего благополучия. По сути, он постиг реальность создания и временного сохранения жизненного комфорта только в лоне семьи, вооруженной защитой Православия. На опыте своей жизни он многократно убедился, что только теплые родственные, семейные отношения и творчество являются надежными гаванями, где можно укрыться и спастись от разных жизненных невзгод и бед.

Баратынский известен как великолепный поэт и как яркий патриот Москвы, России. Он был потомком древнего знатного, известного воинской славой дворянского польского рода. Родился в отцовском имении Мара Тамбовской губернии, затем в 1808 г. вместе с родителями переехал в Москву, в 1812–1815 гг. учился в Петербургском Пажеском корпусе, в 1816 г. был исключен оттуда за серьезный проступок (в компании соучеников принял участие в краже денег из кабинета отца одного из них), по высочайшему повелению лишен гражданских прав, подвергнут моральному наказанию (запрет на службу во всех казенных учреждениях и учебу в различных пансионах). Вероятно, именно тогда он перенес сильное нервное потрясение, ставшее началом болезни, мучавшей его всю жизнь. Но, несмотря на позорное положение в обществе, в семье Баратынского окружили лаской. Родные дали ему понять, что хотя они осуждают его поступок, но видят его раскаяние и любят его по-прежнему. Чтобы поправить свое положение, Баратынский поступил рядовым на военную службу. Его влиятельные родственники содействовали тому, что военная служба была для него в большой мере ширмой. Он только числился на службе, в полк появлялся изредка и по вызову, жил на частной квартире, ходил во фраке (а не в солдатской форме) и т. п. С периода учебы в Пажеском корпусе он увлекся сочинением небольших пьес и стихотворений; на «военном» этапе его жизни он продолжил общение с поэтами А.С. Пушкиным, А.А. Дельвигом, В.К. Кюхельбекером и др. Одним словом, он снова занимался литературными делами. В 1825 г., через 6 лет, в свои 25 лет он получил долгожданный первый офицерский чин (стал прапорщиком), что означало восстановление его достойного статуса в обществе. Он в 1826 г. вышел в отставку и поселился в Москве, где с увлечением занялся поэзией. В том же году он женился на А.Л. Энгельгардт, доброй, любезной, умной, но некрасивой девушке; он искренне любил ее и не раскаялся в своем выборе до смерти. Его жена обладала тонким литературным вкусом, поэтическим чувством, поддерживала его в литературной работе. Но отношения его самых любимых женщин, жены и матери (говорили, что мать психически не вполне здорова), не сложились. После смерти Л.Н. Энгельгардта (1826) он стал управлять семейными имениями Эндельгардтов, был вынужден взять на себя эту роль. Тогда он вступил и во владение подмосковной усадьбой Энгельгардтов – Мураново. Баратынский особое внимание уделял именно усадьбе Мураново. У Баратынских к началу 1840-х гг. уже было 7 детей. Для удобства жизни их большой семьи Баратынский начал в 1841 г. строительство в Муранове нового усадебного дома; зиму 1843/44 г. они провели уже в их новом уютном и очень теплом доме. Успешное мурановское домостроительство, уют и тепло домашнего очага, большая дружная семья принесли новый прилив творческой энергии поэту, однако вскоре он умер.

Федор Иванович Тютчев (1803–1873) был и остается одним из лучших русских поэтов-лириков, он оставил яркий след в отечественной и мировой поэзии. Ф.И. Тютчев родился в дворянской семье в селе Овстуг Брянского уезда, его детские годы прошли в Москве. Он с детства и юности ощущал интерес к поэзии. В 1819–1821 гг. учился в Московском университете на словесном отделении, с 1822 г. начал служить по Министерству иностранных дел.

Ф.И. Тютчев

Родственники помогли ему получить скромное рабочее место при русской дипломатической миссии в Мюнхене. Тютчев не был богат, тем не менее он никогда не стремился к служебной карьере. Он провел за рубежом на дипломатической службе 22 года. Был дважды женат на иностранках, женщинах из родовитых семейств. Языком его повседневной жизни был французский; русская речь и язык были для него заветными, и только самые сокровенные свои чувства, мысли он излагал на этом самом дорогом для него языке.

Домик в усадьбе Мураново

В усадьбе Мураново

В 1844 г., в 41 год, Тютчев переселился в Россию, в Петербург, стал служить в Министерстве иностранных дел, с 1858 г. стал председателем Комитета иностранной цензуры. Он оставался прежде всего светским человеком, завсегдателем аристократических салонов Петербурга и Москвы, был великим мастером салонной беседы, эстетом, любимцем моло-

дежи и стариков, баловнем женщин. Излюбленной темой его разговоров была внешняя политика. С позиций образованного, патриотично настроенного человека он пытался своими знаниями, опытом, порядочностью воздействовать на принятие правильных решений царем и правительством. Но власть не любила, чтобы ее учили и интересы страны защищали оружием, которым она сполна не владела. Тютчев был очень образованным, что еще более подчеркивало отдельные стороны интеллектуальной ограниченности царя и его правительства. Правящие силы страны тех лет не востребовали сполна обширные знания и редчайший талант этого человека. В этом одна из весомых причин того, что лучшие творческие силы Тютчева ушли на лирическую поэзию.

В прямую оппозицию светскому обществу его привели и отношения с Еленой Александровной Денисьевой (1826–1864), племянницей инспектрисы Смольного института благородных девиц, где учились две его дочери. Они познакомились в 1850 г., тогда ему было 47 лет, ей – 24 (возрастная разница – 23 года). Их связь длилась 14 лет, вплоть до смерти Е.А. Денисьевой. У них родилась дочь и двое сыновей. Свою страсть к Денисьевой Тютчев не скрывал, но и с официальной своей семьей не порывал. Положение Денисьевой было исключительно трудным, почти невыносимым, от нее отвернулось общество. Она была душевно растерзана, замучена безысходностью ее судьбы и физическими страданиями от чахотки (туберкулеза). В условиях семейной неустроенности, беспокойства в двух его семьях и последующими угрызениями совести от своих поступков, Тютчев находил райский уголок временного спокойствия для себя, когда гостил в семье своего сына Ивана в Муроме.

Тютчев находил самовыражение в своей поэзии, для него писать стихотворения было необходимостью, при этом на судьбу своих стихов он взирал с равнодушием. Хотя его стихи печатали с 15 лет, только в 1850 г. (ему 47 лет) в авторитетном журнале «Современник» устами Н.А. Некрасова он был назван одним из первых поэтов страны, только в 51 год появился сборник его стихов. В 1857 г., в 54 года, он стал членом-корреспондентом Петербургской академии наук. С начала 1873 г. (ему 70 лет) он был тяжело болен и в том же году умер.

Мураново. Литературная комната в усадебном доме

Усадьба Мураново привлекает внимание в первую очередь как историко-литературный памятник, однако она имеет и определенную архитектурно-художественную ценность. В этом плане интерес представляют усадебный дом (1841), флигель, церковь, службы (1870-е гг.), небольшой пейзажный парк. Наибольшую архитектурную ценность имеет главный усадебный дом, построенный по проекту и под наблюдением Е.А. Баратынского. Этот дом состоит из главного 2-этажного корпуса, 2-этажной башни и соединяющей их низкой пристройки. Здание имеет смешанную конструкцию. Главный корпус сооружен из бревен, снаружи он облицован кирпичом и оштукатурен. В усадебном доме сохранилась обстановка XIX в., комнаты изысканно убраны мебелью красного дерева, семейными портретами, фарфором, бронзой. Этот усадебный дом является интереснейшим художественным памятником XIX в.

Сергиево-Посадский район

В 7 км от железнодорожной станции Калистово расположено село **Воздвиженское**. В XVII в. здесь была дворцовая усадьба, разворачивались разные, в том числе драматические, события русской истории. Через это место проезжали все русские князья, цари, императоры и их семьи, проходили тысячи простых богомольцев, совершавших паломничество в Троице-Сергиеву лавру. В 1623 г. в Воздвиженском был построен один из путевых дворцов, **дворцовая усадьба**. Во дворце Воздвиженского во время стрелецких мятежей и борьбы царевны Софьи с Петром I произошел ряд трагических событий. Хотя с 1682 г. в России одновременно были два малолетних царя – Иван V (1666–1696) и Петр I (1672–1725), период 1682–1689 гг. был временем реального правления царевны Софьи (1657–1704), регентши при юных братьях-царях. С 1682 г. глава Стрелецкого приказа князь И.А. Хованский стал поднимать стрельцов (тогда главную военную силу Москвы) против правительства царевны Софьи. И.А. Хованский – человек честолюбивый, склонный к интригам, решил использовать недовольство части стрельцов действиями правительства, свергнуть правительницу Софью, женить своего сына Андрея на одной из других царевен и сделаться самому фактическим правителем страны. Софья с братьями Иваном и Петром уехала в Коломенское, а затем – в Воздвиженское, чтобы быть подальше от недругов и собраться с силами для борьбы с ними. В сентябре, в день именин царевны Софьи, в Воздвиженском было назначено торжественное «столование», на которое по обычаю поехал Хованский с сыном (они не знали, что царевне известны их помыслы на захват власти). По приказу Софьи отряд вооруженных людей захватил крамольных князей Хованских. Их в день именин царевны привезли в Воздвиженское и по ее приказу казнили. Властная, решительная, грешная царевна Софья не побоялась пролить чужую кровь в день ее именин, т. е. в День ее Ангела-Хранителя. Тела казненных Хованских бросили в болото близ села. Вскоре здесь она осознала горечь своего поражения в борьбе за власть. В 1689 г. оказалась неудачной попытка 32-летней Софьи поднять восстание против Петра, нашедшего защиту в Троице-Сергиевом монастыре и вызвавшего к себе верные войска. К нему пришли верные полки и бояре, тогда царевна приехала в Воздвиженское, чтобы оправдаться перед братом и просить его – молодого царя – вернуться в Москву. Петр даже не принял ее, а, вернувшись в Москву, заточил в Новодевичий монастырь (где она жила 15 лет, до конца своей жизни).

До наших дней царский путевой дворец не сохранился. Но сохранилась каменная Воздвиженская церковь, построенная по заказу владельца села того времени А.И. Муханова в 1838–1847 гг. Церковь эта является выдающимся произведением московского ампира. Это кирпичное с белокаменными деталями центрическое здание, в плане близкое к квадрату, оно представляет редкую для своего времени композицию храма «под звоном». Массивный куб церкви с 4 портиками греко-дорического ордера увенчан барабаном-звонницей. От внутреннего убранства храма остались главный резной иконостас конца XIX в. и пол из каменных плит.

Царевна Софья

Бывшее царское владение Воздвиженское и события в нем лишний раз заставляют вспомнить, что борьба за власть – за ее получение и удержание – дело, как правило, хлопотное, кровопролитное, с непредсказуемыми последствиями, что опережать свое время для человека далеко не всегда благодатно. Судьба царевны Софьи все это хорошо доказывает.

Жизнь и судьба царевны **Софьи Алексеевны Романовой** (1657–1704 гг., регентша-правительница в 1682–1689 гг.) убедительно показывают, что часто небезопасно опережать свое время, что способности, знания, смелость не всегда обеспечивают победу и реализацию планов. Царевна Софья была одной из самых образованных личностей своего века. Она знала польский, латинский, французский языки, мировую и российскую историю, много читала, переводила иностранных авторов. Сама писала прозу и стихи (вероятно, первая переводчица, писательница, поэтесса в России), интересовалась политикой, строительством, архитектурой, была деятельной и страстной натурой в борьбе за власть и личное счастье женщины. Она пренебрегла правилами русской царской семьи, первой из русских царевен сама

стала решать свою личную жизнь, ее фаворитом стал женатый князь, боярин Василий Васильевич Голицын (1643–1714) – удивительный человек, в своих воззрениях также опередивший свое время, к тому же и внешне очень красивый человек, с обширными знаниями и изысканными манерами, на 14 лет старше Софьи.

После смерти царя Федора Алексеевича Романова государями объявили двух братьев – слабого, больного 16-летнего Ивана (от царицы М.И. Милославской) и бойкого, здорового 10-летнего Петра (от царицы Н.К. Нарышкиной). Честолюбивая 25-летняя царевна Софья стала регентшей-правительницей при несовершеннолетних царях и была ею 7 лет. В 1696 г. Иван умер. Петр после подавления волнений стрельцов в 1689 г. приказал Софье жить в Новодевичьем монастыре, где она содержалась под присмотром стражи, но жила довольно свободно, имела большой штат. Тем не менее она мечтала занять престол сама, для нее это означало не только получение статуса первого лица в государстве, но и возвращение ее личного счастья в неформальном брачном союзе. Участие царевны в очередном мятеже стрельцов в 1698 г. заставило царя Петра I насильно постричь ее в монахини в Новодевичьем монастыре, где для нее установили строгий режим. Лишившись даже надежды завладеть престолом, потеряв своих возлюбленных (князь В.В. Голицын и молодой, красивый, но незнатный начальник стрельцов боярин Ф.Л. Шакловитый), она все-таки самообладание и энергию, несмотря на все потрясения, не потеряла. Она молилась, читала, рукодельничала, переписывала рукописи, думала о князе В.В. Голицыне, решительно и талантливо реализовывала свои планы строительного совершенствования Новодевичьего монастыря. На известном полотне художника И.Е. Репина (1844–1930) – «Царевна Софья Алексеевна через год после заключения ее в Новодевичий монастырь во время казни стрельцов и пытки всей ее прислуги в 1698 г.», написанном в 1879 г., изображенная женщина не имеет ничего общего с внешним обликом царевны Софьи (позировала для этой картины мать художника В.А. Серова). Царевна Софья, хотя и не была красавицей, имела высокий рост, но обладала определенной привлекательностью и производила приятное впечатление на людей, особенно если она этого хотела. При всех прирожденных и приобретенных достоинствах царевна Софья не смогла реализовать свои главные желания – стать во главе государства и быть рядом с любимым человеком.

Абрамцево. Усадебный дом

В 2 км от железнодорожной платформы Абрамцево находится бывшая усадьба, а теперь **музей-усадьба Абрамцево**. Впервые это место упоминается в писцовых книгах в XVIII в. (1755 г.) как хутор Абрамцево. В 1843 г. усадьбу купил известный писатель С.Т. Аксаков (1791–1859). К нему приезжали в гости и подолгу гостили его друзья, писатели и поэты – Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Ф.И. Тютчев и др., а также артист М.С. Щепкин, историк Т.Н. Грановский и др. В этой усадьбе С.Т. Аксаков написал свои лучшие произведения. В 1870 г. усадьбу купил на имя его жены (Елизаветы Григорьевны Мамонтовой) промышленник и меценат С.И. Мамонтов, большой любитель и знаток искусств. При С.И. Мамонтове начался новый виток культурной истории усадьбы, пышный расцвет ее художественной жизни. В 1860-х – 1870-х гг. в московском особняке Морозова и в Абрамцеве сформировался «мамонтовский кружок», в который входили художники, архитекторы, скульпторы, искусствоведы; все они мечтали о расцвете русской национальной культуры. Абрамцево в 1870–1890 гг. стало центром художественной жизни и творчества. Сюда приезжали в гости, жили и работали многие известные художники и артисты, среди них В.Д. Поленов, В.М. и А.М. Васнецовы, В.А. Серов, М.А. Врубель, И.Е. Репин, М.В. Нестеров, И.И. Левитан, М.М. Антокольский, Ф.И. Шаляпин, М.Н. Ермолова, К.С. Станиславский и др. Здесь образовался кружок представителей передовой художественной интеллигенции, участники которого обсуждали широкий круг проблем и участвовали в строительстве и украшении усадьбы. Е.Г. Мамонтова и Е.Д. Поленова были инициаторами создания в Абрамцеве столярно-художественной (резьба по дереву) мастерской, в сборе коллекции кустарных изделий, предметов народного быта (старые прялки, валки, расписные дуги, бытовая утварь и т. п.). При содействии С.И. Мамонтова здесь были созданы художественные мастерские, развивавшие традиции народного творчества. Е.Д. Поленова с 1882 г. возглавила с художественных позиций столярную мастерскую, что стало началом возрождения народного художественного промысла резьбы по дереву. В 1889 г. в усадьбе организовали керамическую мастерскую, которой особенно были увлечены М.А. Врубель и С.И. Мамонтов. В 1881–1882 гг. по проекту В.Д. Поленова и В.М. Васнецова в Абрамцеве построили по инициа-

тиве Е.Г. Мамонтовой церковь, над украшением которой работали художники В.М. Васнецов, И.Е. Репин, В.Д. Поленов, скульптор М.М. Антокольский. В парке создали беседку – «Избушку на курьих ножках», построенную по рисунку В.М. Васнецова. Е.Г. Мамонтова открыла (1873) лечебницу и школу грамотности для крестьян, а в соседней слободе Хотькова монастыря – бесплатную народную читальню. С.И. Мамонтов был особенно увлечен скульптурным творчеством, делами в керамической мастерской, литературными трудами, домашними летними театральными постановками в их усадьбе.

Абрамцево. Студия-мастерская

Абрамцево. Церковь Спаса Нерукотворного

В 1900 г. С.И. Мамонтов разорился, после чего жизнь в усадьбе замерла. В 1918 г. С.И. Мамонтова похоронили в усадебной церкви Абрамцево, а еще раньше у северной стены этой церкви похоронили его сына – Андрея (в 1892 г. возвели часовню над его гробом), Е.Г. Мамонтову, дочь Веру и ее младшего сына. После событий 1917 г. в усадьбе создали мемориальный музей, а часть ее территории занял санаторий. Музей разместился в деревянном усадебном доме, в нем сохранилась изразцовая печь-лежанка работы М.А. Врубеля. Сохранились мастерская художников (1872), баня (1873), церковь (1881–1882), парк, а в нем из цветной майолики – диван с сиренами (тоже работы М.А. Врубеля), детский домик («Избушка на курьих ножках»). Об Абрамцево и его жителях напоминают написанные в нем многие полотна известных художников, в том числе картина «Девочка с персиками» (1887) В.А. Серова (1865–1911), одно из лучших произведений русской живописи, портрет 12-летней дочери Мамонтова – Верушки. Сохранился уютный парк из лиственных пород деревьев (XVIII – XIX вв.).

Посещение усадьбы Абрамцево и воспоминания о ее наиболее известных владельцах – С.Т. Аксакове и С.И. Мамонтове, – лишний раз заставляют думать, сколь необходимо для блага страны, Отечества, собственной семьи вдумчиво и разумно, без лишних эмоций использовать свои силы, знания, связи, состояние, сохранять холодную и трезвую голову, держаться подальше от любых махинаций.

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859) происходил из старинного дворянского рода, был известным русским писателем, литературным и театральным критиком, членом-корреспондентом Петербургской академии наук (1856). С.Т. Аксаков переехал из Петербурга в

Москву в 1811 г. С конца 1820-х гг. его дома в Москве и подмосковных усадьбах – Абрамцево, Борисово, Гаврилково – были центрами литературной жизни. Именно в доме Аксакова организационно сложилось славянофильство. Аксаков был в 1827–1832 гг. цензором Московского цензурного комитета, с 1833 г. – инспектором московского Константиновского землемерного училища, после его преобразования в Межевой институт стал его первым директором и был им до 1838 г., выступал с литературной и театральной критикой в московских изданиях.

Абрамцево. Мостик

На протяжении 15 лет Абрамцево во главе с Аксаковым было одним из самых ярких очагов общественной и культурной жизни. В Абрамцеве Аксаков создал свои самые известные литературные произведения («Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука», «Записки ружейного охотника», «Записки об уженье рыбы», «Воспоминания», «Литератур-

ные и театральные воспоминания» и др.). В его произведениях дана панорама усадебной жизни конца XVIII – первой половины XIX в., описано формирование детской души, изложены его воспоминания. Сыновья Аксакова продолжили его культурологические и славянофильские дела. Константин Сергеевич (1817–1860) стал видным публицистом, критиком, поэтом, историком, языковедом, одним из главных идеологов славянофильства. Иван Сергеевич (1823–1886) также был публицистом, редактором-издателем, поэтом и критиком, также одним из основных идеологов славянофильства.

Савва Иванович Мамонтов (1841–1918) был крупным русским предпринимателем, состоятельным и щедрым человеком, внес большой вклад в русскую художественную культуру и искусство. Для многих представителей русской культуры он был не только деликатным покровителем, а прежде всего – другом и вдохновителем творчества.

С.И. Мамонтов был азартным человеком как в деловых и жизненных операциях так и в его разнообразных увлечениях – в поддержке художников, скульпторов, артистов, в реализации театральных постановок, в содействии развитию народного искусства и промыслов, в любви. Он рано понял скоротечность жизни, трудности утверждения в ней, нередко непредсказуемость предпринимательской деятельности, необходимость солидного финансового фундамента для всех начинаний.

В.А.Серов. Девочка с персиками (Вера Саввишна Мамонтова). 1887 г.

Его отец, купец 1-й гильдии И.Ф. Мамонтов (умер в 1869 г.), уверенный в деловых качествах сына, с молодых лет приобщал его к предпринимательской деятельности. Рассказывал ему, как он «работал по откупной части», как винный откуп дал большой доход, как участвовал в компании разработки нефтяных промыслов в Баку, в устройстве и работе «Закаспийского торгового товарищества», а главное – в строительстве железных дорог, призывал упорно овладевать знаниями в разных сферах. С.И. Мамонтов учился дома, в гимназии, в Институте корпуса гражданских инженеров в Санкт-Петербурге, в Московском университете на юридическом факультете, но главные познания он получил в процессе практической работы, когда был привлечен отцом к участию в его предприятиях, а затем в его самостоятельной хозяйственной деятельности. Получив от отца капитал, он вел торговлю итальянским шелком и другими товарами. После смерти отца наследовал акции железной дороги, проявил в делах энергию и решительность, стал достойным продолжателем главного его дела – железнодорожного строительства (которое в те годы стало бурно развиваться). С.И. Мамонтов был азартным дельцом-предпринимателем. Деньги, получаемые от

железных дорог и других предприятий, он вкладывал в новые, нужные России предпринимательские дела, а также использовал в благородных целях – он был щедрым меценатом. Его интересовали не деньги сами по себе (алчность не была чертой его характера), а их необходимость для ведения коммерческих дел, в которых он знал толк и был удачлив. Но он не был единовластным хозяином железных дорог и других предприятий. В огромном акционерном обществе его много лет выбирали главой. Он был с 1872 г. (ему 31 год) директором Общества Московско-Ярославской железной дороги, с 1894 г. (ему 53 года) был председателем правления акционерного Общества Московско-Ярославо-Архангельской железной дороги, где был главным акционером, создал конгломерат связанных между собой предприятий. Он стал потомственным почетным гражданином, мануфактур-советником (1896), был избран гласным Городской думы, еще раньше, в 1870-х гг., стал купцом 1-й гильдии.

С.И. Мамонтов в детстве и юности жил в большой семье, где у его родителей было 8 детей. Он пережил в детстве потрясения от смертей матери и сестер, видел отчаяние отца, понял, что любовь и счастье в семье – главное в жизни. Мамонтов женился в 1865 г., когда ему было 24 г., а его избраннице Елизавете Григорьевне Сапожниковой (тоже из купеческой семьи – ее отец был купцом 1-й гильдии) 18 лет. У них родились 5 детей. В семье царили взаимопонимание, забота, стремление помогать друг другу, заниматься полезным делом. Жена полностью разделяла его меценатские действия, сама стремилась к благотворительным делам и содействию развития национальной культуры, поддерживала его творческие дела и планы. Мамонтов пробовал себя в домашних любительских постановках, проявлял интерес к пению (учился в Италии, когда изучал там торговое дело), имел таланты скульптора и некоторые другие. Но, в отличие от многих талантливых творческих личностей, Мамонтов имел значительные средства и умел делать деньги, в большей мере благодаря им очень многое сделал для помощи художникам, скульпторам, артистам; кроме того, он имел редкий дар открывать таланты, помогать молодым творческим личностям (среди них Ф.И. Шаляпин, М.А. Врубель, К.А. Коровин и др.).

С.И. Мамонтов стал родоначальником частной русской оперы, или Московской частной оперы (Мамонтовской), – театральной антрепризе, организованной и в основном финансировавшейся им (работала с 1885 до 1904 гг., с перерывами в 1888 и 1891–1895 гг.). Это была первая в России негосударственная оперная антреприза, имевшая стабильную труппу и достигшая в своих спектаклях высокого художественного результата; в основе ее репертуара были русские оперы («Садко», «Царская невеста», «Сказка о царе Салтане», «Снегурочка», «Псковитянка» и др. Н.А. Римского-Корсакова, «Хованщина» М.П. Мусоргского, «Орлеанская дева» П.И. Чайковского и др.). Мамонтов выступал художественным руководителем оперы, а часто и режиссером в сотрудничестве с художниками и профессиональными режиссерами.

С 1885 г. (ему 44 года) Мамонтов был исключительно увлечен созданной им Московской частной оперой. Оперные постановки отнимали львиную часть его сил, времени, средств. В театре он пережил сильное потрясение – он страстно полюбил молодую, красивую, талантливую актрису, певицу Татьяну Спиридоновну Любатович, и она ответила ему взаимностью (есть прекрасный ее портрет, написанный К.А. Коровиным). Свои чувства они были вынуждены скрывать, хотели, чтобы это была только их тайна. Как высокопорядочные люди, они не хотели афишировать свои отношения.

С.И. Мамонтов заказывал и покупал полотна братьев Васнецовых, И.Е. Репина, И.И. Левитана, В.А. Серова, М.А. Врубеля, В.Д. Поленова, В.Г. Перова, В.Е. Маковского и др. художников, произведения М.М. Антокольского и иных мастеров. Он много времени отдавал общению с творческими личностями, сбору коллекций (оружия, монет, икон, предметов декоративно-прикладного искусства, мебели). Мамонтов щедро участвовал в финансировании своей Московской оперы, финансировал с 1899 г. совместно с М.К. Тенишевой

журнал «Мир искусства», жертвовал средства в фонд Музея изящных искусств, был избран членом-учредителем Комитета по устройству этого музея, был председателем Дельвиговского железнодорожного училища в Москве, был членом Общества любителей коммерческих знаний. Все его творческие увлечения, благотворительные начинания требовали ощутимых средств, поэтому в деловых операциях он нередко рисковал и не ошибался очень долго.

Но во второй половине 1880-х гг. Мамонтов позволил своим чувствам одержать верх над трезвым рассудком. Конец 1880-х – 1890-е гг. – это пик увлечения Мамонтовым искусством, театром, Т.С. Любатович. Мамонтов был слишком страстным и эмоциональным человеком, далеко не всегда был хозяином своих чувств, часто был их жертвой. Он не смог сохранить контроль над собой при своих увлечениях искусством и женщиной. А для стабильного успеха в предпринимательстве прежде всего нужно иметь трезвую холодную голову, уметь подчинять желания жестким требованиям деловой жизни. Его увлечения притупили его деловую бдительность, расточили значимую часть сил, внимания, финансовых средств. В таких обстоятельствах Мамонтов предпринял попытку финансировать грандиозный проект, но допустил серьезные ошибки и нарушения финансового законодательства, приобрел колоссальные долги, что привело к крушению его финансового благополучия.

В конце XIX в. он оказался вовлеченным в железнодорожные авантюры и поплатился за это – попал под суд за растрату, был в 1899 г. арестован и заключен на 5 месяцев в тюрьму. В 1900 г. Московский окружной суд его оправдал, признал отсутствие корыстного умысла в его действиях, но объявил его несостоятельным должником. Его дом в Москве, художественные ценности, коллекции были проданы, чтобы возвращать долги. После суда его жена была вынуждена снимать квартиру в Москве. Мамонтов на время уехал в Париж, а потом поселился у Бутырской заставы в бревенчатом доме при гончарном заводе, купленном на имя его дочери, где он сам часто становился к гончарному кругу. В 1910 г. он побывал в Ницце, Неаполе, Берлине. Но от широкого и активного предпринимательства он был вынужден отойти, не мог он уже выступать и в роли щедрого мецената. Тогда он оказался забытым многими людьми, которым в лучшие для него времена щедро помогал.

Мамонтов пережил тяжелейшие душевные потрясения. За 8 лет, с 1907 по 1915 г., когда ему было 66–74 года, он потерял дорогих родных людей: любимую дочь Веру (32 года, мать троих детей, которых стала воспитывать ее мать – их бабушка, его жена Е.Г. Мамонтова), любимого сына Сергея (48 лет), внука Сергея, жену (в 1913 г.) Елизавету Григорьевну (67 лет) и многих друзей, а еще раньше, в 1891 г., умер его сын Андрей (22 года).

В этот тяжелый для него период жизни некоторые друзья совсем забыли его. Но с 1914 г. (ему 73 года) его жизнь скрашивала молодая женщина Евгения Николаевна Решетилова, выпускница Петербургского сиротского института императора Николая I, она с начала 1900-х гг. учительствовала в Торжке, в 1906 г. познакомилась с ним. С 1915 г. молодая, милая и не требовательная Е.Н. Решетилова всегда была рядом с ним в Москве. После того как летом 1917 г. был продан гончарный завод у Бутырской заставы, они стали жить в Абрамцево. Осенью 1917 г. они переехали снова в Москву, где снимали небольшую квартиру. Тогда ради денег на еду и квартирную плату Решетилова работала в полевом стане воздушного флота. У Мамонтова из-за отсутствия перспектив активной деятельности усилились еще с 1916 г. (ему 75 лет) болезни, стремительно развивался склероз, увеличивалась общая слабость. Из-за слабеющей памяти и иных недомоганий Мамонтов осмысленно не мог воспринять события осени 1917 г., из дома почти не выходил. В Москве в феврале 1918 г. он простудился и умер в марте от воспаления легких. Похоронили его, как и его двоих детей, жену, внука, в Абрамцево.

Добрый, благородный, патриотично настроенный С.И. Мамонтов по большому счету не был сильной личностью, он не смог стать хозяином своих чувств, не сумел стабильно и результативно длительное время использовать свое огромное состояние во благо экономики

и культуры России, а также своей большой семьи. Он слишком верил в свою финансовую изворотливость и связи в правительственных кругах, но их поддержка и прикрытие надежными не были (политические и хозяйственно-экономические группировки и кланы постоянно враждовали между собой, боролись за власть, деньги, решающее положение в стране; в их борьбе он был всего лишь винтиком, а не равным лицом). Именно за благородные дела С.И. Мамонтова россияне вспоминают добрыми словами.

В 4 км от Абрамцева и г. Хотькова находится село **Ахтырка**, известное как центр художественной резьбы по дереву. В XVIII в. здесь была создана одна из **лучших в Подмосковье усадеб**. При этом здешние места имеют давнюю историю и известных владельцев. Упоминается это место впервые в грамоте великого князя Ивана III в 1504 г. В 1694 г. эти земли принадлежали И.А. Панину, позже их владельцем стал знаменитый **В.Н. Татищев** (1686–1750; см. с. 481–483) – русский историк, государственный деятель. В 1720–1722 гг. и 1734–1737 гг. он управлял казенными заводами на Урале, в 1741–1745 гг. был астраханским губернатором; был известен своими трудами по этнографии, истории, географии, особый успех имела его работа «История Российская с самых древнейших времен» (кн. 1–5, изданные в 1768–1848 гг.). В.Н. Татищев много сделал в области горного дела, был президентом Берг-коллегии, основателем Екатеринбурга и уральских заводов. В.Н. Татищев был одним из первых российских масонов.

В 1734 г. у В.Н. Татищева поместье купил князь И.Ю. Трубецкой. В 1734–1879 гг. оно принадлежало князьям Трубецким. При Н.И. Трубецком здесь были возведены деревянные усадебные постройки, разбит небольшой сад, в 1772 г. построили церковь во имя иконы Ахтырской Божией Матери, с тех пор селение стали называть село Ахтырка. В 1820-х гг. архитектор А.С. Кудепов создал здесь одну из красивейших в Подмосковье усадеб; она была единственной в окрестностях Москвы, целиком выдержанной в духе ампира.

Ахтырка. Усадебный дом

Последним владельцем усадьбы из рода Трубецких был князь **Николай Петрович Трубецкой** – председатель Российского музыкального общества, при активном содействии и материальной помощи которого была создана Московская консерватория. В Ахтырку к

нему часто приезжали представители русской культуры, особенно – музыканты и композиторы, в том числе Н.Г. Рубинштейн, П.И. Чайковский и др. Н.П. Трубецкой был человеком семейной, дворянской чести. Когда в 1879 г. его брат Иван проигрался и попал в долговую яму, Трубецкой, чтобы выручить его, был вынужден продать свое имение. В семье Н.П. Трубецкого было 9 детей; старшим был Сергей, родившийся в Ахтырке, он со временем стал крупным общественным деятелем.

Князь Сергей Николаевич Трубецкой (1862–1905) был первым избранным ректором (в 1905 г.) Московского университета, где он был приват-доцентом, затем профессором, создал студенческое историко-филологическое общество, которым руководил до своей смерти, был крупным религиозным философом, публицистом, общественным деятелем. С.Н. Трубецкой начальное образование получил дома, потом учился в классической гимназии в Москве и в Калуге, в 19 лет поступил в Московский университет, где через 9 лет на историко-филологическом факультете защитил магистерскую и в 38 лет – докторскую диссертации. У Трубецкого рано проявились выдающиеся черты характера, он стал символом прогресса, демократии, совести передовых людей России, когда она оказалась на революционном распутье 1905 г. Трубецкой понимал необходимость в начале XX в. коренных реформ, о чем говорил и писал императору Николаю II, осознавал ответственность народа за свое правительство. Трубецкой критически, с научных позиций осмыслил длительный опыт взаимоотношений высшей школы с государством и обществом, имел свою обоснованную точку зрения на создание в России общенациональной системы образования, доказывал исключительную значимость университетов в жизни и развитии страны. Он выступал за расширение студенческих инициатив, за права и свободы высшей школы. В большой мере благодаря ему профессура получила в 1905 г. право выбирать университетское начальство и самостоятельно решать внутриуниверситетские вопросы, а студенты получили право создавать свои корпоративные организации для решения своих дел. В сентябре 1905 г. Трубецкой, добившийся в августе возвращения Московскому университету права автономии, в том числе выборности ректора (он в 43 года стал первым выбранным ректором Московского университета), добился невмешательства армии и полиции в дела университета. Не желая допустить ввода войск и полиции на территорию Московского университета, Совет университета по предложению ректора его закрыл 22 сентября 1905 г., но через 7 дней Трубецкой у министра народного просвещения генерал-лейтенанта Глазьева защитил интересы университета, но и расплатился за это сполна – умер от кровоизлияния в мозг. Соображения Трубецкого по построению образовательной школы, т. е. системы образования в стране, и роли высшего образования в жизни России и ее будущности представляют интерес и в наши дни. Трубецкой образно писал: «Я не могу считать целесообразным разрушение неудобного плохого и ветхого, но все-таки обитаемого училища пока я не знаю как будут учить в новом и каково это новое училище. Я не отрицаю необходимости коренной реформы нашей школы и в особенности коренного изменения нашей школьной политики. Но теперь со всех сторон говорят не о реформе, а именно о разрушении существующей школы». Это и многое другое, сказанное С.Н. Трубецким, особенно актуально сейчас, когда нужно не спешить разрушать проверенную российской практикой образовательную систему. Не нужно бездумно перенимать не подходящие сполна для России зарубежные модели построения школы, общеобразовательной и высшей.

После князей Трубецких усадьба Ахтырка переходила из рук в руки. Последним ее хозяином был С.М. Матвеев, который создал здесь процветающее хозяйство с оранжереями, где круглый год выращивали цветы.

Ахтырка и ее окрестности связаны с творчеством художника **Виктора Михайловича Васнецова** (1848–1926), жившего здесь в летние месяцы. Когда он снимал в Ахтырке одну из дач летом в начале 1880-х гг., то написал здесь этюды «Пруд в затишье», «Осока»,

«У опушки», «Затишье». Здесь В.М. Васнецов работал над известной картиной «Аленушка» (1881), находящейся сейчас в Третьяковской галерее. Аленушка на его полотне изображена на берегу Ахтырского пруда, сохранившегося до наших дней. В.М. Васнецов утверждал, что у его Аленушки глаза – от дочки С.И. Мамонтова – девочки Веры, которую за ее безмерное обаяние называли «абрамовской богиней». Тогда, в 1880 и 1881 гг. на своих полотнах В.М. Васнецов изобразил реальных обитателей этих мест. Так, для картины «Богатыри» (1881–1898) сын С.И. Мамонтова – Андрей (Дрюша) – послужил моделью для создания облика Алеши Поповича. На этой картине коня Ильи Муромца он написал с огромного коня, принадлежавшего Мамонтову.

После событий осени 1917 г. в главном здании конфискованной усадьбы была устроена школа, затем открыт детский дом. В 1921 г. бывший усадебный дом сгорел, постепенно разрушились или были разобраны усадебные флигели, сохранилось только здание церкви (в советский период этот храм закрыли, он возродился только в 1990-е гг.). От когда-то прекрасной усадьбы сохранились только небольшой изящный храм во имя Ахтырской Божией Матери, красивые въездные ворота, парк с прудом. Кирпичный оштукатуренный храм в стиле ампира, являющийся выдающимся произведением своего времени, до сих пор вызывает всеобщее восхищение. Его кубический объем завершен купольной ротондой. Он выполнен в простых строгих формах дорического ордера; боковые портики имеют колоннады. Стройная 3-ярусная колокольня соединена с храмом крытым переходом. Храм имеет нарядное внутреннее убранство, современное его постройке. В бывшей усадьбе князей Трубецких размещается дом отдыха.

Щелковский район

На юге Щелковского района находится бывшая **усадьба Алмазово**. Эта усадьба была создана по желанию известного уральского заводчика Н.А. Демидова в 60-х – начале 70-х гг. XVIII в. Уникальна усадьба прежде всего своеобразной парковой планировкой с системой искусственных каналов и прудов с островами. До наших дней сохранилось далеко не все, но и то, что мы видим, поражает. Главной композиционной осью усадебного комплекса был Большой канал длиной около 700 м, начинавшийся у Малого пруда и насыпанного холма «Сион» и кончавшийся у Большого пруда. Примерно посередине трасса канала делилась на два рукава и охватывала округлый остров, на котором стоял господский дом, соединенный галереями-мостами с флигелями. Параллельно каналу проходила основная усадебная аллея, вдоль которой стояли церковь, оранжереи, конюшни, слободка дворовых людей. Основной массив парка находился в стороне от канала. В парке был Лебяжий пруд с 8 островами, соединенными мостиками и украшенными беседками. Особо славились беседки «Китайская башня» и «Домик уединения». Были в усадьбе и два зверинца.

Н.А. Демидов

До наших дней сохранились кирпичный с белокаменными деталями мост через Большой канал, также кирпичная с белокаменными деталями Казанская (Сергиевская) церковь в стиле классицизма (1814–1819), два дома причта (первая четверть XIX в.) и двухэтаж-

ный кирпичный жилой дом в стиле ампир (первая четверть XIX в.). Средняя часть главного фасада дома выделена 2-колонным портиком дорического ордера, помещенным в рустованных антах. С архитектурно-художественных позиций в усадьбе главный интерес представляет Казанская церковь, возведенная на месте предшествующей кирпичной церкви. Четверик храма завершен опирающейся на 4 внутренних пилон купольной ротондой с глухим барабаном и люкарнами. К его западной стене примыкает 3-ярусная колокольня со шпилем. Боковые фасады обработаны тосканскими пилястровыми портиками с фронтонами. Есть предположение, что усадебный комплекс в Алмазове был создан по проекту Д.И. Жилярди или с его авторским участием; известно также, что его привлекали к ремонтным работам в нем.

Архитектурно-планировочная и художественная уникальность усадьбы Алмазово определялась не только талантом архитектора, но и честолубивым заказом ее хозяина, одного из сыновей знаменитого горнозаводчика А.Н. Демидова (с 1678–1745), статского советника **Никиты Акинфиевича Демидова** (1724–1789 гг., см с. 323), владельца колоссального состояния, требовавшего, чтобы все его усадьбы были уникальны по архитектурно-художественным параметрам и поразительными по богатству их убранства. По сути, он гнался за внешним великолепием, поддерживал только престижные знакомства, мечтал о всеобщем преклонении перед ним и был абсолютно не способен на широкие бескорыстные поступки. Н.А. Демидов отличался крутым нравом, редкостной скупостью, был чванливым и мелочным. При этом он любил разыгрывать роль мецената, просвещенного человека, знатока искусств, литературы, политики, добился звания Почетного члена Академии художеств и Вольного экономического общества. В семье Демидова никогда не было покоя и счастья: судьба как будто мстила ему. Два его первых брака были бесплодными, в третьем браке у него были две дочери и сын, и все они были по-своему несчастливы и прежде всего – в личной жизни. Демидов всю жизнь стремился множить свои богатства, ни с кем не делить их, постоянно расширять список своей недвижимости в надежде обрести счастье и спокойствие. Однако его богатства и стремление увеличивать их как раз и лишили его действительного счастья, покоя, удовлетворения в жизни, а также благородных и порядочных детей (времени на их воспитание у него не было, а пример его жизни был худшим учителем для них).

Глинки. Усадебный дом. 1730-е гг.

Глинки. Флигель главного дома

В окрестностях поселка и железнодорожной станции Монино находится санаторий «Монино», располагающийся на землях бывшей **усадьбы Глинки**. Усадьба Глинки принадлежала сподвижнику Петра I, генерал-фельдмаршалу, всесторонне образованному человеку, графу Я.В. Брюсу. После смерти Петра I он вышел в отставку и поселился в своем селе **Глинки**, где и умер через 8 лет. Усадьба Глинки – самая старая из сохранившихся подмосковных дворянских усадеб. Это самый ранний из известных тип усадьбы-дворца, который во второй половине XVIII в. получил широкое распространение в России. Усадьба Глинки создавалась в первой трети XVIII в., когда резко преобладали загородные поместья с барскими домами деревянной постройки. В усадьбе Глинки создали из камня дворцовый комплекс. Эта усадьба представляет очень большой интерес в историческом, архитектурно-художественном, общечеловеческом планах. Знакомство с ее историей, жизнью ее владельцев дает думающему человеку богатую пищу для размышлений.

Самым ярким владельцем усадьбы Глинки был **Яков Вилимович Брюс**, купивший ее у князя А.Г. Долгорукова в 1727 г. Я.В. Брюс был одним из самых родовитых, образованных, представительных (рост под 2 м) людей своего времени, человеком с сильным патриотическим чувством. При царе Петре I (1672–1725 гг., царствовал с 1682 г., правил с 1689 г.) раскрылись главные таланты Брюса, большие его способности и обширные знания были максимально использованы в интересах России. После кончины Петра I к власти пришли алчные, ограниченные люди со скудным образованием, нередко еще и низким происхождением (что хотя бы отчасти, но на генетическом уровне ограничивало их способности, возможности при решении важнейших государственных и иных дел). Таким людям умный, честный, грамотный, не способный на лесть и пьянки Брюс был не нужен; рядом с ним они выглядели интеллектуальными карликами, умственными уродами. Вот почему они сделали все необходимое, чтобы он ушел в отставку. Но Брюс – и вне сферы государственной деятельности – продолжал активную жизнь: строил и перестраивал усадьбу Глинки, вел научную работу, систематизировал свои открытия и наработки, пополнял библиотеку, коллекции для их использования в будущем во благо России. Можно представить, как страдал Брюс, видя, что государственные ущербные наследники Петра I не могут достойно продолжать его начинания, а то и откровенно гробят их, не желают советоваться и просить советов у действительно образованных людей истинно патриотической закваски. Понимая, что он насильственно отстранен от государственных дел, Брюс не раскис, не обозлился на действительность, а в рамках своих вынужденно сузившихся возможностей трудился во благо будущего России.

Я.В. Брюс

Граф Яков Вилимович Брюс (1669–1735) происходил из древнего рода шотландских королей, но родился в Москве, с детства был взят во дворец к царевичу Петру, оказался

среди его «потешных ребяток», был участником Крымских (1687, 1689) и Азовских (1695, 1696) походов, одним из главных организаторов русской артиллерии, которой командовал в Прутском походе (1711) и в Северной войне (1700–1721). Он был генералом, сенатором, президентом Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии. В 1721 г. он вместе с А.И. Остерманом подписал Ништадтский мир (завершивший победоносную для России 21-летнюю Северную войну), за что Петр I возвел его в графское достоинство. После смерти Петра I он ушел в отставку в 1726 г. (ему 56 лет) и был произведен в генерал-фельдмаршалы (при уходе в отставку). С 1726 г. он жил в Москве на Мещанской улице, около Сухаревой башни, а в 1727 г. окончательно переселился в свою усадьбу Глинки, где продолжил свою созидательную деятельность. Усадьба Глинки строилась в 1726–1735 гг. по его проекту и под его наблюдением. Он знал и постоянно стремился, в том числе и в Глинках, расширить свои познания в области математики, физики, астрономии, иностранных языков, геологии, географии, ботаники, инженерном деле, военной науке (особенно – артиллерии) и др.

Он еще на государственной службе составил карту российских земель от Москвы до Малой Азии (1696), редактировал географические карты и глобусы, переводил иностранные книги на русский язык, ведал (с 1706 г.) Московской гражданской типографией, обеспечил составление первого русского гражданского календаря (он вышел под его редакцией – «Брюсов календарь»), ведал книгопечатным делом в России, переписывался с некоторыми западными учеными (Лейбниц и др.), собрал богатую коллекцию предметов старины и редкостей (портреты знаменитых людей, точные измерительные приборы, карты, планы, рисунки и др.), которую завещал после своей смерти Петербургской академии наук, имел большую библиотеку с книгами в разных областях знаний. Переселившись в Глинки, Брюс продолжал свою исследовательскую деятельность. При обширности его знаний и стремлении их расширить, среди соседей он не мог найти себе интересных собеседников и друзей, а тратить время на пустые разговоры он не любил. Его постоянно охранял караул из взвода солдат, чтобы оградить от общества любопытных, а то и назойливых соседей. На втором этаже усадебного дома был кабинет Брюса со всем необходимым оборудованием, – разными научными приборами для занятий физикой, естествознанием, астрономией, рядом других наук; на крыше дома была устроена небольшая башня-обсерватория для наблюдения за звездами, астрономические наблюдения он вел и на открытой северной лоджии дома. Для хранения коллекций и проведения опытов он использовал помещения во флигелях. Удивляло соседей не только обилие книг в библиотеке, но и большое число в ней магических и астрологических книг (после смерти Брюса, по его воле, все его книги были переданы в библиотеку Академии наук). Был в усадьбе и подземный ход в павильон (где при наследниках Брюса была устроена масонская ложа). Парк украшали мраморные статуи, в том числе обнаженных античных мифологических героев. Пугали соседей и вырезанные из камня демонические маски, украшавшие фасад усадебного дома, в том числе замковые окна нижнего этажа; но есть мнение исследователей, что это маски-карикатуры на вельмож, – противников Брюса. В Глинках была построена (1756 г.) усадебная церковь во имя Св. Иоанна Богослова. В Глинках Брюс основал бумажную фабрику, которая потом некоторое время принадлежала известному изобретателю механику-самоучке И.И. Кулибину (1735–1818).

О Брюсе и при жизни, и после его смерти чаще всего вспоминали как о колдуне, который свои тайны и богатства не передает никому, и в доказательство приводили судьбы последующих владельцев усадьбы Глинки. Людская молва твердила, что колдун-чернокнижник Брюс не желает, чтобы кто-либо другой хозяйничал в его доме-усадьбе. Действительно, после смерти Брюса судьба усадьбы Глинки и ее других владельцев была невеселой. Так, одна из наследниц Глинок, Е.Я. Брюс, вышла замуж за видного масона, главу ложи «Астрея» В.В. Мусина-Пушкина, он вскоре умер, не оставил потомства по мужской линии. Другая владелица Глинок – помещица Колесова – не смогла жить в усадьбе, так как Я.В. Брюс

ежедневно являлся к ней во сне, она совсем от страха потеряла способность спать, утратила покой, вот почему она продала эту усадьбу купцу Лопатину. Он открыл в усадьбе фабрику, построил плотину, в главном усадебном доме устроил склад хлопка, но вскоре он сгорел. Лопатин восстановил дом-склад под хранение хлопка, но вскоре сгорела фабрика. Затем усадьбу купил купец Малинин, но и он тут же потерял ее – грянули события 1917 г. В наши дни в усадебном доме размещается санаторий «Монино».

Я.В. Брюс прожил 66 лет – немало по тем временам. В разные годы своей жизни он пытался предсказать будущее России. Особенно показателен составленный под его редакцией первый русский календарь. Авторами этого календаря были Брюс, а также его помощники – математик и географ Василий Куприянов и его ученик Алексей Ростовцев. В историю этот календарь вошел как «Брюсов календарь». В этом календаре XVIII в. содержались и прогнозы с 1800 по 2000 г. По предсказаниям календаря, ожидать следовало такие события: «1942–1970—1998 годы. Тяжелая война между просвещенными государствами, дворянство некоторого государства окажет знания отменной храбрости в пользу своего государства и Отечества»; «1931–1959—1987 годы. Великая перемена в некотором государстве, новый образ правления в некоторой республике, славное побоище, великий государь воцарится». Многие ученые в прошлом и теперь считают, что Брюс и его коллеги под словосочетанием «некоторое государство или республика» имели в виду Россию. Так или иначе с конца 1980-х гг. начались принципиальные изменения в России, в том числе в Москве.

С архитектурно-художественных позиций усадьба Глинки представляет значительный интерес. Архитектура 2-этажного кирпичного дома-дворца с декором из белого камня (включая маски) богато пластически разработана и нарядна (1730-е гг.). Центральную часть главного фасада занимает 2-ярусная лоджия. Нижний ярус образован рустованной аркадой с пилонами, украшенными пилястрами; верхний ярус украшен спаренными колоннами коринфского ордера. Богато украшены выразительными маскаронами наличники. В доме сохранилась старая планировка. В доме особый интерес представляют 2 больших зала, один над другим, соединенные между собой лестницей. Именно этим залам подчинена планировка дома-дворца. Ведь главный дом в своей усадьбе Брюс создавал и как научную обсерваторию. Строительно-планировочные особенности этого дома полностью соответствуют типу строения обсерватории. Таким образом, дом-дворец Брюса в Глинках дополнительно к его архитектурно-художественным достоинствам и мемориально-исторической значимости является и редчайшим памятником науки. Другие сохранившиеся постройки имеют меньший исторический и архитектурный интерес. Кирпичный одноэтажный садовый павильон, известный как «Лаборатория Брюса», полностью сохранил изящную архитектурную декорацию петровского времени. Кроме того, сохранился одноэтажный флигель – «Кладовая Брюса», но его облик частично изменен. Такая же судьба постигла здание одноэтажной кардегардии (первая половина XVIII в.). Сохранился также регулярный липовый парк с копанным прудом, он с одной стороны обнесен валом, а с другой – окаймлен прудами правильной геометрической формы. В усадьбе была церковь, ведь в семье Брюса все были убежденными православными людьми. Церковь была построена в 1756 г. из материала разобранного храма в соседнем селце Мизинове и сохранила свое посвящение Иоанну Богослову, вскоре к ней пристроили колокольню. В 1930-х гг. купол храма и колокольню сломали, изуродованное здание стали использовать в хозяйственных целях. В 1990-е гг. начали работу по восстановлению и возрождению этого храма. Рядом с храмом была фамильная усыпальница графов Брюсов, ее также разрушили в советский период. Но спасли и отвезли в Москву в Донской монастырь редчайший по красоте и пластичности надгробный памятник – мраморное надгробие над могилой жены Я.В. Брюса – графини Прасковьи Александровны Брюс (урожденная графиня Румянцева, 1729–1786 гг., выполнил надгробие И.П. Мартос), а также интересное надгробие Александра Романовича Брюса.

В 1990-е гг. в бывшей усадьбе Глинки, главным образом благодаря группе энтузиастов, много лет продолжающих работу по возрождению этой старинной усадьбы, был создан музей. Особенно большой вклад в создание этого музея внесли В.В. Синдеев, А.Ф. Ерофеева, В.И. Зотов, М.И. Гореликова, Е.Г. Брищук, Ю.В. Федоров (первый благотворитель музея). Музейные экспонаты рассказывают об истории этой усадьбы, ее строителе, других владельцах.

Глинки. Надгробие графини П.А. Брюс

В 3 км от усадьбы Глинки находится деревня **Савинки (Саввино)**, за ней на берегу реки Вори видны остатки старого парка, напоминающие о некогда существовавшей здесь **усадьбе Савинское**. Она в XVIII – начале XIX в. принадлежала И.В. Лопухину – другу и сподвижнику просветителя Н.И. Новикова, приезжавшего сюда в гости. Не раз приезжал

и гостил в усадьбе и выдающийся русский поэт В.А. Жуковский (который считал хозяина усадьбы в числе его благодетелей). Лопухины владели усадьбой в 1678–1776 гг., самым известным среди них был И.В. Лопухин, один из видных московских масонов (мартинистов). Здесь были жилой и хозяйственный сектора, ухоженные пруды и каналы, образовывавшие миниатюрный «архипелаг», на его островках были построены беседки. При Лопухине на одном из островов «архипелага» построили беседку «Храм Дружбы», а сам остров Лопухин назвал Юнговым островом в честь Юнга Штиллинга (1740–1817) – немецкого писателя, профессора государственного управления и известного мистика, сочинения которого неоднократно переводили русские масоны. На другом острове И.В. Лопухин распорядился положить плиту в память о Квирине Кульмане – мистике, сожженном в Москве в 1689 г. В деревне Савинки был поставлен памятник самому И.В. Лопухину. Одним словом, в XVII – начале XVIII в. эта усадьба была местом встреч московских масонов. Позже усадебный дом и другие постройки, в том числе и «затеи» в парке, постепенно были утрачены.

Иван Владимирович Лопухин (1756–1816) был сыном генерал-поручика В.И. Лопухина, детство провел в Киеве, получил скромное образование, служил в Преображенском полку, много занимался самообразованием. Его генетические корни (он был на четверть евреем) определили его интерес к историко-конфессиональным вопросам жизни евреев и религиозно-мистическим воззрениям. В 26 лет, выйдя в отставку в чине полковника, он стал масоном и до последних дней оставался одним из самых ревностных последователей учения мартинистов, или масонов. (Масонство – религиозное движение, возникшее в начале XVIII в. Его организации – ложи – заимствовали традиции средневековых рыцарских и мистических орденов. Масоны стремились создать тайную всемирную организацию с утопической целью мирного объединения человечества в религиозном братском союзе.) Лопухин жил в основном в Москве, стал одним из видных деятелей в кругу московских масонов, сам писал и издавал на свои средства масонские сочинения (что способствовало истощению его первоначального ощутимого состояния). Все свои силы он отдавал масонской деятельности, а также чтению и заботе о престарелом отце. Когда его просили быть на государственной службе, он трудился честно и получил благодарности и орден, в 1807 г. был удостоен чина действительного статского советника. Он всегда оставался убежденным масоном, стремился участвовать в благотворительной деятельности, писал сочинения, делал переводы. К старости он окончательно пришел к выводу, что не благородное происхождение, а обычные добрые человеческие качества являются главным достоинством человека. Вот почему уже в почтенном возрасте он женился на простой женщине Матрене Ефимовне Никитиной, но детей у них не было. Он жалел, что женился слишком поздно. С 1812 г. село Савинское было одним из самых любимых мест его проживания.

В 11 км от г. Щелкова находится бывшая **усадьба Гребнево**. Эта старинная усадьба в конце XVI в. принадлежала сподвижнику царя Ивана Грозного боярину Б.Я. Бельскому, затем 150 лет она принадлежала князьям Трубецким, потом ее владельцами были генерал Г.И. Бибиков (1781–1817) и князя Голицыны (1817–1823). При Бибикове в 1780–1790-х гг. был создан грандиозный архитектурный ансамбль в стиле раннего классицизма, в котором строгие формы классицизма основных сооружений сочетались с ложногоготической архитектурой многочисленных служебных и хозяйственных построек. Следующие владельцы Гребнева – Голицыны – реконструировали в 1817–1823 гг. ансамбль в стиле ампир по проекту архитектора Н.И. Дерюгина. Именно эту усадьбу мы и видим сейчас. Ценность ансамбля в том, что он почти полностью сохранился до наших дней. Ансамбль включает парадные ворота (1818–1819) в виде триумфальной арки с двумя калитками (чугунные кованые решетки полотнищ ворот и калиток изготовлены на уральских заводах Голицыных); трехэтажный каменный оштукатуренный дом-дворец (1780–1790) в стиле зрелого классицизма, два двухэтажных флигеля (конец XVIII в.), два одноэтажных флигеля (конец XVIII в.), хозяй-

ственные постройки (конец XVIII в.), зимнюю Никольскую церковь (1817–1823) в стиле ампира (строили ее арх. И.И. Ольделли и Н.И. Дерюгин, автором ее проекта называют арх. А.Н. Воронихина, в отделке интерьеров участвовал арх. Д.И. Жилярди), летнюю Гребневскую церковь (1786–1791 гг., арх. И. Ветров, внутренняя отделка – С. Грязнов) в стиле классицизма, парк с регулярной и пейзажной частями. Вокруг парка частично сохранилась кирпичная ограда с оригинальными башнями псевдоготической архитектуры. Украшением усадьбы остается громадный пруд с 8 островами, из которых «Большой остров» (20 га) сохранил старинную планировку. На острове раскинулся обширный пейзажный парк.

В архитектурно-художественном плане в усадьбе особый интерес представляет летняя церковь. Это кирпичный с белокаменными деталями храм центрического типа, выполненный в стиле зрелого классицизма. На крестчатом основании покоится овальная в плане купольная ротонда, увенчанная бронзовой позолоченной фигурой ангела и крестом. Фасады храма обработаны спаренными пилястрами и портиками дорического ордера. Исключительным изяществом и красотой отличается внутреннее убранство храма. В западной его части поддерживают хоры две пары ионических колонн, отделанных под мрамор. Очень красивы белые с тонкой золоченой резьбой иконостасы. В куполе храма сохранилась неоднократно поновлявшаяся масляная живопись.

В г. **Фряново** сохранилась бывшая усадьба, с тем же названием, созданная в конце XVIII в. владельцем тогда села Фрянова и местной шелковой фабрики И.Л. Лазаревым. Был построен усадебный дом, создан парк, возведена каменная церковь. Сейчас в бывшей усадьбе Фряново можно увидеть в формах классицизма одноэтажный с мезонином и антресолями деревянный главный усадебный дом, построенный на рубеже XVIII – XIX вв. Он состоит из главного корпуса и двух флигелей, объединенных с ним крытыми переходами. Кирпичная церковь Иоанна Предтечи, сооруженная в 1797 г. в формах классицизма, в плане имеет форму латинского креста. Колокольня имеет барочные черты в ее архитектуре. Сохранились также остатки усадебного парка и подъездная аллея.

Усадьба Фряново интересна не только в архитектурно-художественном плане, представляет она большую ценность и как исторический объект, связанный с жизнью известной армянской семьи Лазаревых – дворянского рода предпринимателей и меценатов в России. Родоначальником этого рода был богатый и знатный армянин Лазарь Назаретович Лазарян (1700–1782), в середине XVIII в. переехавший из Персии (Ирана) в Россию. Он поселился в Москве, где его стали называть на русский манер Лазарев. Он основал в Москве торговлю драгоценными камнями, а один из его сыновей, Иван (Ованес), стал придворным ювелиром, пользовавшимся особым расположением императрицы Екатерины II. В 1744 г. она возвела Лазаревых в дворянство. Лазаревы и приехавшие с ними их родственники покупали дворы в Москве, подмосковные деревни, купили и село Фряново. В пригородах Лазаревы построили фабрики, снабжавшие Москву шелковыми и бумажными тканями, выпускали и особо дорогую ткань – парчу.

Иван Лазаревич Лазарев (Ованес, 1735–1801) стал одним из самых богатых помещиков в России, он владел также фабриками, железными рудниками на Урале, лесами во многих губерниях России, при этом он вел значительную благотворительную деятельность. Л.Н. и И.Л. Лазаревы имели фабрику в селе Фряново, это была самая большая шелковая фабрика клана Лазаревых в России. И.Л. Лазарев, нажив состояние, умер в 66 лет бездетным, оставив свое состояние брату Иоакиму (Овагим, 1744–1826) и завещал устроить на оставленные им средства училище для детей бедных армян. Иоаким выполнил его волю в 1815 г., это училище в Москве в 1835 г. стало гимназией, а затем было преобразовано в Лазаревский институт восточных языков.

3. Восточный сектор

В восточный сектор Московской области входят Балашихинский, Ногинский, Павлово-Посадский, Орехово-Зуевский, Егорьевский, Шатурский районы. Этот сектор имеет главную организационно-транспортную ось, начинающуюся от Курского вокзала в Москве: железнодорожные ветки на Электроугли, Павловский Посад, Орехово-Зуево и далее на Нижний Новгород. Восточный сектор находится в пределах Мещерской низменности, которая имеет форму треугольника и занимает пространство между реками Клязьмой, Москвой, Окой, продолжаясь и за Московской областью. (Название низменности происходит от названия племени мещера, обитавшего здесь в XI–XII вв.) Здесь сохранились следы или остатки считанных единиц бывших усадеб. Все дело в том, что и раньше усадеб здесь было мало. Здесь много болот, болотистых местностей, в той или иной мере заболоченных территорий. Болотистая местность и торфяные болота (с частыми пожарами) издавна не слишком привлекали сюда людей, тем более не способствовали желаниям строить здесь свои усадьбы, а частые пожары, особенно в теплый период, свели их число к минимуму.

Балашихинский район

В г. Балашиха находятся несколько бывших усадеб, среди них Горенки и Пехра-Яковлевское. **Горенки** впервые упоминаются как пустошь, позднее появились деревня, сельцо и усадьба с тем же названием. **Усадьба Горенки** была основана и принадлежала князьям Долгоруким (1714–1747), позже ее владельцем был граф А.Г. Разумовский. В царский период селение Горенки, расположенное на старом Владимирском тракте, было последним этапом, до которого родным и близким разрешалось провожать осужденных на ссылку и каторжные работы в районы Крайнего Севера, в Сибирь. Определенное впечатление о прошлом Горенок дает картина И.И. Левитана «Владимирка» (1882), выставленная в Третьяковской галерее.

Горенки. Северный фасад усадебного дома

Горенки. Колоннада усадьбы

В годы правления внука Петра I, юного царя Петра II (1715–1730 гг., царствовал с 1727 г.), его лучшим другом – фаворитом был не менее юный обер-камергер, князь Иван Алексеевич Долгорукий (1708–1739), так же как и он склонный к праздности, необузданным забавам, бесконечным развлечениям, опасным шалостям. Его отец князь А.Г. Долгорукий (действительный тайный советник, сенатор, гофмейстер), используя влияние сына на юного царя, смог отстранить и отправить в ссылку ранее всесильного князя А.Д. Меншикова и затеял династическую интригу – хотел женить 14-летнего подростка-царя на своей 18-летней дочери Екатерине, которая была невестой графа Сапеги, действительно нравившегося ей. Она имела смелый, энергичный характер, была хорошо образованна, побуждаемая фамильным и личным честолюбием, согласилась увлечь императора своими чарами. Князь А.Г. Долгорукий привозил в свое имение Горенки Петра II, надеясь заинтересовать его своей дочерью. В Горенках Петр II и Иван Долгорукий с друзьями любили развлекаться, охотились, устраивали попойки, развлечения с друзьями, гостями. Приезжала сюда, общалась и развлекалась с Петром II и сестра фаворита юного царя – Екатерина Долгорукая. Она забеременела (то ли от Петра II, то ли от Сапеги), и Петра II «как честного человека» вынудили сделать ей предложение. Ее удалось обручить с Петром II. В конце 1729 г. официально объявили о предстоящем бракосочетании юного царя, но после его внезапной смерти она не стала царицей, хотя и была попытка Долгоруких подделать завещание царя в ее пользу. После доказательства подделки завещания царя Петра II в пользу его невесты Екатерины Долгорукой все семейство Долгоруких отправили в ссылку. Позже князей А.Г. и И.А. Долгоруких казнили, их земли и усадьбы, в том числе Горенки, были отписаны в казну. При императрице Анне Иоанновне Екатерину Долгорукую заточили в монастырь. Новая императрица Елизавета Петровна даровала ей свободу и звание фрейлины, в 1733 г. она вышла замуж за состоятельного генерал-аншефа, но вскоре умерла. Императрица Елизавета Петровна вернула княжескому роду Долгоруких их конфискованные владения.

Во второй половине XVIII в. Горенки принадлежали графам Разумовским. В 1747 г. императрица Елизавета Петровна подарила усадьбу своему морганатическому мужу А.Г. Разумовскому; они тайно повенчались в 1742 г., когда обоим было по 33 года. (В морганатическом браке лицо царствующего или королевского рода соединяется в браке с под-

данным, а не членом иностранного царского или королевского рода.) Елизавета любила Горенки, часто приезжала и подолгу жила в этой усадьбе, наслаждаясь любовью своего избранника. Наследники А.Г. Разумовского владели усадьбой до 1827 г.

Разумовский Алексей Григорьевич (1709–1771) – граф (с 1744 г.), генерал-фельдмаршал (1756), происходил из украинских казаков, участник дворцового переворота 1741 г. в пользу дочери Петра I – Елизаветы, был морганатическим супругом императрицы Елизаветы Петровны Романовой. В молодости, когда он был певчим придворного хора, его редчайшая красота (он был высоким, стройным, несколько смуглым, с черными глазами и бровями) и дивный голос поразили царевну Елизавету, он стал ее личным певчим, управляющим ее именьями, близким другом. Они были тайно обвенчаны в 1742 г., его почитали как супруга императрицы. Она, став императрицей в 1741 г., одарила его огромными богатствами; а он не изменился – оставался добродушным, скромным, прямым, честным. Обладая большим влиянием при дворе, он не участвовал в государственной деятельности, не вмешивался в политику и в борьбу придворных партий, без памяти любил Малороссию (Украину), неизменно радушно принимал украинцев (тогда говорили – малороссов) и покровительствовал им. Когда у императрицы появились новые фавориты, он не мешал им, всегда оставался ее самым доверенным человеком, лучшим другом, которого несмотря ни на что она продолжала по-своему любить, стремилась угадывать и выполнять все его желания. А.Г. Разумовский был очень мудрым человеком, он умел догадываться, что нужно делать в государственных интересах в непростых ситуациях. Так, он сжег документы о венчании с Елизаветой Петровной, чтобы графы Орловы не настаивали на браке новой императрицы Екатерины II с Г.Г. Орловым (которого она любила в молодости и который с его братьями возвел ее на престол в результате дворцового переворота 1762 г.), что было неуместно в государственных интересах в новых исторических реалиях.

А.Г. Разумовский

Во второй половине XVIII в. владельцем усадьбы Горенки был граф А.К. Разумовский. **Граф Алексей Кириллович Разумовский** (1748–1822), родной племянник А.Г. Разумовского, был известным государственным деятелем своего времени, масоном. В 1810–1816 гг. он был министром народного просвещения. Он четко осознавал, что одними из важных причин бед в России были низкий уровень образования населения, его недостаточная духовная зрелость, невысокая степень профессиональной компетенции и культуры даже высших чиновников (многие из них имели склонность к взяточничеству и личному обогащению в ущерб интересам большинства россиян), отсутствие должной дисциплины и порядка практически во всех делах. Используя свои обширные знания и опыт, он пытался влиять на улучшение ситуации в России. Особенно активно А.К. Разумовский содействовал расширению сети начальных школ и гимназий, ввел богословие как главную дисциплину во всех учебных заведениях. Но в статусе министра народного просвещения он пребывал уже в почтенном возрасте (62–68 лет), обладая твердым (а тогда чаще говорили деспотичным) характером, требовал быстро и точно выполнять его указания, решительно карал нерадивых исполнителей, что множило число его недругов и тормозило внедрение в жизнь дельных решений, привело его к разочарованию и отставке.

Граф А.К. Разумовский не только создал в Горенках роскошный дворцово-парковый ансамбль в стиле зрелого классицизма, но и сделал свою усадьбу своего рода научно-практическим центром в сфере ботаники и садоводческого дела. А.К. Разумовский, сын последнего гетмана Украины и Президента Петербургской академии наук К.Г. Разумовского (см. с. 253–254), получил великолепное образование. Наука, научно-практические занятия, опыты в сфере ботаники занимали львиную часть его времени, поглощали ощутимую часть его огромных доходов. Будучи очень богатым человеком, Разумовский мог спокойно и беззаботно жить, но он хотел максимально овладеть ботаническими знаниями, использовать их на практике, делиться с другими. В Горенках он сполна реализовал свои склонности к занятию биологической наукой и практикой. Он не устраивал балов, не любил пустые разговоры с гостями, не стремился к светским развлечениям. Но, помня о высоком статусе своего рода, он приглашал для строительства и благоустройства своей усадьбы лучших архитекторов, строителей, садовников (архитектор А. Менелас, профессор ботаники и химии Московского университета Ф.Х. Стефан, профессор ботаники И. Редовский, немецкий ботаник Ф.Б. Фишер и др.). Сохранившиеся до нас строения некогда великолепной усадьбы были возведены именно при графе А.К. Разумовском. Масштабное строительство по проекту архитектора А. Менеласа, много работавшего на Разумовских, началось в усадьбе в 1777 г. Был создан колоссальный дворцово-парковый ансамбль в стиле классицизма, он включал дом-дворец (расположен в глубине гигантского полукруглого двора, диаметр которого достигает 700 м), зверинец с малым прудом, огромный парк с многочисленными мраморными статуями и красивой лестницей, спускавшейся к пруду, с беседками, гротами и каменными мостиками. В начале XIX в. усадьба славилась уникальным ботаническим садом, где культивировались около 9 тысяч растений, который до 1830-х гг. считался «одним из чудес Москвы и Подмосковья».

По желанию А.К. Разумовского в его доме-дворце были устроены зимние сады. На специально устроенной террасе и под бельведером при дополнительном отоплении и освещении росли диковинные цветы в вазах и тропические деревья в кадках. Был разбит живописный усадебный английский парк. В усадьбе растения росли в открытом грунте и в оранжереях, число которых было не менее 40. К началу 1820-х гг. в усадебном саду выращивали свыше 3 тысяч акклиматизированных растений, суммарная протяженность оранжерей составляла 1,5 км. По желанию А.К. Разумовского в его усадьбе работали около 15 профессоров и адъюнктов, состоящих в должности садовников, около 100 «подсадовников», специалисты по составлению и хранению гербария. В усадьбе проводились опыты по акклиматизации растений, было специальное хранилище семян. Сюда со всего света привозили деревья и кустарники. Только в одной главной оранжерее росли почти 300 тропических деревьев. В Горенках были акклиматизированы и выращивались растения Сибири; ни в одном ботаническом саду Европы не было такого полного собрания сибирской флоры. При ботаническом саду был питомник, в котором все желающие могли купить рассаду и саженцы редких растений. В специальном флигеле в парке размещались богатый гербарий и коллекция минералов. В усадьбе А.К. Разумовский построил специальное здание для обширной библиотеки, в которой преобладали книги по естественным наукам, особенно много было книг по ботанике, садоводству, агрономии. В Горенках было создано первое в России Ботаническое общество. Фактически Горенки были крупнейшим ботаническим научно-практическим центром России того времени. Хотя в 1812 г. стоявшие в усадьбе наполеоновские солдаты и офицеры разграбили дом-дворец, уникальные теплицы и оранжереи пострадали мало.

Научные заслуги А.К. Разумовского были по достоинству оценены. В 1809 г., в 61 год, он стал президентом Фитографического общества России, т. е. первого объединения русских ботаников, а еще ранее, в 1807 г. (в 59 лет), стал попечителем Московского учебного округа и Московского университета, в 1810–1816 гг. был министром народного просвещения.

А.К. Разумовский умер в возрасте 74 лет. После его кончины значимая научно-практическая ценность Горенок прекратилась; равных ему продолжателей его биологических дел в их роду не было. Садовники и ботаники были вынуждены уехать работать в другие усадьбы и государственные учреждения. В Петербургский ботанический сад перевезли из Горенок естественно-научную библиотеку, огромный гербарий и многое другое. Часть растений попала в ботанический сад Московского университета. Многие растения из оранжерей, а также парковые скульптуры купил и перевез в Архангельское князь Н.Б. Юсупов, другие помещики также скупали редкие растения и другие продававшиеся усадебные ценности.

После смерти А.К. Разумовского усадьбу Горенки купил купец и промышленник Н.А. Волков, который устроил в ней бумагопрядильную, ситценабивную фабрику; в дворцовых залах и оранжереях разместили ткацкие станки, машины. Позже владельцы усадьбы менялись, но фабрика в ней действовала до конца XIX в. В 1860-х гг. усадьбу купили Третьяковы; до 1890-х гг. продолжалось производственное использование усадьбы. Затем последний владелец усадьбы, В.П. Севрюгов, фабрику ликвидировал, восстановил дом, но вновь роскошным дворцом он уже не стал. В 1912–1916 гг. при участии арх. С.Е. Чернышева дворец капитально реконструировали, восстановили его садово-парковый фасад, пытались вернуть прежнее величие усадебному парку.

Пехра-Яковлевское. Галерея усадебного дома

В советский период в усадьбе Горенки разместили детский дом, потом – санаторий.

До наших дней в Горенках сохранились почти все усадебные постройки, кроме теплиц: огромный дом-дворец из кирпича с белокаменным декором, уникальной колоннадой (1780–1790 гг., арх. А. Менелас; интерьеры, лепнина, мебель 1910-х гг.), одна оранжерея, звенья ограды и двое въездных ворот (усадьбу окружала глухая кирпичная ограда), четыре служебных корпуса, парк с регулярной и пейзажной частями, эффектный спуск к пруду –

белокаменная лестница с чугунными орлами на пьедесталах на верхней площадке, грот, на островах – остатки каменных мостиков. Даже после перестроек и разрушений в этой усадьбе дом-дворец поражает взор и крепко остается в памяти. Центральная часть усадебного дома – трехэтажная, с 6-колонным портиком ионического ордера на главном фасаде и боковыми выступами-экседрами; их верхний этаж представлял собой открытые балконы. Вынесенные вперед двухэтажные крылья дома ограничивают пространство обширного двора.

Рядом с этой усадьбой находится бывшая усадьба **Пехра-Яковлевское**, вначале больше известная как Яковлевское или Яковлевское-Пехорка. В усадьбе основные строительные работы были проведены в 1770–1780 гг. при князе П.М. Голицыне – депутате Комиссии по составлению нового Уложения 1767–1768 гг. (свода законов России) и его сыне М.П. Голицыне в 1770–1810 гг. М.П. Голицын стал наследником своего богатого отца в юном возрасте, его опекуном был его родной дядя и всеми уважаемый человек князь А.М. Голицын. По инициативе и под руководством А.М. Голицына эта усадьба была окончательно создана. Был построен ансамбль стиля классицизма на месте предшествующего. Владелец усадьбы князь М.П. Голицын не выдвинулся на служебном поприще. В своей усадьбе он собрал коллекцию замечательных картин, пользовавшуюся заслуженной известностью, большую библиотеку со многими редкими книгами, особенно по искусству. Но к концу 20-х гг. XIX в. М.П. Голицын разорился, и его книги, картины, усадьбу пришлось продать.

До наших дней от усадьбы Пехра-Яковлевское сохранились: первоначально двухэтажный (с 1924 г. – трехэтажный) усадебный кирпичный дом, возведенный в стиле раннего классицизма (1783–1786 гг., арх. К.И. Бланк; 1924 г. – перестроен после пожара), соединенные с ним галереей-колоннадой двухэтажные кирпичные флигели, кирпичные здания театра, оранжереи (1810 г., арх. А. Менелас), двухколоколенная Преображенская церковь-ротонда (1777–1782 гг., арх. В.И. Баженов), парк (XVIII в.) с регулярной и пейзажной частями, с остатками «парковых затей» (полукруглая белокаменная лестница в традициях барокко, обломки скульптурных изваяний, фрагменты гротов, насыпной холм). Больше всего поражает дивная красота усадебной церкви, а также флигели с колоннами и портиками, соединенные с центральным зданием двумя полукруглыми колоннадами – галереями изысканных архитектурных форм, поставленными на высокий цоколь из белого камня. Основное внимание привлекает усадебная Преображенская церковь, принадлежащая к немногочисленной группе двухколоколенных ротондальных храмов эпохи классицизма. Двухсветная ротонда храма увенчана массивным барабаном и куполом со шпилем. Главный, западный, фасад образован ионическим портиком и парными башнями 2-ярусных колоколен. Храм имеет нарядное и богатое внутреннее убранство.

Южнее г. Балашихи и рядом с г. Реутово, в 1 км от платформы Никольское, находится поселок – **Никольско-Архангельский**. Здесь была вотчина и создана **усадьба Никольское** князей Долгоруких, владевших ими с 1668 г. в течение 10 поколений; в XIX в. владельцами стали князья Салтыковы. Между 1748 и 1771 гг. по заказу князя А.В. Долгорукого в его вотчине построили церковь Михаила Архангела в стиле московского барокко. Храм уникален, поскольку в Москве и Подмосковье храмы этого типа больше не сохранились. Храм представляет собой кирпичное оштукатуренное здание; его центральный объем типа «восьмирик на четвереке» поставлен на высоком подклете, где помещается Никольский придел. В верхнюю церковь ведут две лестницы, расположенные по сторонам колокольни (первоначально лестницы и паперть перед храмом были открытыми). В облике этого храма композиционные черты московского барокко органично слиты с декоративными приемами барокко западноевропейского. Прекрасны кованые ажурные кресты храма. Внутри храм богато украшен лепниной в виде растительного орнамента. Сохранились элементы живописи конца XVIII – XIX вв. Особенно эффектен позолоченный 5-ярусный иконостас последней четверти XVIII в., он включает иконы XVIII – XIX вв. В нижней церкви 3-ярусный иконостас был создан во вто-

рой половине XIX в. От названия церкви произошло и название села – Никольское-Архангельское. От усадьбы Никольское до наших дней сохранился только живописный, в основном пейзажный, огромный парк (180 га, разбит в 1780-х гг.) с двумя прудами и группой славянских курганов IX–XII вв.

Пехра-Яковлевское. Лестница садовой террасы

В 3 км от железнодорожной станции Кучино находится село **Фенино** (Троицкое), прославившееся в XVIII в. **усадьбой Троицкое-Кайнарджи** – тогда одной из крупнейших подмосковных усадеб. С 1760 г. село Троицкое принадлежало П.А. Румянцеву, великому русскому полководцу. Расцвет усадьбы Троицкое-Кайнарджи связан только с именем фельд-маршала П.А. Румянцева-Задунайского. При нем скромная до 1774 г. усадьба превратилась в одну из ряда крупнейших подмосковных.

По слухам и утверждениям ряда письменных источников, **Петр Александрович Румянцев-Задунайский** (1725–1796) был внебрачным сыном царя Петра I. Его матерью была М.А. Матвеева (1699–1788) – дочь одного из самых передовых людей петровского времени, поклонника западной культуры А.С. Матвеева, – воспитателя матери царя. Красавица Мария Матвеева занимала первое место среди любовниц Петра I. Он не охладел к ней до конца жизни и даже ревновал ее, что случалось с ним не часто. Однако молодая и ловкая красавица успевала изменять ему, хотя никто не смог уличить ее в этом. Чтобы усилить контроль за ней, Петр I выдал 19-летнюю Марию замуж за своего денщика А.И. Румянцева, смотревшего на эту женитьбу как на возможность сделать карьеру. Петр I дал за невестой богатое приданое, жениху – чин бригадира и позаботился о его длительных командировках. П.А. Румянцев родился вскоре после смерти Петра I, Екатерина I была его крестной матерью. В 1731 г. его записали в полк, в 1740 г. отправили за границу для выполнения дипломатической миссии. По возвращении Румянцева определили в Шляхетский корпус, потом он поступил на военную службу. Императрица Елизавета возвела его в графское достоинство, а жену пожало-

вала в статс-дамы. Румянцев стал величайшим полководцем своего времени. Он пользовался огромным авторитетом среди военных, отмечавших его необыкновенную военную сообразительность, находчивость. Румянцев во многом напоминал Петра I. Он был красив, имел таланты правителя и полководца, отличался личной храбростью и просвещенностью, преклонялся перед иностранными науками и военным искусством, любил – особенно в молодости – кутежи, попойки, развлечения с женщинами. Румянцев фактически игнорировал жену и был равнодушен к своим троим сыновьям, кроме того был завистливым, скупым, чрезмерно гордым, имел и другие пороки. Но абсолютно все его недостатки меркли на фоне его воинских заслуг перед Россией.

П.А. Румянцев-Задунaйский

Многочисленные военные победы Румянцева умножили славу и международный престиж России. Особенно значимы были его победы в Семилетней и в Русско-турецкой войне (1768–1774). Командуя в этой войне русскими войсками, Румянцев был окружен под Кагулом в 10 раз превосходящими их по численности турками под началом великого визиря. Тем не менее русские войска атаковали главные силы противника и разбили из наголову. Турки оставили на месте сражения треть своей армии. Русским достались 140 пушек, множество пленных, знамена, весь турецкий лагерь с различными запасами. Именно за эту победу Румянцев получил звание фельдмаршала. Затем, в 1774 г., русская армия под командованием Румянцева перешла Дунай и наголову разбила войска великого визиря, после чего вскоре был заключен очень выгодный для России Кючук-Кайнарджийский мир. В 1775 г. императрица Екатерина II пышно отпраздновала со своим двором в Москве заключение Кючук-Кайнарджийского мира и захотела продолжить празднества в имении Румянцева – Троицком. По желанию императрицы усадьба Троицкое впредь с 1775 г. стала именоваться Троицкое-Кайнарджи, а ее ферма – Кагул. В этой усадьбе Румянцева был построен дворец – громадное здание в готическом стиле, напоминавшее баженовский проект Царицынского дворца; вероятно, и дворец Румянцева создавал В.И. Баженов. Кроме того, в Троицком был разбит парк, устроены оранжереи, выкопаны пруды, заведено образцовое хозяйство. В 1833 г. в соседней деревне Фенино был поставлен прекрасный памятник Екатерине II (работы В.И. Демут-Малиновского); на памятной доске надпись: «От Екатерины дана сему месту знаменитость, оглашающая навсегда заслуги графа Румянцева-Задунайского». Эта аллегорическая скульптура императрицы является одним из лучших образцов русского литья (в настоящее время она хранится на территории Донского монастыря в Москве, перед его Большим храмом). После смерти сына фельдмаршала – С.П. Румянцева (в 1830-х гг.) – имение в 1838 г. было разделено между его наследниками и постепенно пришло в упадок.

От некогда роскошной усадьбы сохранились Троицкая церковь, построенная в стиле раннего классицизма в 1774–1787 гг. (арх. В.И. Баженов или К.И. Бланк), часовня-мавзолей стиля ампира с яшмовым надгробием-саркофагом (1838) над захоронением последнего из рода Задунайских – С.П. Румянцева. Он строил этот мавзолей для перезахоронения останков великого отца, но он оказался его собственной усыпальницей. В мавзолее также погребены дочь С.П. Румянцева – княгиня В.С. Голицына, и ее муж – князь П.А. Голицын.

После Румянцевых владельцами усадьбы стали князья Голицыны, при которых для получения прибыли стали здания сдавать внаем, в том числе в качестве летних дач. На одной из таких дач в 1851 г. у С.П. Шевырева Н.В. Гоголь читал главы из 2-го тома «Мертвых душ».

При всех разрушениях и перестройках бывшая усадьба Троицкое-Кайнарджи остается значимым архитектурно-художественным памятником. Наиболее сильное впечатление производит Троицкая церковь в стиле раннего классицизма. Это кирпичное оштукатуренное здание с деталями из белого камня принадлежит к типу двухколоколенных храмов. Западный фасад храма решен в виде триумфальной арки, он фланкирован двумя стройными башнями трехъярусных колоколен со шпильями. Храм имеет богатое декоративное убранство фасадов и интерьеров, что свидетельствует о его связи с традициями барокко. Хорошо сохранилось первоначальное изысканное убранство интерьера: красивый карниз, тонкие по рисунку лепные гирлянды на стенах и др. Очень красив 2-ярусный увенчанный фронтоном золоченый иконостас с коринфскими колоннами и круглой скульптурой. Сохранились также поновленная масляная живопись конца XIX в. на стенах и сводах, иконы и киоты рубежа XIX – XX вв. Сохранилась еще одна кирпичная церковь – Воскресенская – с деталями из белого камня, построенная в 1867 г. по заказу В.С. Мухановой над могилой ее мужа. Двухсветный бесстолпный четверик храма поверх купольного свода увенчан двумя рядами кокошников и восьмигранным барабаном с шатром в основании главы, под зданием был устроен склеп.

Мавзолей С.П. Румянцева, выстроенный в 1830-х гг. в стиле ампир, – это бесстолпный куб, перекрытый плоским куполом на приземистом световом барабане. Он обработан четырьмя белокаменными тосканскими портиками с фронтонами. Кроме того, сохранились кирпичная с каменным покрытием ограда церковного комплекса (рубеж XVIII – XIX вв.) и английский парк XVIII в. От образцовой фермы Румянцевых «Кагул» сохранился только пруд.

Южнее Кагула находится деревня Зенино, тоже принадлежавшая П.А. Румянцеву. Здесь сохранились переделанный усадебный дом начала XIX в., флигель в псевдоготическом стиле с башней, «готическая» каменная часовня (1837), службы, запущенный пейзажный парк.

В 6 км от железнодорожной станции Купавна находится **село Никольское-Полтево**, в котором во второй половине XVII в. была построена **усадьба Полтево**. Владельцами усадьбы были Ф.А. Полтев и его наследники (с 1659 по 1703 г.), граф Ф.М. Апраксин (см. с. 167), граф А.И. Остерман и его потомки (с 1703 г. до конца XIX в.).

Граф **Андрей Иванович Остерман** (1686–1747) был ярким государственным деятелем, дипломатом. Он родился в Вестфалии, поступил на русскую службу в 17 лет, сделал удачную карьеру, в 44 года стал графом. Он был членом Верховного тайного совета, фактическим руководителем внутренней и внешней политики России при императрице Анне Иоанновне. В 1741 г. новая императрица Елизавета Петровна сослала его в Березов.

В усадьбе сохранились необычная по планировке белокаменная Никольская церковь и липовый парк. Церковь построили в 1706 г. по заказу адмирала Апраксина. Белокаменный ярусный Никольский храм «под звоном» сочетает композиционную основу и отдельные детали убранства «нарышкинских» вотчинных церквей с декоративными мотивами и трактовкой внутреннего пространства, характерными для западноевропейского барокко. Основной объем здания – это вытянутый по продольной оси двухсветный восьмерик, включающий собственно храм и алтарь с притвором. Здание представляет как бы четыре яруса, включая ярус «звона». Бывший усадебный липовый парк со сложной регулярной планировкой XVIII в. также представляет интерес, в нем оригинален прием размещения 4 копаных (теперь спущенных) прудов, вписанных в сетку аллей.

А.И.Остерман

К западу от села Никольское-Полтево находится бывшая **усадьба Милет**, или «Милое лето». Эти места в давности принадлежали царевне Софье Алексеевне Романовой (1657–1704), (см. с. 94–96). По преданию, здесь была ее роскошная резиденция с каменными палатами – дворцом из 20 комнат. Затем усадьба стала собственностью царевны (позже – императрицы) Елизаветы Петровны Романовой (1709–1761). После дворцового переворота 1741 г. императрица Елизавета Петровна усадьбу подарила графу М.И. Воронцову, а его наследники продали ее князю Д. Голицыну в начале XIX в.; затем ее владельцем стали князья Ухтомские, после них – Кологривовы. Милет – одно из немногих мест в Подмосковье, связанных с именем легендарной княгини Екатерины Романовны Дашковой (урожденная графиня Воронцова), которая вместе с ее братом графом А.Р. Воронцовым жили в разные годы в этой усадьбе, которую в XVIII–XIX вв. называли Новый Милет.

Граф **Михаил Илларионович Воронцов** (1714–1767) был известным человеком – генерал-поручиком, действительным тайным советником, камергером, канцлером. Он был крупным государственным деятелем и дипломатом, участником дворцового переворота (1741) и ареста правительницы Анны Леопольдовны в пользу дочери Петра I Елизаветы. С 1744 г. (с 30 лет) он был вице-канцлером, в 1758–1762 гг. (ему 44–48 лет) канцлером. М.И. Воронцов с 14 лет был пажом царевны Елизаветы Петровны, потом был ее камер-юнкером и одним из самых приближенных к ней лиц. При императрице Елизавете Петровне он стал камергером, генерал-поручиком, стал графом и действительным тайным советником. После дворцового переворота 1762 г. он пытался «усоветить» императрицу Екатерину II и помирить ее с мужем – законным императором Петром III, свергнутым ее сторонниками, а потом смирился с воцарением новой императрицы, которая позже всегда выражала личное нерасположение к нему, но оставила его канцлером, ценя его знания и опыт. Он не мог и не хотел найти общий язык с фаворитом новой императрицы Г.Г. Орловым и ее влиятельным приближенным Н.И. Паниным. В 1765 г., в 51 год, он был уволен со службы и поселился в Москве. Всю свою жизнь он оставался другом и покровителем М.В. Ломоносова (1711–1765). Воронцов как государственный муж был человеком осторожным, выступал против активного вмешательства России в распри европейских государств, в решении дипломатических дел был крайне осмотрителен, избегал единоличных решительных ответов, умел скрывать или выгодно представлять намерения своего правительства. Хотя благоволившая к нему императрица Елизавета Петровна делала ему щедрые подарки, пожаловала деревни и заводы, любитель роскошной жизни Воронцов постоянно нуждался в деньгах, просил субсидии или об уплате долгов, писал прошения и выпрашивал все, что было возможно. При больших доходах, но и неумеренных тратах он во имя увеличения своих богатств пускался в торговые предприятия, порой небезопасные и иной раз приводившие его к новым финансовым потерям. Воронцов был большим мастером на разные траты, из-за чего он постоянно нуждался в деньгах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.